

100

ВЕЛИКИХ
ТАЙН
ВТОРОЙ МИРОВОЙ

100 великих (Вече)

100 великих тайн Второй мировой

«ВЕЧЕ»

2005, 2013

100 великих тайн Второй мировой / «ВЕЧЕ», 2005,
2013 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-457-00369-9

Самая тяжелая и кровопролитная война в истории человечества – Вторая мировая – оставила нам множество неразгаданных тайн и загадок. Среди них: борьба за Копье Оттона и странный полет Гесса в Англию, трагедия Катыни и блокада Ленинграда, Ржевская битва («второй Сталинград») и операция в Манильской бухте, засекреченные катастрофы кораблей и пропажи художественных ценностей... Подвиги разведчиков и покушения на вождей и полководцев, героизм подпольщиков и партизан и подлость коллаборационистов, погоня за новейшими образцами техники и странные действия политиков, пропагандистские акции и финансовые диверсии... Обо всем этом увлекательно повествуется на страницах новой книги из серии «100 великих».

ISBN 978-5-457-00369-9

, 2005, 2013
© ВЕЧЕ, 2005, 2013

Содержание

«Землетрясение» в третьем рейхе[1]	6
Охота на фюрера[2]	12
Несостоявшееся покушение[3]	17
Взлет и падение Эрика Хануссена	22
«Восточные приключения» Генриха Харрера	27
Копье Оттона – заветная мечта Гитлера[4]	30
Отто Ран и Катары: между тайной и мошенничеством	34
Тайный информатор Гитлера?[5]	38
Загадочный перелет Гесса[6]	42
Линейный корабль «Шарнхорст» – проклятие кригсмарине	45
Страсть, едва не стоившая карьеры Геббельсу[7]	47
«Шпионка, которая овладела Гитлером?»[8]	51
Что произошло в Глейвице?	55
Катынь: Сталин или Гитлер?	60
Поход рейдера «Атлантис»	64
Тайный груз крейсера «Эмеральд»	68
Как дурачили пилотов противника	73
Фашистский меч ковался в СССР?[9]	77
Правда о «Священной войне»	82
Миф о «внезапности»[10]	85
Был ли удар Гитлера по СССР упреждающим?	90
Правда и выдумки о заградотрядах[11]	94
Приказ № 270, или расстрелянные генералы[12]	99
Линкор «Марат»: жизнь после «гибели»[13]	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Николай Николаевич Непомнящий

Сто великих тайн Второй мировой

© Автор-составитель. Непомнящий Н.Н., 2005.

© ООО «Издательский дом «Вече», 2005.

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2013

Сайт издательства www.veche.ru

«Землетрясение» в третьем рейхе¹

В 1933 году, вскоре после прихода к власти, Гитлер устремился в берлинский пригородный район Куммерсдорф, где размещался танковый полигон. Новоиспеченный рейхсканцлер потребовал продемонстрировать ему оснащение механизированных войск. И хотя техника была слабой – всего лишь мотоциклы с колясками, устаревшие бронемшины и легкие танки Т-1, – лязг металла привел фюрера в восторг. Закончив осмотр, в книге для почетных посетителей полигона он размашисто написал: «Германия будет иметь лучшие в мире танки!»

Жаждавшие выслужиться армейские льстецы пустили в оборот словечко «панцерфатер», что означало «отец танков». Так в коридорах рейхсканцелярии именовали конструктора Фердинанда Порше, который вместе со своим сыном Ферри заправлял делами проектной фирмы. Создав очень удачный легковой автомобиль «Фольксваген», оба Порше теперь стремились увековечить свои имена, лепя из крупновской стали бронированные чудовища для вермахта. О сохранении тайн фирмы заботилась служба безопасности, секретные чертежи покоились в сейфах с хитроумными замками и автоматической сигнализацией, в дверях лабораторий стояли вооруженные эсэсовцы...

Тактико-технические данные немецких танков периода Второй мировой войны ныне можно найти в справочниках. А вот закулисные дела фирмы «Порше и К^о» и сегодня для многих остаются тайной. Между тем зигзаги конструкторской мысли немецких инженеров в переплетении с буйными фантазиями фюрера весьма поучительны.

Военные историки не раз писали о дилетантских потугах в пожарном порядке выдать «Третьему рейху» уже в ходе войны различные виды устрашающего сверхоружия. Как правило, подобные монстры оказывались мертворожденными, и совершенно справедливо попытки их создателей квалифицировались как проявления технического авантюризма. Специалистов концерна Круппа дилетантами не назовешь. Однако на примере танковых дел особенно ясно видно, как политический авантюризм нацистских заправил повлек за собой авантюризм в конструкторских решениях и очень скоро привел Порше и его коллег к паническому пересмотру всех ранее принятых принципов проектирования, а затем к образцам вооружения, так и не попавшим на фронт.

¹ По материалам В. Орлова.

Гитлер возлагал на танковые войска особые надежды

Главная установка фашистских планов агрессии хорошо известна – блицкриг, молниеносная война. В соответствии с такой доктриной готовилась и военная техника. Конструкторские разработки нацеливались на решения задач текущего дня или недалекого будущего. Для немецких концернов и монополий это было очень выгодно, потому что рынок сбыта разнообразных смертоносных орудий был обеспечен, а при налаженном крупносерийном производстве считалось вполне достаточным проводить лишь незначительные усовершенствования, не связанные с большими затратами. Промышленники охотно приняли теоретическую формулу, выданную стратегами агрессии: «Война должна быть выиграна тем оружием, с которым она была начата».

Со времени первого посещения Гитлером Куммерсдорфского полигона строители бронированных машин преподнесли фюреру три модели танков: легкий Т-11, 20-тонные средние Т-III и Т-IV. Их броня не превышала 30 миллиметров, а основным вооружением была скорострельная пушка калибром 37 миллиметров. В расчете на молниеносную войну выбрали ведущее качество этих машин – повышенную скорость движения. По хорошей дороге Т-III мог выдать 55 километров в час. На грязь и труднопроходимую местность немецкие конструкторы не рассчитывали.

Оккупация Франции и других европейских государств, казалось, подтверждала эти расчеты. Военные кампании были кратковременными, а танки действительно лучше, чем у противников. Летом 1940 года был отдан приказ прекратить в области вооружения все исследовательские и конструкторские работы, которые нельзя закончить в течение одного года. Начавшееся проектирование танковых пушек повышенной мощности и модели тяжелого танка приостановилось. Все силы были брошены на то, чтобы заменить в войсках устаревшие танки новыми Т-III и Т-IV. Перед нападением на Советский Союз фашисты сосредоточили на нашей границе 3712 машин.

О принятых на вооружение в декабре 1939 года Красной Армией танках Т-34 и КВ с противоснарядным бронированием, дизель-моторами и 76-миллиметровой пушкой фаши-

сты не имели сколько-нибудь ясного представления. Появление на фронте этих машин явилось для фашистов полной неожиданностью.

– В районе Вереи, – вспоминал немецкий генерал Г. Блюментрит, – танки Т-34 как ни в чем не бывало прошли через порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал этот факт на моральное состояние пехотинцев. Началась так называемая «танкобоязнь».

Т-III и Т-IV, которыми Генштаб был вполне удовлетворен, могли поражать наши тридцатьчетверки с расстояния не более 500 метров, да и то лишь в бортовую или кормовую часть. Тяжелый KV вообще стоял на грани непоражаемого танка. Борьбу с новейшими советскими машинами пришлось возложить на зенитную артиллерию и авиацию, ибо основная немецкая противотанковая пушка калибра 37 миллиметров оказалась для этой цели непригодной.

Первым очнулся Гудериан, своими глазами видевший, как на полях сражений таяли его механизированные дивизии. Он поставил вопрос об изменении конструкции немецких танков. С принципов «война должна быть выиграна тем оружием, с которым она была начата», пришлось расстаться. Когда стало ясно, что планы блицкрига сорвались, факт технического превосходства советских танковых частей дошел и до сознания Фердинанда Порше. Для изучения Т-34 на фронт в ноябре 1941 года выехала группа специалистов. От армейских офицеров они услышали предложение: строить на заводах Круппа копию тридцатьчетверки, используя захваченные образцы этих машин. Такой совет оказался глубоко оскорбительным для «крупповского духа», но главная причина крылась, конечно, не в уязвленном конструкторском самолюбии. Производство многих деталей Т-34, в особенности его дизель-мотора, было невозможно наладить в достаточно короткий срок. От идеи полного копирования пришлось отказаться. Кроме того, хотя армия желала получить маневренный танк, равноценный Т-34, Гитлер потребовал сделать упор на другом: увеличить пробивную силу снаряда, применив длинноствольную пушку, и одновременно наращивать броню: более легкий и быстрый танк должен уступить место тяжелому, с длинноствольной пушкой калибра 88 миллиметров.

Проектирование тяжелой машины, начатое еще в 1939 году и затем приостановленное, теперь продолжалось с лихорадочной поспешностью. После требований фюрера она прибавила в весе, превратилась в 55-тонную глыбу стали и получила устрашающее название «тигр». Такой вес исключал его выпуск в больших количествах. Управление вооружений было вынуждено заказать еще один танк, более маневренный и по весу приближающийся к Т-34. Но вышедшая из фирмы Порше «пантера» из-за утяжеленной брони своими 45 тоннами догнала первоначальный расчетный вес «тигра». Чтобы возместить полное бессилие немецких 37-миллиметровых и 50-миллиметровых пушек против мощных советских танков, решили также заказать самоходное орудие «ягдпанцер».

Внезапно одолевшая конструкторов страсть к гигантизму сказалась и тут. Они породили неповоротливое чудовище с полным бронированием и 88-миллиметровой пушкой, имевшей малый угол обстрела. Солдаты на фронте прозвали его «слоном».

Решения, принятые зимой 1941 года после поражения фашистов под Москвой, означали скоропалительный пересмотр прежнего подхода к танковому вооружению. В соответствии с новой доктриной производство легких Т-II в 1942 году резко уменьшилось. В ожидании, пока замыслы проектировщиков воплотятся в металл, стали налаживать выпуск Т-III и Т-IV с более толстой броней. Но Т-III, которым еще совсем недавно восхищались за его высокую, почти как у автомобиля, скорость, не спасла и модернизация. Из-за предпринятого дважды утяжеления он потерял проходимость, и через год его выпуск пришлось прекратить.

В армейской и политической верхушке Германии ждали обещанного Порше непобедимого танка. Наконец в августе 1942 года лучшие мастера собрали первые шесть «тигров», и фюрер лично распорядился испытать их в бою под Ленинградом. О том, что произошло

дальше, рассказал в своих мемуарах бывший министр вооружений «Третьего рейха» Альберт Шпеер: «Все было напряжено в ожидании результата... Но до генерального испытания дело не дошло. Русские с полным спокойствием пропустили танки мимо батареи и затем точными попаданиями ударили в менее защищенные борта первого и последнего «тигров». Остальные четыре танка не могли двинуться ни вперед, ни назад, ни в сторону, и вскоре были также подбиты. То был полнейший провал...» Только что спроектированную машину принялись доводить и улучшать. Выпуск серийных образцов затягивался. Стали подумывать об утолщении брони до 200 миллиметров.

Чтобы успокоить Гитлера, Фердинанд Порше принял к разработке проект нелепейшего сверхтанка весом около 180 тонн. В целях секретности новое чудовище получило игривое название «маус» («мышонок»). Выдвижение нелепых проектов – это уже не просто поспешный и крутой пересмотр прежних принципов. За чертежными досками началась настоящая паника, разразилось конструкторское землетрясение...

23 ноября 1942 года, в тот самый день, когда накрепко замкнулось кольцо окружения под Сталинградом, в ставке фюрера царило необычное возбуждение. Гитлер вызвал Шпеера и потребовал срочно представить расширенную программу выпуска танков. Первая задача: срочно, к 12 мая 1943 года, дать 500 «тигров» и «пантер», 90 «слонов». Выполнить «расширенную программу» к назначенному сроку не удалось. Именно по этой причине летнее наступление под Курском пришлось отложить до 5 июля 1943 года. Накануне Курской битвы Гитлер в своей обычной напыщенной манере обращался к войскам: «До сих пор достигнуть того или иного успеха русским помогли танки. Мои солдаты! Наконец вы имеете теперь лучшие танки, чем они».

Но наши танкисты уже знали слабое место «тигров». Башня этих мешковатых машин с хищно вытянутыми хоботами пушек поворачивалась медленно. Только успеет бронированный «зверь» дать пристрелочный выстрел, как наша тридцатьчетверка сразу же делает резкий маневр и, пока немецкий наводчик разворачивает башню, бьет по «тигру».

Схватки с первым батальоном серийных «тигров» (44 машины) произошли еще в конце 1942 года под Сталинградом, когда войска фельдмаршала Манштейна пытались разжать кольцо окружения вокруг группировки Паулюса. Успеха «непобедимые» танки не имели... А через полмесяца, когда наши войска прорвали блокаду Ленинграда, у Синявинских высот выстрел советской 122-миллиметровой пушки разнес в железную щепу башню еще одного «тигра». Осколки с такой силой ударили во вторую машину, что ее экипаж тотчас открыл люки и в панике бежал. Целехонький, совсем новый «тигр» своим ходом проследовал в Ленинград, а затем его переправили в Москву.

Уральские конструкторы, разумеется, не сидели без дела. Еще летом 1942 года они улучшили боевые качества тяжелого КВ, а 23 октября того же года Государственный Комитет Обороны принял постановление о налаживании в короткие сроки массового производства самоходных артиллерийских установок. К началу Курской битвы Советская Армия уже располагала достаточным количеством таких машин. Это был знаменитый «зверобой» СУ-152, созданный на базе тяжелого танка КВ. Финал Курского сражения хорошо известен.

В январе 1944 года немцы потеряли Никополь, где находились богатые запасы марганца. Лишь после войны выяснилось, что немецкое командование установило окопавшимся на плацдарме солдатам двойной оклад, обещало щедрые награды и отпуска в Германию для наиболее отличившихся. По словам Манштейна, Гитлер еще в марте 1943 года трагически заявил: «Потеря Никополя означала бы конец войны».

Если раньше производство танков сдерживали многообразные конструктивные изменения и переходы от одной модели к другой, то теперь сказалась нехватка стратегического сырья. Пока нацистские вожди в подземных бункерах ломали головы в поисках каких-то невероятных шансов, Урал вместе со всей страной опять приготовил фашистам сюрпризы.

На фронт пошли вооруженные теперь уже 85-миллиметровой пушкой тридцатьчетверки и самые мощные танки Второй мировой войны – ИС-2. Немецкие штабы отреагировали еще одной инструкцией: танкистам вермахта рекомендовали избегать встречных боев с ИС-2 и вступать с ними в борьбу только из засад и укрытий.

Фердинанд Порше все еще ходил на доклады к фюреру, а затем передавал своим конструкторам очередные его указания. Что еще можно было сделать? Выход по-прежнему видели в создании новых машин. Трудились над «мышонком», хотя этот 180-тонный колосс не мог пройти ни по одному мосту, чтобы не обрушить его. И все же бесполезное чудовище стали готовить к серийному производству. Тяга к гигантизму затмила все. Решили вытянуть и без того длинный хобот «тигра». Калибр остался тем же, но длина пушечного ствола выросла до 6,2 метра и почти сравнялась с длиной танка. Весил он теперь 68 тонн и назывался «королевским тигром».

В августе 1944 года на западном берегу Вислы один из конструкторов фирмы Порше лично повел в атаку только что сформированный батальон новейших сверхсекретных машин. И снова провал. Первое же столкновение со спрятавшимся в засаде Т-34, которым командовал младший лейтенант А. Оськин, стоило конструктору жизни. Как оказалось, броня «королевских тигров», несмотря на непомерную толщину, была низкого качества и под ударами бронебойных снарядов раскалывалась.

К концу войны в разработке находился уже «сухопутный броненосец» весом более 500 тонн. На нем предполагали установить крупновское орудие-монстр «Дора» и две 150-миллиметровые пушки, а в качестве двигателей применить дизели с подводных лодок. Для постройки «сухопутного броненосца» в металле не хватило ни времени, ни средств: замысел так и остался на бумаге.

С тех пор как зимой 1941 года в строго охраняемых апартаментах фирмы Фердинанда Порше разразилось конструкторское землетрясение, там при всем изобилии разработок повторяли, в сущности, один и тот же мотив: пушку подлиннее, танк потяжелее. «Панцерфатер» и его помощники с такой завидной последовательностью проводили в жизнь этот принцип, что, по словам западногерманского историка, «немецкая промышленность в ходе войны никогда не могла даже частично удовлетворить спрос войск на танки всех типов».

Просчеты немецких конструкторов танков – факт, отмеченный многими военными историками разных стран. Вот, например, что пишет американский публицист У. Манчестер в книге «Оружие Круппа»: «Отставание в технике было немцам в новинку, и они так и не пожелали признать этот факт. Если им не удавалось разрешить какую-либо техническую проблему, большинство из них утешало себя мыслью, что она вообще неразрешима. В первую военную весну в России, поглядев, как крупновские танки вязнут в липкой украинской глине, они просто махнули рукой и дали этому времени название «грязевого периода». Но советские широкогусеничные Т-34 прекрасно передвигались в тех уже условиях...» Овладев сырьевыми ресурсами многих европейских стран, Германия произвела в 1941–1944 годах 53 800 танков, а наша промышленность – почти вдвое больше.

В ходе войны, помимо модернизации Т-III и Т-IV, осваивались совершенно новые машины Т-V («пантера»), Т-VI («тигр»), Т-VIB («королевский тигр»). Самоходная установка «фердинанд» с электроприводом также была отдельной конструкторской разработкой. Отличительными особенностями, вернее, дефектами этих машин были наряду с недостаточной надежностью бензиновые двигатели, неоправданно большой вес, трудность транспортировки и слабая проходимость. В то же время основной советский танк Т-34, принятый на вооружение в декабре 1938 года, выпускался до конца войны, причем в его конструкцию не вносились неоправданные изменения, усложняющие его массовый выпуск. Что касается модернизации, то она для всех типов танков была направлена не только на улучшение тактико-технических характеристик, но и на достижение максимальной технологической

простоты, замену дефицитных цветных металлов черными, уменьшение трудоемкости в изготовлении агрегатов и машин в целом. Это дало возможность организовать конвейерное производство танков. Победу в «танковом соревновании» с большим преимуществом одержал Советский Союз.

Охота на фюрера²

Георг Эльзер опоздал на 12 минут

Вечером 8 ноября 1939 года три тысячи нацистов собрались в зале мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», чтобы по традиции отметить годовщину путча, начатого здесь в 1923 году Адольфом Гитлером. С тех пор в этот день фюрер собирал своих старых бойцов. Незадолго до 20 часов появился Гитлер – вид у него был озабоченный. Поднявшись на трибуну после бурной овации, он заклеил Англию и закончил свою речь такими словами:

– Мы покажем этим господам, что может сила сорока восьми миллионов, спянных единой волей! Мы победим! За товарищей нашего национал-социалистического движения, за наш немецкий народ и особенно за наш победоносный вермахт! Зиг хайль!

Присутствующие тотчас встали и иступленно подхватили этот клич. Духовой оркестр грянул «Хорста Весселя». Речь фюрера продолжалась около 50 минут. Завсегдатаи этого торжества утверждали потом, что обычно Гитлер говорил вдвое дольше. Станным было и другое. Как правило, фюрер задерживался, чтобы поговорить со старыми друзьями и родственниками павших нацистов. Но на сей раз, торопливо пожав несколько рук, он покинул пивную в 21.09. В сопровождении свиты Гитлер отправился на вокзал и в 21.31 отбыл в Берлин.

Зал «Бюргербройкеллер» опустел за несколько минут. В нем остались только немногие члены партии, десять полицейских и ээсовцев, а также обслуживающий персонал пивной. Внезапно в 21.20 здание потряс чудовищный взрыв, обрушивший балки потолка и колонны. Из-под обломков извлекли 7 погибших и 63 раненых. Бомба взорвалась в нескольких метрах от того места, где во время речи стоял Гитлер.

Фюрер узнал о взрыве только во время остановки поезда в Нюрнберге. Дрожащим от волнения голосом он воскликнул: «Если я покинул «Бюргербройкеллер» раньше обычного, значит Провидению угодно, чтобы я исполнил свое предназначение». Чуть позже, объясняя причину своего внезапного отъезда из пивной, Гитлер заявил: «Я почувствовал властную необходимость сократить речь, чтобы вернуться в Берлин тем же вечером. Я послушался внутреннего голоса, который меня спас».

Примерно около 22 часов в квартире шефа криминальной полиции Артура Небе раздался телефонный звонок Рейнхарда Гейдриха. Заместитель главы СС Гиммлера приказал Небе возглавить комиссию по расследованию покушения на фюрера и немедленно вылететь в Мюнхен. Сам же Гиммлер позвонил начальнику контрразведки Вальтеру Шелленбергу и сообщил ему приказ Гитлера – завтра же арестовать двух английских шпионов Беста и Стивенса, встретившись с ними в голландском городе Венло под видом борца с нацизмом. Фюрер считал, что за спиной террористов стояли британские спецслужбы...

Во время полета в Мюнхен Небе терялся в догадках – кто же нанес удар? Партийное меньшинство? Противники из армии? Те из генералов, которые не верили в победоносную войну и хотели бы избавиться от Гитлера? Едва прибыв в Мюнхен, Небе связался с гестапо и создал две следственные группы. Первая, которую возглавил сам Небе, занялась расследованием обстоятельств покушения. Вторая группа под началом Генриха Мюллера взялась за поиски террориста.

Следователям Небе потребовался всего час, чтобы обнаружить в развалинах пивной части адской машины. По заключению экспертов, бомба оказалась самоделькой, хотя меха-

² По материалам Ю. Соколова.

низм был часовым, а взрывчатое вещество было тем же самым, что использовалось при изготовлении мин.

Вскоре следствие вышло на часовщика, который продал часы для бомбы. Он дал точное описание примет покупателя: молодой человек лет тридцати, продолговатое лицо, темные волосы, густые брови, сильный швабский акцент. Поскольку бомба находилась в колонне и была замаскирована пробковым деревом, разыскали и торговца, который его продал. Торговец дополнил показания часовщика. Наконец, нашли и слесаря, который предоставил мастерскую молодому швабу, работавшему над каким-то изобретением. Более того – похожего человека уже несколько недель видели в «Бюргербройкеллер». Владелец пивной припомнил, что как-то в октябре застал молодого шваба после закрытия заведения в туалетной комнате. Незнакомец объяснил, что зашел в туалет перевязать фурункул и был по ошибке заперт.

Полученную информацию Небе передал людям Мюллера и запросил шефа гестапо о человеке с подобными приметами. Ответ пришел незамедлительно. Гестаповцы получили телеграмму с сообщением, что вечером 8 ноября на пограничном посту Лорраха при попытке тайно перейти в Швейцарию был задержан некий Георг Эльзер, столяр-краснодеревщик тридцати шести лет, уроженец Вюртемберга. При обыске у него обнаружили деталь детонатора и почтовую открытку с изображением зала «Бюргербройкеллера», где одна из колонн была помечена красным карандашным крестиком.

Небе одновременно обрадовался и растерялся. Эльзер был явно причастен к покушению, но вдруг он лишь пешка в руках людей, задевать которых опасно?

Гитлер регулярно встречался в Мюнхене с участниками путча

10 ноября Эльзера под конвоем привезли в Мюнхен. Допрос вел сам Небе. При виде спокойного и умного человека он понял, что Эльзер не из простаков. Задержанный располагал алиби – в день покушения он находился в Констанце. На вопрос, зачем же он пытался бежать в Швейцарию, Эльзер откровенно ответил: «Я не хотел воевать». Ему велели раздеться. Так и есть – колени шваба были красными и распухли. Ведь он много часов провел стоя на коленях возле колонны.

Помолчав, Эльзер признался в том, что совершил покушение. Кто же его направлял? Эльзе отрицательно покачал головой: «Никто». Так, значит, он действовал один? «Да, один», – подтвердил Эльзер. Фюрера он решил убить потому, что ненавидит диктаторов. После прихода Гитлера к власти рабочие стали жить хуже, а когда Германия аннексировала Австрию, Эльзер понял, что фюрер на этом не остановится и втянет страну в войну. И тогда осенью 1938 года он решил действовать.

Поражает упорство, которое проявил Эльзер. Ровно за год до покушения он побывал в «Бюргербройкеллер» сразу же после тогдашней речи фюрера и как следует осмотрел место, на котором стояла его трибуна. Эльзер удостоверился, что каждый год трибуна ставится именно туда. Выходя из пивной, Эльзер знал твердо – действовать он будет здесь. В его распоряжении оставался год. Год на подготовку убийства Гитлера.

И в течение этого времени Эльзер готовился днем и ночью: воровал взрывчатку из оружейной мастерской, где работал, а затем проверял ее в саду своего дяди. В августе 1939 года он поселился в Мюнхене. Соблюдая осторожность, Эльзер за три месяца четыре раза менял квартиру. Взрывчатку он перевозил в большом чемодане, а часовой механизм изготавливал из часовой фурнитуры в мастерских слесаря, механика и столяра.

На допросах Эльзер ничего не скрывал и откровенно рассказывал следователям обо всем. Следователи были поражены: столяр смог самостоятельно изготовить взрывчатое устройство с двумя детонаторами – замедленного действия и электрическим. Нишу в колонне Эльзер начал готовить с начала октября. Вечером он приходил с чемоданом в пивную, перед закрытием шел в туалетную комнату, а затем работал всю ночь. Мусор Эльзер выносил в чемодане и бросал в реку. На изготовление ниши для бомбы у Эльзера ушло тридцать пять ночей. В ночь с 5 на 6 ноября он установил взрывной механизм с тем расчетом, чтобы взрыв произошел восьмого числа между 21.15 и 21.30. В ночь с 7 на 8 ноября Эльзер последний раз проверил механизм и утром дня покушения сел в поезд на Кельн – город, который он заранее наметил для перехода границы.

Оказавшись в 20.30 около таможенного поста, Эльзер слушает по радио трансляцию речи фюрера. Вот-вот прозвучит взрыв! Все узнают, что Гитлер мертв, и мир вздохнет спокойно. Благоразумие подсказывало швабу, что надо быстрее переходить в Швейцарию. Но Эльзер стоял как замороженный – он хотел дослушать речь до конца. Вдруг его схватил сзади какой-то таможенник, которому поведение Эльзера показалось подозрительным. Но зачем же Эльзер взял с собой часть детонатора и почтовую открытку? – задали вопрос следователи. «С целью просить политического убежища», – ответил допрашиваемый. Он рассчитывал, что детонатор и открытка с видом зала «Бюргербройкеллер» помогут ему.

Тем временем Небе продолжали одолевать сомнения. Следствие обнаружило, что Эльзер не был ни коммунистом, ни социалистом, ни анархистом. Он продолжал твердить, что хотел спасти мир от войны. Но как любитель мог изготовить столь точное взрывное устройство? Как мог один человек осуществить всю эту операцию? И все-таки кто такой Эльзер – одиночка или орудие группы заговорщиков?

В конце концов по приказу фюрера Небе передал дело Эльзера шефу гестапо Мюллеру. Гитлер по-прежнему был уверен, что покушением руководила Интеллидженс сервис и что Эльзер связан с арестованными в Голландии британскими агентами Бестом и Стивенсом. Газеты сообщали о причастности к террористическому акту Отто Штрассера, основа-

теля «Черного фронта» (организации, оппозиционной Гитлеру). Скрывавшийся в Швейцарии Штрассер отверг обвинение относительно своей связи с Эльзером.

Эльзера осматривали трое психиатров, его допрашивали под гипнозом. Показания террориста остались прежними. Правда, добавился любопытный факт: Эльзер показал, что ему помогали доставать взрывчатку еще двое.

Вскоре Гиммлер заявил, что фюрер требует организации большого процесса, на котором Англии было бы предъявлено обвинение в причастности к покушению. Однако процесс так и не состоялся. В окружении Гитлера стали поговаривать, что «дело тухлое»...

До 1941 года Эльзер оставался в Берлине в руках гестапо. Летом его перевели в концлагерь под Ораниенбургом. Эльзера поместили в ту часть лагеря, которая была отведена знаменитостям – например, таким как канцлер Австрии Шушинг, наследный принц Баварии, французские политики Эдуард Эррио и Поль Рейно. Эльзеру разрешили носить обычный костюм, а не полосатую одежду заключенного. Ему даже позволили оборудовать маленькую столярную мастерскую, где он сделал себе цитру, на которой играл вплоть до самой смерти. В лагере Эльзера так и прозвали – Человек с цитрой. В 1944 году Эльзер был переведен в Дахау, где к нему тоже относились как к почетному узнику.

Между тем в окружении Канариса продолжали считать, что Эльзер действовал не в одиночку и что речь идет о махинации гестапо. Канарис думал, что Гиммлер или Гейдрих состряпали покушение для того, чтобы поддержать миф о Гитлере, находящемся под защитой Провидения.

Однако если приглядеться повнимательнее, то версия Канариса теряет свою убедительность. Неужели Гитлер мог пойти на такой огромный риск? Кроме того, на следующее утро после годовщины путча его ждало важное заседание в Берлине. Первоначально Гитлер должен был вернуться в Берлин самолетом, но поскольку погода была нелетной, пришлось срочно ехать поездом. Не выдерживает критики и сомнение людей Канариса в том, что Эльзер мог сам изготовить столь сложное устройство, так как обвиняемый повторно собрал перед следователями свой взрывной механизм.

Напрашивается вывод – покушение совершено одиночкой. И все-таки... Нельзя умолчать о странных признаниях Эльзера своим товарищам по несчастью в Дахау – британскому шпиону Бесту и пастору Нимеллеру. Вот как они передают рассказанное Эльзером.

Летом 1939 года Эльзер как сочувствующий коммунистам был помещен в Дахау. В октябре того же года в лагере появились два незнакомца и потребовали привести Эльзера. В разговоре наедине ему было сказано, что надо уничтожить нескольких предателей из окружения фюрера и с этой целью взорвать бомбу в «Бюргербройкеллера» после ухода Гитлера. Взамен Эльзеру обещали лучшее обращение, вдоволь сигарет, а после выполнения задания – эмиграцию в Швейцарию. В начале ноября Эльзера привезли в пивную, где он поместил бомбу в указанную колонну. Затем, вечером 8 ноября, сообщники Эльзера проводили его до швейцарской границы и, снабдив денежной суммой и той самой почтовой открыткой, исчезли. Почти сразу же Эльзера арестовали.

Удивительный рассказ, и нет оснований сомневаться в искренности британского агента и пастора. Однако вряд ли стоит так уж слепо поверить Эльзеру – бог весть что рассказывают, сидя в заключении. Вспомним хотя бы свидетельские показания слесаря, механика и столяра. Все они видели Эльзера – тот был один и на свободе. Вспомним показания владельца пивной, заставшего как-то Эльзера в туалетной комнате.

И тем не менее версия спровоцированного покушения продолжает жить. Считают, например, что двое неизвестных, имевших дело с Эльзером, были гестаповцами, а бомба управлялась по радио, что исключало риск преждевременного взрыва.

Остаются непонятными привилегии Эльзера в концлагерях. Но эти «награды» были весьма относительны. Не будем забывать про лицо Эльзера в кровоподтеках и его окровавленный костюм после допросов. Из Эльзера хотели выбить правду, но так ее и не добились.

Есть и еще объяснение хорошего обращения с Эльзером. Связано оно с оккультной атмосферой гитлеровской Германии. Быть может, разгадка кроется в признании немецкого дипломата Гизевиуса – одного из тех, кто был посвящен во многие тайны нацистской верхушки. По мнению Гизевиуса, фюрер считал, что жизнь его неразрывна с жизнью столяра Эльзера, и поэтому убивать его нельзя. Но в апреле 1945 года, когда рушилось все, сохранять жизнь Эльзеру больше не имело смысла. 5 апреля Георг Эльзер был расстрелян и сожжен в лагерной печи по приказу Гиммлера.

Несостоявшееся покушение³

Как известно, в годы Великой Отечественной войны советская разведка провела большое количество операций по устранению генералов и старших офицеров вермахта, а также высших партийных и гражданских чинов фашистской Германии. Так, 24 февраля 1942 года в Анкаре было совершено покушение на германского посла в Турции фон Папена, 22 сентября 1943 года в Минске взорвали в собственной постели гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе, а 16 ноября 1943 года ликвидировали верховного судью Украины Функа. При этом главным объектом акций, планируемых спецслужбами СССР, был канцлер Германии Адольф Гитлер.

Идея провести спецоперацию, направленную на физическое уничтожение Гитлера, возникла в Кремле осенью 1941 года, когда немецко-фашистские войска рвались к Москве. Советское руководство не исключало возможности захвата противником столицы, в связи с чем Управлению НКВД по Москве и 2-му (диверсионному) отделу НКВД СССР поручили организовать подполье и заминировать главные административные и хозяйственные объекты города. Выполняя приказ, начальник 2-го отдела Судоплатов поставил перед будущими подпольщиками задачу: в случае, если Москва падет под натиском врага и Гитлер прибудет в город, необходимо попытаться организовать на него покушение. Например, во время предполагаемого парада немецких войск на Красной площади. Вот что сам Судоплатов писал по этому поводу:

«Берия приказал нам организовать разведывательную сеть в городе после захвата его немцами. В Москве мы создали три независимые друг от друга разведывательные сети. Одной руководил мой старый приятель с Украины майор Дроздов. В целях конспирации его сделали заместителем начальника аптечного управления Москвы. Он должен был в случае занятия Москвы поставлять лекарства немецкому командованию и войти к нему в доверие. Очень большую работу по подготовке московского подполья и по мобилизации нашей агентуры для противодействия диверсиям немцев в Москве проводил Федосеев – начальник контрразведывательного отдела Управления НКВД по Москве. По нашей линии за эту работу отвечали Маклярский и Масся. Помимо этих двух агентурных сетей, мы создали еще одну автономную группу, которая должна была уничтожить Гитлера и его окружение, если бы они появились в Москве после ее занятия. Эта операция была поручена композитору Книпперу, брату Ольги Чеховой, и его жене Марине Гарикиной. Руководить подпольем должен был Федотов – начальник Главного контрразведывательного управления НКВД».

Как вспоминает Зоя Рыбкина, в начале войны прикомандированная ко 2-му отделу, оставляемые в Москве разведгруппы маскировались под семью: дед (руководитель группы), бабка (его заместитель), внук или внучка (радист-шифровальщик). «Деды и бабушки – старые большевики, лет под шестьдесят и старше, с огромным опытом подпольной работы и партизанской борьбы во время Гражданской войны. По возрасту и здоровью они освобождены от военной службы, должны ехать в эвакуацию вместе с семьями, но наотрез отказались». Весьма интересные подробности о подготовке подпольных групп поведал в своих воспоминаниях сотрудник 4-го отдела Кирилл Хенкин, племянник известного эстрадного артиста Владимира Хенкина, находившийся в непосредственном подчинении Михаила Маклярского: «В октябре 1941 года Москву могли сдать. Для оперативных групп, которым предстояло остаться в столице, нужно было срочно готовить явочные квартиры, склады аппаратуры, оружия, боеприпасов, питания для рации, продуктов. Известные соседям явочные квартиры НКВД для этого не всегда подходили. Маклярский посылал меня что-нибудь

³ По материалам Д. Прохорова.

подыскать, обращаясь лишь к людям, далеким от органов, и порядочным, чтобы не предали и не обворовали. Я сразу подумал об одной паре теософов. Муж, преподаватель математики, был другом моего покойного брата, жена – учительница химии. Нищие святые люди. Но как уговорить их пользоваться в известных пределах доверенными им продуктами? Эти бессребреники могли, чего доброго, умереть с голоду, охраняя наши консервы. Бежать из Москвы они не собирались, заранее принимая свою карму. Хитрить с ними я не смел. Пришел в форме, с маузером в деревянной кобуре и сразу сказал, где служу и о чем прошу. Они только замахали руками... Они сделают все что надо... Эти милые московские интеллигенты, осведомители с большим стажем, тут же настроили на меня донос: Хенкин приходил к ним с пораженческими разговорами, говорил о возможной сдаче Москвы!»

Но фашисты были отброшены от советской столицы и больше о парадах на Красной площади не помышляли. Однако во 2-м отделе, в 1942 году преобразованном в 4-е (разведывательно-диверсионное) управление НКВД, замысел уничтожить Гитлера не оставили. Внимательно отслеживая перемещения фюрера, разведчики установили, что со второй половины июля по октябрь 1942 года Гитлер находился в полевой ставке «Вервольф» под Винницей. Оттуда он руководил боевыми действиями, периодически вылетая в Берлин или в свою баварскую резиденцию «Бергхоф».

Владея этой информацией, на Лубянке решили попытаться ликвидировать Гитлера во время очередного посещения ставки. Так как действующие в районе Винницы партизанские отряды были малочисленны и недостаточно вооружены, для выполнения операции привлекли специальный диверсионный отряд «Победители» под командованием Дмитрия Медведева. Осенью 1943 года бойцы Медведева захватили немецкие документы, среди которых оказался подробный план полевой ставки фюрера. Но операцию пришлось отменить, так как в 1943 году Гитлер приехал в «Вервольф» лишь один раз, да и то ненадолго.

Советская разведка неоднократно планировала покушение на Гитлера

Впрочем, главные события разворачивались не под Винницей, а в самой Германии. Именно там, по замыслу Судоплатова и его заместителя Эйтингона, следовало нанести фюреру смертельный удар. Разумеется, для этого было необходимо направить в рейх человека, который мог бы, не вызывая подозрений гестапо, организовать покушение. И такой человек нашелся. Звали его Игорь Миклашевский. Он родился в 1918 году в семье известной актрисы Августы Миклашевской, в которую одно время был влюблен Сергей Есенин. Сестра мужа Августы, танцора Льва Лацелина, Инна незадолго до войны вышла замуж за артиста Всеволода Блюменталь-Тамарина. Будучи личностью неординарной, Блюменталь-Тамарин ни в одном театре долго не задерживался, блестяще играл трагические роли и пользовался репутацией неуравновешенного человека, склонного к загулам. Осенью 1941 года, когда немцы подошли к Москве, он остался на своей даче в Новом Иерусалиме, а затем при невыясненных обстоятельствах перешел на сторону врага. Вскоре немцы начали использовать его в пропагандистских операциях – выступая по радио, артист призывал бойцов Красной Армии сдаваться в плен.

Кроме того, Блюменталь-Тамарин создал цикл игровых передач о заседаниях политбюро, сам озвучивал диалоги, говорил голосом Сталина, издевательски изображая разговоры вождя с кремлевскими соратниками, командирами Красной Армии, руководителями органов НКВД, интеллигенцией, рабочими, крестьянами и даже с бывшими товарищами по партии из числа троцкистско-зиновьевского блока. Как утверждает полковник КГБ в отставке Виктор Баранов, Сталин пришел в бешенство, когда впервые услышал сатирические передачи Блюменталь-Тамарина. Красным карандашом (знак распоряжения особой

важности) он наложил резолюцию: «Тов. Берия Л.П. – принять меры к глушению этой пако-сти, изучить возможности ликвидации радиоцентра». Однако выполнить указание Сталина оказалось затруднительным, поскольку Блюменталь-Тамарин в конце 1941 года был переве-ден немцами в Берлин. Там он продолжал выступать по радио, а потом стал одним из руко-водителей так называемого Русского комитета, занимавшегося вербовкой советских воен-нопленных для немецкого Восточного легиона.

Начальник 4-го управления Судоплатов решил использовать предательство Блюмен-таль-Тамарина для внедрения в Германию своего агента. К артисту-перебежчику решили направить его племянника Игоря Миклашевского. Зимой 1941 года красноармейца Микла-шевского, служившего в войсках ПВО Ленинградского фронта, неожиданно вызвали в штаб. Майор НКВД долго расспрашивал его о службе, семье, а затем предложил выполнить ответ-ственное задание в тылу противника. После недолгого раздумья Миклашевский согласился. Его немедленно отправили в Москву, где он начал готовиться к поездке в Германию. В начале 1942 года Миклашевский в сопровождении спецгруппы под командованием полков-ника Ломидзе выехал на Западный фронт. Там во время одного из ночных боев он перешел на сторону немцев, которым заявил, что давно искал случая сдать в плен. Разумеется, на слово ему не поверили. Последовали многочисленные проверки в контрразведке – к нему подсаживали провокаторов, а один раз даже инсценировали расстрел. Но Миклашевский выдержал испытание. Ему стали доверять, а весной 1942 года освободили из концлагеря и зачислили в Восточный легион.

Не остался в стороне и Блюменталь-Тамарин. Узнав о том, что его племянник перешел на сторону немцев, он добился встречи с ним, а потом забрал к себе в Берлин. Там Микла-шевский вступил в Русский комитет, но политикой занимался мало – гораздо больше его интересовал бокс. Однажды, во время одного из боев, на него обратил внимание знаменитый Макс Шмелинг – чемпион мира и гордость нацистского спорта, лично знакомый с вождями Третьего рейха. Он подарил Игорю свою фотографию с автографом. Учитывая популярность Шмелинга в Германии, для советского разведчика она стала своего рода визитной карточкой.

Освоившись в Берлине, Миклашевский дал знать в Москву, что готов приступить к выполнению задания. Вскоре из Югославии прибыла группа в составе трех опытных раз-ведчиков, в прошлом офицеров Белой армии, обладавших навыками подпольной и дивер-сионной деятельности. Именно они под руководством Миклашевского и должны были, по замыслу Судоплатова, начать подготовку покушения на фюрера. А для того чтобы получить возможность проникнуть в ближайшее окружение Гитлера, Миклашевский установил кон-такт с немецкой актрисой Ольгой Чеховой, человеком яркой и необычной судьбы.

Первый раз Миклашевский попытался установить контакт с Чеховой, поджидая ее с огромным букетом роз у входа в театр. Но поговорить им не удалось. Тогда агент попро-сил своего дядю Блюменталь-Тамарина взять его с собой на один из приемов, где будет Чехова. В результате в середине 1942 года связь была установлена. Однако возможности Чеховой в предстоящей операции оказались весьма ограничены, и Миклашевский направил в Москву сообщение о том, что использовать ее для организации покушения на Гитлера нельзя. Правда, в другом донесении он писал о возможности организовать покушение на Геринга, однако такая перспектива советскую разведку не особо интересовала. А в 1943 году Миклашевский получил неожиданный приказ из Центра: разработку операции по ликвида-ции Гитлера прекратить.

Отменить такую операцию ни руководство разведки, ни даже Берия самостоятельно не могли. Приказ об этом последовал лично от Сталина, которому регулярно докладывали о ходе подготовки операции. О причинах отказа от покушения на фюрера Судоплатов пишет следующее: «Сталин боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и воен-ные попытаются заключить сепаратный мир с союзниками без участия Советского Союза.

Подобные страхи не были безосновательными. Мы располагали информацией о том, что летом 1942 года представитель Ватикана в Анкаре по инициативе папы Пия XII беседовал с немецким послом Франции фон Папеном, побуждая его использовать свое влияние для подписания сепаратного мира между Великобританией, Соединенными Штатами и Германией. Помимо этого сообщения от нашего резидента в Анкаре, советская резидентура в Риме сообщала о встрече папы с Майроном Тейлором, посланником Рузвельта в Ватикане, для обсуждения беседы кардинала Ронкалли (позднее он стал папой Иоанном XXIII) с фон Папеном. Подобное сепаратное соглашение ограничило бы и наше влияние в Европе, исключив Советский Союз из будущего европейского альянса. Никто из кремлевских руководителей не хотел, чтобы подобный договор был заключен».

Судоплатов выполнил приказ Сталина, хотя к тому времени Миклашевскому удалось наметить план ликвидации Гитлера в одном из берлинских театров. В 1944 году Судоплатов и нарком НКГБ Меркулов вновь подняли перед вождем вопрос об убийстве нацистского лидера, но и на этот раз получили отказ. В результате покушение на Гитлера так и не состоялось, хотя, по утверждению Судоплатова, разрабатываемая Миклашевским операция имела все шансы на успех.

В конце 1944 года Миклашевский бежал во Францию, где присоединился к бойцам Сопротивления. Вместе с ними он участвовал в диверсиях на военных объектах вермахта, во время операции по взрыву подземного завода был тяжело ранен, но остался жив. В конце 1945 года он вернулся в Москву, где его наградили орденом Красного Знамени, и продолжил спортивную карьеру. А вот Ольга Чехова летом 1953 года снова была востребована советской разведкой. По замыслу Берии ее связи на Западе следовало задействовать для начала переговоров по объединению Германии. Для этого в Берлин вылетела начальник германского отдела внешней разведки полковник Зоя Рыбкина. Но 26 июня 1953 года Берию арестовали, идею объединения Германии похоронили, а к Чеховой советская разведка окончательно утратила всякий интерес.

Взлет и падение Эрика Хануссена

6 апреля 1933 года, еще задолго до начала представления, у кассы знаменитого берлинского мюзик-холла «Скала» появилась табличка: «Все билеты проданы». Впрочем, никого эта табличка не удивила, так как во время выступления знаменитого на всю страну ясно-видца и гипнотизера Эрика Яна Хануссена, именуемого еще «Пророком Третьего рейха», попасть в мюзик-холл было крайне трудно. Аншлаг на его сеансах – дело обычное.

Удивило посетителей другое: невероятная паника среди дирекции этого весьма солидного заведения. Приближалось время выступления знаменитого мага и волшебника, а его огромного серого «Мерседес-Бенца» у подъезда не было. В роскошном особняке на Литценбургштрассе, где совсем недавно справил новоселье Хануссен, никто не отвечал на бесконечные телефонные звонки. Даже Исмет-Ага, руководитель секретариата Хануссена, не подходил к телефону. Такого никогда не бывало – либо Исмет-Ага, либо его заместитель Франц всегда были у телефона...

Не появился Эрик Ян Хануссен и на следующий день. А 8 апреля в центральном органе национал-социалистской рабочей партии Германии «Фелькишер беобахтер» было опубликовано сообщение, которое повергло в изумление всех читателей газеты. Они узнали, что 44-летний гипнотизер и ясновидец «убит злоумышленниками». Его тело, изрешеченное пулями, найдено в глухой части леса, окружавшего пригород Берлина – Потсдам. Что же произошло в этом аккуратно ухоженном, необыкновенно чистом лесу? Для ответа на этот вопрос надо восстановить в памяти некоторые факты из жизни этого человека.

...Когда началась Первая мировая война и в Австро-Венгрии объявили мобилизацию, на призывном пункте появился худощавый паренек Герман Штайншнайдер. Первое время он ничем не выделялся среди таких же молодых людей, но чем ближе подходил день отправки на фронт, тем сильнее беспокоился Герман. И тогда произошло нечто неожиданное: у Германа открылось весьма редкое качество гипнотизера! Его первые опыты прошли удачно, и вскоре состоялся первый сеанс в офицерском клубе. И тогда у командира призывного пункта родилась гениальная мысль: использовать редкие способности Германа Штайншайдера и проводить регулярное гипнотическое «облучение» призывников для поднятия их патриотического духа. Молодой гипнотизер энергично поддержал эту идею и с головой ушел в систематическую, гипнотическую обработку призывников.

Эрик Хануссен

После войны он переименовал имя и фамилию на Эрика Яна Хануссена и появился в Вене, где сразу же обратил внимание посетителей цирка на свой необычный номер. В самом деле, представьте себе худую, тщедушную женщину – его партнершу, которая в гипнотическом состоянии легко поднимала огромные, тяжеленные гири! У зрителей этот номер пользовался огромным успехом. А вот у личного врага Хануссена – силача Брайберта он вызывал возмущение. И тогда, не выдержав, он публично разоблачил шарлатана, наглядно продемонстрировав изумленным зрителям... пустые гири!

Кончилось дело тем, что Хануссен распрощался с цирком и поспешно исчез из Вены. Вскоре он объявляется в Праге, где вновь берется за гипноз и преподавание оккультных наук. Немного поправив свои дела, Хануссен неожиданно попадает под суд. Против него было выдвинуто обвинение в 34 мошеннических деяниях. А на этот раз Хануссен сделал ловкий ход. Он обратился к суду с просьбой провести научную экспертизу его «выдающихся способностей». Суд пошел ему навстречу: пригласили ученых, которым Хануссен продемонстрировал весь свой репертуар. Двое ученых заявили, что он – мошенник чистой воды, а двое других колебались. Судья пришел к выводу, что Хануссена нужно освободить из-под стражи и даже выдать ему свидетельство, косвенно подтверждающее его уникальные способности.

Имея в кармане столь ценный документ, он направился на покорение столицы Германии. Осенью 1925 года на последние деньги Хануссен снял особняк и широко оповестил жителей Берлина, что здесь, на Курфюрстердамм, открывается центр гипноза, телепатии, астрологии и оккультных наук. Прошло несколько месяцев, и Хануссен стал знаменитостью. Деньги потекли рекой. И тогда «великий маг» начинает издавать газету – «Хануссен цайтунг» (ее тираж вскоре достиг 150 000 экземпляров), а затем и журнал для узкого круга читателей – «Иной мир». Ошеломляющий успех позволил ясновидцу купить типографию и там печатать газету и журнал. Кроме того, он приобрел феодальный замок, несколько роскошных автомобилей, скаковых лошадей и, наконец, яхту на озере Ванзее...

Немецкие левые обвиняли Хануссена в шарлатанстве, но эти нападки были для оракула как нельзя кстати – лучшей рекламы в глазах нацистов трудно себе представить. Ведь его преследуют коммунисты за преданность идеалам «национального возрождения», то есть именно за то, что так мило сердцу гитлеровцев. И чем больше набирало силу движение национал-социалистов, тем больше апломба и уверенности появлялось у Хануссена.

Нужно, однако, учесть еще одно обстоятельство. Борец за национальное возрождение уверял, что он может «читать чужие мысли». Его сеансы телепатии привлекли внимание не только бюргеров и экзальтированных берлинских представительниц высшего света, но и... гестаповцев. Они очень заинтересовались умением Хануссена «заглядывать под черепную коробку» своего собеседника.

Будет несправедливо, если мы не найдем в его характере каких-нибудь особых черт, кроме отменных коммерческих способностей и умения обходить вокруг пальца всех и каждого. Он был очень тонким психологом. Хануссен чрезвычайно внимательно следил за развитием событий на политической арене Германии. Ему приносили все крупные газеты Германии, и он их штудировал, в особенности аналитические статьи, а также материалы, посвященные закулисной жизни многих политических деятелей. Его помощники (а их, по данным парижского журнала «Лю» за апрель 1933 года, было не менее 12 толковых, образованных молодых людей) шныряли по Берлину и вынюхивали все слухи и сплетни, заводили знакомства, пытаясь проникнуть в семьи высокопоставленных гитлеровцев, не представляясь, конечно, что они работают на Хануссена.

Всего этого было достаточно, чтобы умный человек, каким безусловно являлся Хануссен, мог сделать более или менее правильные выводы о том, как дальше будут развиваться события прежде всего в политической сфере, чье положение пошатнулось, а кто идет вверх по служебной лестнице. Хануссен очень тонко чувствовал атмосферу неустойчивости в обществе, неуверенности в завтрашнем дне, что неудивительно в стране, переживающей глубокий политический, экономический и моральный кризис. И еще: он очень хорошо знал психологию малообразованных людей, среди которых так долго вращался. А ведь именно эти маргиналы и составляли основную массу штурмовиков и эсэсовцев. Многие из них бывали в салоне Хануссена, и слава о нем двигалась, так сказать, снизу вверх, к нацистским бонзам. Разговоры о необыкновенных способностях Хануссена достигли ушей окружения всевышнего Генриха Гимmlера.

Зная склонность своего шефа к мистицизму, его веру в предсказателей и гипнотизеров, они посоветовали ему посетить салон Хануссена. Гимmlер был потрясен уникальными способностями оракула. Весьма возможно, что по подсказке Гимmlера ясновидца представили Гитлеру, и в течение нескольких лет этот человек с весьма темным прошлым был его персональным астрологом. Говорили, что Хануссен настолько сблизился с будущим фюрером, что они были на «ты». Этому можно поверить, ибо, во-первых, Хануссен был, как Гитлер, из Австрии и говорил с соответствующим акцентом, а во-вторых, и это самое важное, только с близким человеком главарь нацистов мог репетировать свои выступления и прежде всего отрабатывать жестикуляцию.

В конце 1932 года смерть любимой матери, неудачи в политике оказали крайне отрицательное воздействие на психическое состояние Гитлера. Будущее выглядело настолько мрачным, что по совету друзей он снова обратился к Хануссену. Тот поспешил составить гороскоп, из которого следовало, что после полосы препятствий восхождение к власти начнется 30 января 1933 года. Как известно, Адольф Гитлер именно тогда стал канцлером Германии!

Когда фашисты пришли к власти, положение Хануссена настолько укрепилось, что казалось, ничто не способно столкнуть предсказателя с вершины его славы. Тем более что 26 февраля 1933 года он поразил всех своей прозорливостью. В этот день Хануссен пригласил к себе в новый дом на новоселье избранное общество, которое стало свидетелем сеанса предсказания. Потушили свет, в луче красного прожектора возник Хануссен и после долгой паузы начал произносить странные слова. Вначале их трудно было разобрать, но потом голос его стал крепнуть и зрители услышали: «Я вижу большой зал. На его стене висят портреты знаменитых людей, вершивших судьбами Германии. Это канцлеры?.. Да! Но что я вижу? Я... Я вижу пламя... ужасное пламя... Пожар... Он возгорается... Преступники совершили поджог... Они хотят ввергнуть Германию в бездну... Они хотят помешать победе Гитлера! Германию спасет только железный кулак». Через день, в ночь с 27 на 28 февраля 1933 года, загорелся Рейхстаг...

Итак, предсказание сбылось, и да здравствует ясновидец! История с пророчеством Хануссена о пожаре в рейхстаге произвела в Берлине ошеломляющее впечатление. Все только и говорили об удивительном успехе предсказателя. Однако нашлись люди, отнюдь не из низших слоев общества, у которых возникли серьезные сомнения в том – предсказание это или... осведомленность? Говорили, что его дружок полицией – президент Потсдама граф Хелльдорф, перед сеансом незаметно передал Хануссену какую-то записку. Может быть, в ней содержалась необходимая для того информация о предстоящем поджоге? Особое беспокойство проявили в гестапо. Если Хануссен такой уж ясновидец, то, неровен час, он сможет предсказать нечто совсем уж нежелательное. Если же это результат его осведомленности, то еще хуже...

Гестапо заинтересовалось личностью ясновидца, а также обстоятельствами его появления в Берлине. Впрочем, это неудивительно, ибо Хануссен оказался в непосредственной близости к фюреру, а что он за человек, откуда – толком никто не знал. Вскоре обнаружилось, что пророк попал в национал-социалистскую партию по подложным документам. Существует версия, что в гороскопе, который Хануссен составил для Гитлера в конце 1932 года и где указывалось, что 30 января 1933 года он станет канцлером, в его заключительных строках имелся намек на то, что через определенное время Гитлера постигнет трагический конец. Это могло стоить головы прорицателю. Правда, практически никто из тех, кто ссылался на гороскоп, его не видел, и поэтому такая версия выглядит недостаточно обоснованной. Однако это можно предугадать исходя из того, что потом произошло с Хануссеном.

Наконец, известно точно, что к ясновидцу подослали гестаповского провокатора, который потом донес: Хануссен собирает секретное досье на главарей Третьего рейха. Он намерен в скором времени удрать в Прагу и там опубликовать все эти материалы вместе с подлинной историей «поджога» рейхстага.

Это уже было слишком. Вечером 5 апреля 1933 года в особняк Хануссена нагрянули вооруженные гестаповцы и увезли его в неизвестном направлении. Все? Нет, еще не конец. Хануссен сумел каким-то совершенно невероятным образом выкрутиться из этого, казалось бы, безнадежного положения и остаться живым, хотя и с большими синяками. Он укрылся в одной частной клинике на окраине Берлина, спрятавшись в подсобном помещении. Но кто-то об этом донес, и на другой день опять появились гестаповцы. Хануссена выволокли из подвала клиники и увезли. Но теперь великому проходимцу выкрутиться не удалось. Его тело, изрешеченное пулями, нашли в лесу близ Потсдама.

Так закатилась звезда одного из талантливых проходимцев Третьего рейха.

«Восточные приключения» Генриха Харрера

Конец августа 1939 года. Генрих Харрер поднялся на Нанга-Парбат, одну из самых высоких вершин Гималаев, в качестве члена экспедиции, проводившейся под покровительством рейха. Экспедиции удалось открыть новый путь наверх, и в Карачи участников ждало судно, которое должно было отвезти их в Германию. Оставались считанные дни до начала Второй мировой войны, и напряжение чувствовалось повсюду. 29 августа экспедиция привлекла внимание одной из частей английской колониальной армии...

1 сентября 1939 года немецкие войска перешли границу с Польшей и Англия объявила войну Третьему рейху. «Через пять минут после объявления войны двадцать пять солдат-индусов, вооруженные до зубов, ворвались в комнату, где мы находились, и увели нас с собой», – сообщает сам Харрер. С этого момента начались его подлинные «восточные приключения», которые продолжались до самой оккупации Тибета китайскими коммунистами.

Одной из групп, которая большей частью слилась с нацистским движением, была «Вандерфогель», или «птицы-скитальцы». Речь идет о молодежном движении, которое призывало к возврату на лоно природы и жизни вдали от городской суеты. Многие из «птиц» были альпинистами и скалолазами. В середине 30-х годов «вандерфогели» верили, что их идеи превосходства, силы и дисциплины совпадают с идеалами нацистов и соответственно охотно вступали в партию.

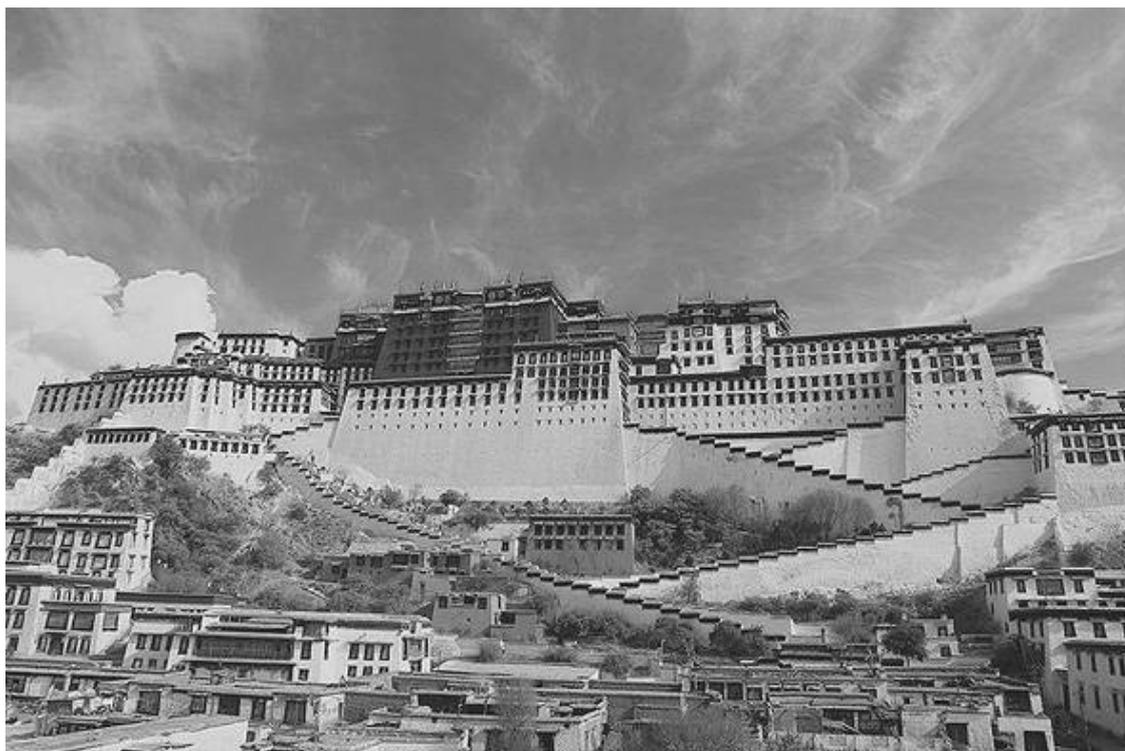
История австро-немецкого альпинизма с 1939 по 1945 год совпадала с путем нацизма. В Третьем рейхе субсидировали экспедиции, лучших альпинистов эпохи принимали в СС, а в Орденских замках техника скалолазания считалась такой же обязательной для изучения, как военная тактика, германская мифология и руны.

Генрих Харрер, преисполненный духа «вандерфогелей», посвятил восхождениям на горные вершины 18 лет. Он считался спортсменом высшего уровня и за это получил право вступить в СС. В 1938 году, когда он уже был в составе СС, Харрер и трое других альпинистов из той же группы впервые взобрались на вершину Эйгер в Швейцарии по ее северному склону. Это было признано настоящим подвигом.

В течение всех трех дней, что длилось восхождение, Гитлер следил за сообщениями о продвижении экспедиции и, когда она успешно завершилась, пожелал познакомиться с ее участниками. Хроника повествует, что фюрер встретил их очень взволнованным вопросом: «Товарищи, а что вы сделали?» Харрер отвечал: «Мы поднялись на вершину Эйгер ради нашего фюрера».

В 1942 году группа альпинистов СС поднялась на Эльбрус – на Кавказе – чтобы установить на вершине нацистское знамя со свастикой. Полное значение этой акции можно понять, вспомнив, что древние персидские ученые считали Эльбрус священной горой арийской космогонии.

В начале 1939 года члены экспедиции на Тибет, которую вел Эрнст Шефер, член СС и чиновник Института Аненэрбе, получили аудиенцию далай-ламы и в течение нескольких месяцев жили в священных городах Лхасе и Шигацзе. Различные сведения касательно этой экспедиции, переданные пятью исследователями и двадцатью солдатами СС, хранятся в виде микрофильмов в Национальном архиве Вашингтона.

Нацисты стремились в Лхасу в поисках таинственных знаний

Хотя официальной целью экспедиции было изучение флоры и фауны этого региона, ходят слухи, что Шефер и его люди добыли для Гитлера некоторые документы такой важности, что он держал их в сейфе берлинского бункера. Есть сведения, что фюрер чуть ли не ежедневно размышлял над одним из этих «документов». Скорее всего речь идет о символическом изображении, или мандале, весьма распространенном в тибетском буддизме. Также кое-кто считает, что члены экспедиции на Тибет привезли документ, в котором далай-лама признает Гитлера мировым главой всех арийских народов. Но все эти сведения плотно прикрыты завесой слухов и легенд. Одно ясно: приказы Шеферу исходили непосредственно от Гимmlера, настоящего маньяка во всем, что касалось оккультизма.

Можно с уверенностью сказать, что экспедиция СС привезла одно настоящее сокровище, которого до тех пор никто на Западе не видел: «Канджур», свод священных текстов в 108 томах на тибетском языке. Говорят, что верхушка СС особенно была заинтересована ритуалом Тантра Калачакра. Эта Тантра – одна из высших посвящений в тибетском буддизме, но что парадоксально, она может быть передана даже профанам, правда, после некоторой предварительной подготовки. Принявшему это посвящение гарантируется перевоплощение в Шамбале в момент последнего сражения между злом и добром. Посвящение в Тантру Калачакру даже сегодня дается некоторыми религиозными авторитетами тибетцев, и в 1995 году далай-лама провел эту церемонию в Барселоне. Речь идет о воинском посвящении.

На заре гитлеризма один отдел СС, с Гимmlером во главе, занимался поисками новой мудрости, которую можно было бы привить к нордическо-германской традиции для ее возрождения. И искали ее там, где существовала живая воинская традиция ариев: на Тибете. Тибетская и германская традиции имеют кое-что общее: обе говорят о тайном священном центре, Шамбале или Валгалле; о последней битве (Рагнерек – у германцев), во время которой только элита воинов сможет встретить завершение нынешнего исторического цикла и подготовить наступление Нового Порядка. Ритуал Тантры Калачакры, в который был посвя-

щен Шефер и некоторые из его людей, подтверждал прямую передачу живой традиции и таким образом возможность возрождения нордическо-германской традиции.

В 1937 году немецкое посольство в Калькутте поддерживало движение за независимость Чандра Босса, соперника Ганди, и даже финансировало антибританский еженедельник, выпускавшийся членами высшей индийской касты. Посол фон Зальцман в предвоенное время установил тесные контакты с кастой браминов, поддерживая их антиколониальную борьбу. Отто Ран, другой высокопоставленный член СС, который за год до того глубоко исследовал движение катаров во французской Окситании, в 1941 году направился в Ирак, чтобы стимулировать там антиколониальное восстание, а затем переехал в Италию.

Нет прямых подтверждений тому, что Генрих Харрер был одним из таких немецких интеллигентов, но он определенно пользовался поддержкой режима на высшем уровне, и с началом войны вел себя как солдат своего правительства.

С того момента, как он попал в плен 1 сентября 1939 года, его единственным стремлением было бежать. Такая возможность ему представлялась дважды и дважды он пускался в почти месячный путь к Тибету. Заключение в карцер, он снова пытался бежать, два раза подряд, и, наконец, ему повезло. В своей книге «Семь лет в Тибете» он дотошно описывает, как готовил побег, продумывал все в мельчайших деталях и вел себя вовсе не как член элитного отряда альпинистов, а настоящий тайный агент.

17 мая 1944 году он наконец добрался до Тибета. С помощью немецкой делегации, бывшей в Лхасе, Харрер нашел понимание у тибетских чиновников и в конце концов стал доверенным лицом самого далай-ламы. Он оставался в Тибете вплоть до китайского вторжения. Войну он пробыл в плену или жил высоко в Гималаях, и большинство документов, которые могли бы пролить свет на его участие в операциях СС, были уничтожены, поэтому после войны Харрер не был привлечен к суду.

* * *

Карл Хаусхофер вошел в историю как один из самых известных теоретиков геополитики. Считается, что он был посвящен в члены некоего секретного общества во время своего пребывания на Ближнем Востоке в качестве военного советника. Впоследствии он был не только одним из первых членов нацистской партии, но и профессором и самым близким другом Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера. Некоторые историки полагают, что это он вдохновил Гесса лететь в Англию и, наконец, что его сын и помощник Альбрехт участвовал в заговоре против Гитлера и был расстрелян нацистами. Через Гесса Хаусхофер проводил свои геополитические идеи к самой вершине Третьего рейха. Он утверждал, что в Азии, за хребтом Гималаев, между Тибетом и Сибирью, существует особая зона, которая с точки зрения геополитики может рассматриваться как «центр мира». Этот район защищен от нападений с моря и, таким образом, весьма безопасен. Любое движение народов, проживающих там, неизбежно отзывается на их ближайших соседей и, подобно цепной реакции, передается в весьма отдаленные места планеты. Оттуда исходили различные нашествия, которые захватывали в своем движении другие азиатские народы, один за другим, и вели их на Запад.

Хаусхофер считал, что стратегия наступления на этот район может сдерживать натиск сибирских народов, то есть русского коммунизма, на Запад. Именно поэтому для Третьего рейха имело жизненное значение установление контактов с народами этой области, которая географически совпадает с той, где буддисты тибетской и других – бурятской и монгольской – традиций поддерживают вечное царство Шамбалы, место обитания Царя Мира.

Изучение Генрихом Харрером доктрин тибетского буддизма, таким образом, не было случайным в истории нацистской Германии... Тут многое еще предстоит открыть.

Копье Оттона – заветная мечта Гитлера⁴

Захват Австрии был для Гитлером мечтой жизни. Этот несостоявшийся художник и отставной ефрейтор, а позже – вождь нации мечтал овладеть... Нет, не Польшей, не Францией и не Россией, а невзрачным черным куском железа. Точнее – наконечником древнего копья, который считался одной из главных христианских реликвий и хранился в бывшем дворце Габсбургов – венском музее Хофбург. Экспонат носил название «Копье Оттона III» – императора Священной Римской империи.

Еще в 1909 году начинающий живописец Адольф Гитлер ежедневно, как на работу, приходил в Зал Сокровищ этого музея и часами простаивал перед витриной, за которой на алом бархате чернело Копье Оттона. Будущий фюрер молился на него, вожделел его, грезил, как в один прекрасный миг возьмет священный предмет в свои руки. Он кожей, оголенными нервами, всем своим естеством ощущал, как от этого неприметного куса металла исходят незримые волны какой-то неземной, всесокрушающей мощи. И верил: когда-нибудь эта мощь вольется в него самого и поможет покорить мир.

А в 1917 году это вожделение перешло совсем уже в открытую манию. Тогда молодой Адольф совместно с Альфредом Розенбергом и еще двумя «братьями по духу» проводил спиритический сеанс, и вызванный Гитлером дух некоего немецкого князя напрозорил: новым предводителем Германии станет тот, кто завладеет Копьем! И вот через полтора десятилетия, утвердившись во главе «Новой Германии», этот мечтательный мистик еще более окреп в своей решимости захватить Копье Оттона. Нетерпение переполняло «арийца № 1»! Сколь велико оно было, можно судить по такому факту. Шел 1935 год, рейх еще только набирался сил, чтобы вторгнуться в Австрию. И вот – знаменательное событие: здесь открылся так называемый Центр нацистской религии, которому предназначалось впоследствии вырасти в некий «Ватикан СС». Так вот один из главных залов этого фашистского пантеона получил известность как «Комната Копья»: центральное место в нем занимала копия Копья Оттона III!

Но копия не могла удовлетворить сгоравшего от нетерпения фюрера. И прежде чем его войска вторглись в Австрию, он дал указание обеспечить сохранность Копья, пока танки с крестами не возьмут под свою «опеку» дворец Габсбургов.

В марте 1938 года гитлеровские стальные клинья впились в тело суверенной альпийской республики, президент Австрии Миклас распорядился сделать все возможное, чтобы уберечь исторические реликвии от немецких интервентов. Тотчас полицейские подразделения отправились к Хофбургу. Но там их встретил отряд австрийских эсэсовцев, и земляки эти оказались настроены весьма агрессивно. Доблестная полиция сочла за благо не выполнять распоряжения своего президента и отступила.

И вот наступил, возможно, самый счастливый миг за всю жизнь Адольфа Гитлера: бросив дела государственные, военные и партийные, он самолично заявился в австрийский дворец, который к тому времени был уже окружен частями 8-го армейского корпуса немецкой армии, и наконец уединился с вожделенной реликвией.

Спустя полгода после этого трогательного свидания, 13 октября 1938-го, Копье Оттона со всеми возможными почестями было переправлено специальным бронепоездом в Германию и помещено в Нюрнбергскую церковь Святой Екатерины. Вместе с Копьем сюда перенесли из Хофбурга лоскут скатерти, покрывавший стол во время Тайной Вечери, кошель святого Этьена, зуб Иоанна Крестителя и другие христианские реликвии.

⁴ По материалам Е. Тверской.

Фрагменты таинственного Копья Судьбы

Заполучив долгожданное Копье, Гитлер стал прибираться к рукам Европу – перекраивать карту мира и ваять контуры «Нового Рима»...

Почему фюрер столь маниакально рвался к обладанию именно этой реликвией? Почему так безоговорочно верил, что она позволит ему вершить судьбы государств и народов? Да потому, что вся предыстория священного Копья (а она насчитывает несколько тысяч лет!) убедительно доказывала: тот, кто владеет им, – владеет всем миром.

Копье было выковано с соблюдением сакрально-мистических ритуалов по приказу третьего первосвященника Иудеи Финееса, известного своими незаурядными способностями в сфере магии и каббалистики. Согласно замыслу Финееса, Копье символизировало магические силы крови иудеев как избранного народа (об этом факте, глубоко оскорбительном для всякого арийца, Гитлер, вероятно, предпочитал не вспоминать). С той поры началось триумфальное шествие Копья по всему миру.

Это путешествие сопровождалось победным пением фанфар и потоками крови, гибелью целых государств и рождением новых могущественных империй.

Легендарный военачальник Иисус Навин, потрясая этим Копьем, бросился на мощные укрепления осажденного Иерихона, и надежнейшие стены внезапно рухнули. Побывало Копье и в руках Ирода Великого, приказавшего изничтожить всех младенцев мужского пола Иудеи, чтобы не дать возрасти будущему «царю Иудейскому». С каждым новым владельцем это Орудие Власти обростало все большей славой, целые народы благоговели перед ним. Кажется, никто уже не сомневался: Копье наделяет своего обладателя сверхчеловеческими возможностями, позволяющими ему вершить судьбы мира, творить Великое Добро или же Беспрецедентное Зло. Среди владельцев Копья Власти исторические хроники называют Оттона Великого – императора Священной Римской империи, Генриха I Птицелова – основателя Саксонской королевской династии, римского императора Константина Великого, провозгласившего христианство официальной религией. С Копьем в руках могущественный король остготов Теодорих разгромил орды доселе непобедимого Аттилы, император Юстиниан вновь отвоевал у варваров земли бывшей Римской империи, а предводитель франкского воинства Карл Мартелл разбил арабов, предотвратив их вторжение в Западную Европу. Карл Великий – объединитель и властитель всей Европы, одержавший победы в 47 военных походах, постоянно держал Копье подле себя. Хозяевами священной реликвии объявляли себя Фридрих Барбаросса и свыше сорока других германских императоров. Фридрих Второй использовал копьё в своих крестовых походах и сражениях, которые постоянно вел против итальянских государств и армии папы.

Именно это Копье и свершаемые с его помощью подвиги вдохновили крестоносцев на создание могущественного Тевтонского Ордена. И впоследствии, на протяжении столетий, наследники тевтонских рыцарей, терпя военные поражения и исторические унижения, возвращались своими чаяниями к чудодейственной силе Копья.

Не стал исключением и Адольф Гитлер, особенно склонный к мистическим исканиям и вере в сверхъестественное. Впрочем, Копье не было безусловной принадлежностью одних лишь немцев. Им обладали и французские Меровинги. Да и Наполеон буквально дневал и ночевал с Копьем Власти. Правда, у великого корсиканца этот талисман выкрали именно в тот момент, когда он двинулся на Москву...

Отчего же это Копье особо почитается поклонниками Христа и причислено к главным реликвиям христианства? Потому что, согласно преданию, на нем запеклась кровь Спасителя, распятого на кресте.

В тот период оно принадлежало Гаю Кассию – капитану стражи, который был наделен особыми полномочиями при осуществлении государственных церемоний, правосудия и казней. Он наблюдал и за ходом казни Христа на Голгофе. Когда казалось, что Иисус уже мертв, Кассий подъехал к его кресту и уколол своим (тем самым!) копьём распятое тело. Из раны заструилась кровь, показавшая, что Христос еще жив. В историю христианства Гай Кассий вошел под именем Лонгин. А само Орудие Власти, обогрелое кровью Христа, сделалось священной реликвией и получило новое имя – Копье Лонгина (среди многочисленных названий Копья это стало наиболее распространенным).

Интересно, что в мире имеется несколько артефактов, претендующих на звание и роль Копья Лонгина. Об одном из них мы только что рассказали. Но есть и его двойник, хранящийся в Ватикане. А помимо этого еще и в Кракове существует некое копьё-реликвия.

Впрочем, большинство исследователей склоняются к мнению, что истинным Копьем Лонгина является именно то, что хранилось во дворце Габсбургов и олицетворяло сокровенную мечту Гитлера, жаждавшего властвовать над миром.

А чем же завершился «Гитлеровский период» в жизни Копья Лонгина? После массированных английских бомбардировок Копье было укрыто в подземную галерею, упрятанную под Нюрнбергской крепостью: там для него специально оборудовали бронированный

бункер. Но в октябре 1944 года бомбы союзной авиации перепахали Нюрнберг до основания и открыли доступ в хранилище священных ценностей.

С той поры начинается агония «Тысячелетнего рейха». Армии Жукова пробиваются все ближе к Берлину, а с Запада наступают войска союзников. И главная забота фюрера – спасти в первую очередь не Германию, не немецкую нацию, а драгоценную реликвию: «Сохраним Копье, и Германия возродится!» Он распоряжается тайно вывезти Копье и другие предметы мистического поклонения из разрушенного подземелья и спрятать их в специальной камере, оборудованной внутри скалы. Одновременно, чтобы сбить со следа разведки противников, проводится операция прикрытия: колонна грузовиков тайно вывозит некий якобы засекреченный груз из нюрнбергских подземелий и доставляет к австрийскому озеру Целль, неподалеку от Зальцбурга, где таинственные ящики благополучно погружают в озерные воды. И тут в операции, блестяще подготовленной и организованной с истинно немецкой скрупулезностью, неожиданно происходит сбой. Ошибка. Выполняя приказ Гитлера, исполнители акции вывозят и надежно захоранивают в скале, как и планировалось, все особо ценные экспонаты из Нюрнберга. Все, кроме самого главного, ради которого и разыгрывалась эта сложнейшая, многоходовая комбинация! Копье Лонгина в списках предметов на вывоз было обозначено одним из наименее известных своих имен – «Копье святого Маврикия». Но малосведущая в исторических ценностях солдатня спутала его с также хранившимся в экспозиции Мечом святого Маврикия и, бережно завернув в стекловату, а затем укрыв в футляр из чистой меди, вывезла именно его. А Копье Лонгина осталось беспризорно валяться среди третьестепенных экспонатов, оставшихся «на разграбление американским варварам».

30 апреля 1945 года они наткнулись на вход в подземелье и обнаружили там, помимо прочего, Копье Лонгина. Но не придали ровным счетом никакого значения этой невзрачной «железяке». И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая его судьба, если бы о металлическом наконечнике случайно не прослышал находящийся вдали от Нюрнберга генерал Паттон. В отличие от своих коллег он нешуточно увлекался историей, мифологией, древними мистериями и был в этих вопросах подлинным знатоком. А потому, услышав краем уха о наконечнике копья, он тотчас примчался в Нюрнберг. После чего «непонятная железяка» была восстановлена в своем высочайшем статусе, а спустя несколько месяцев, согласно приказу Дуайта Эйзенхауэра, генерал Кларк в торжественной обстановке передал ее бургомистру освобожденной Вены.

Копье Лонгина и поныне хранится под витринным стеклом во дворце Хофбург. Впрочем, вот уже десятки лет не затихают упорные слухи, будто бы прагматичные американцы передали австрийцам искусно выполненную копию Копья. А сам оригинал решили не выпускать из собственных рук.

Отто Ран и Катары: между тайной и мошенничеством

Нашли ли нацисты чашу Грааля? Этот весьма каверзный и, казалось бы, праздный вопрос, однако, всерьез и весьма живо интересовал немецкий народ во время гитлеровского господства. Загадочная археологическая экспедиция, финансируемая Третьим рейхом, отправилась на поиски драгоценного полумифического предмета во Францию, которую вскоре после этого оккупировали немцы – а точнее, в то самое место, на которое много веков назад пала легендарная тень катаров. Что же представлял из себя этот «исторический похода на самом деле?

Многие из тех, кто собирается углубиться в историю катаров, самой распространенной и жестоко подавленной ереси средневековой Европы, изучив источники этой подлинной религиозной революции, развернувшейся в Аквитании и на севере Италии, рано или поздно наткнутся на книгу, которая стала уже почти классикой для тех, кто изучает средневековье: «Крестовый поход за Граалем» немца Отто Рана.

Отто Ран родился в Михельнштадте, графство Оденвальд, в 1904 году. В 1929-м, став лицензиатом права, он всерьез увлекся чтением немецких поэтов-трубадуров средневековья и больше всего – духовной ересью миннезингеров и их неоязыческой мифологией, возникшей, правда, в недрах христианства и собранной в «Парсифале» Вольфрама фон Эшенбаха. Из сочинений певца Грааля Ран, без сомнения, почерпнул глубокий символизм, который заключается в Священной причастной чаше и уходит далеко за рамки традиционного церковного, относящегося к таинству эвхаристии. Но Ран возжелал материального воплощения своего духовного образца и бросился на поиски этой реликвии, которая, как он вынес из чтения текстов Эшенбаха, должна была находиться в том самом месте, где поэт черпал свое вдохновение: там же, где зародилась «веселая наука» – в катарской Аквитании.

С собой в дорогу Ран взял поверхностное и весьма поэтическое представление о катарстве и завидную трудоспособность. Ран встретил множество людей, готовых помочь ему в его устремлениях. Основная его идея заключалась в том, что таинственная и неуловимая чаша Грааля, которую искали рыцари короля Артура и которую привез со Святой Земли Иосиф Аримафейский, могла быть спасена и заботливо сохранена катарами, почитавшими ее как самое ценное из сокровищ на земле. Вскоре Ран располагал добровольными гидами, которые провели его по всем главным местам катарской географии. Он проник в руины крепости Монсегюр, где местный эрудит, Антонин Гадаль, одержимый катарами, усердно разыскивал альбигойское сокровище: рукопись Евангелия от Иоанна. И в сопровождении этого знатока и других случайных проводников Ран направился в пещеры Сабарты, особенно уповая на грот Ломбривес как возможное хранилище доказательств того, что именно здесь скрывались катары, избежавшие преследования доминиканцев из Святой службы, и что именно здесь они спрятали свои самые ценные реликвии.

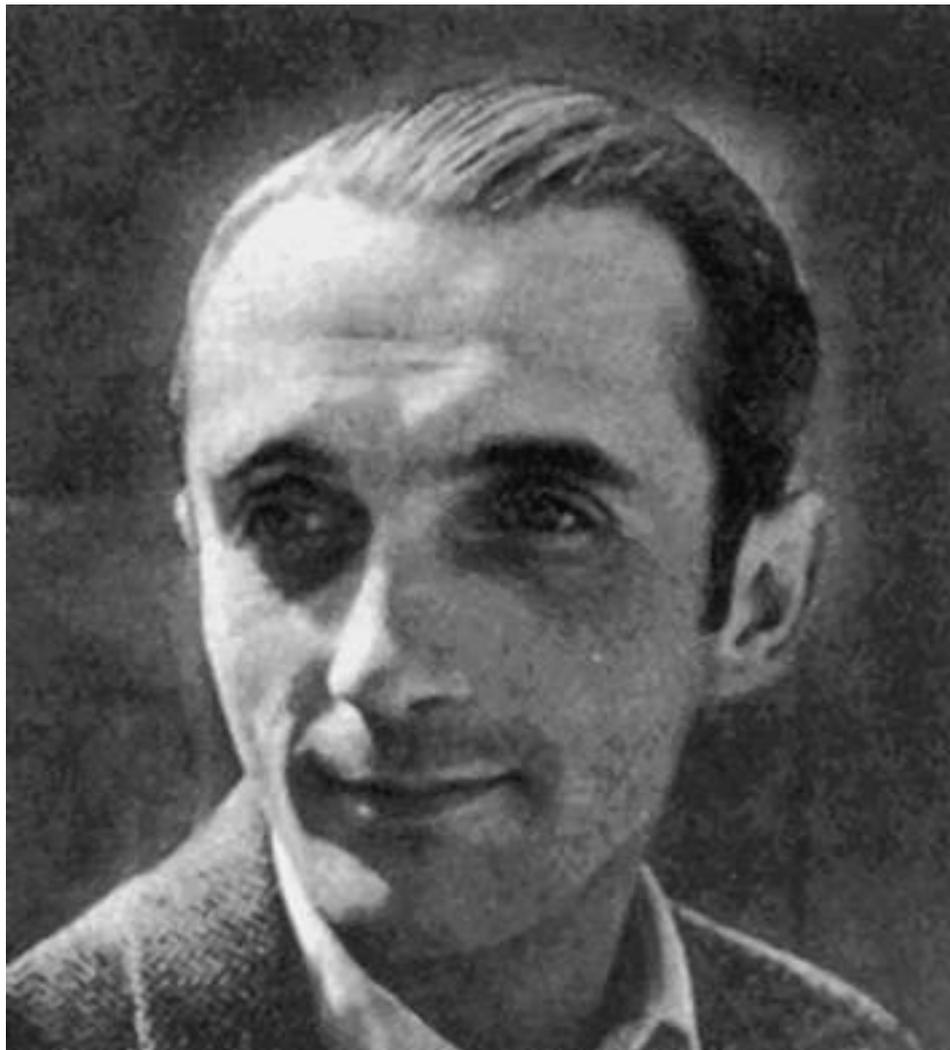
Эти пиренейские пещеры и средневековые крепости действительно хранили множество исторических и доисторических сокровищ для археологов, но еще до того, как началось их изучение настоящими специалистами, все было основательно разграблено искателями разных эпох, обаянными идеей, что катары превратили эти места в кладовую своих секретов и главных литургических святынь. И можно было надеяться, что среди всех этих вещей (а Ран был просто в этом убежден) и находится чаша Грааля, которая, по легенде, была вывезена из Монсегюра незадолго до того, как крепость пала под натиском королевских войск.

Сегодня мы можем сказать, и с весьма большой долей уверенности, что немногие катары, которым удалось избежать расправы, подались через север Италии, Лигурию, к

землям арагонской короны, благодаря тайной помощи рыцарей-тамплиеров. Ценные документы, найденные недавно, определяют месторасположение тайных альбигойских колоний в Маестразго – со ссылкой на преподобного Белибаста, который тоже нашел там убежище.

Но существует и другая история, история предвзятых идей, сфабрикованная специально для распространения среди мечтателей и закоренелых искателей разных мифических истин. И эта история, которую Ран так любил и увлекшись которой начал свое расследование, привела его, как и многих других мечтателей ранее, путем явно подлаженных под его убеждения трактовок и даже скрытых подмен археологических объектов, к совершенному, казалось бы, подтверждению его любимой теории. Она и завела его на холмы пиренейской Аквитании. Повсюду он видел фальшивые альбигойские знаки, которые в действительности начертали розенкрейцеры. Здесь и родилась книга «Крестовый поход за Граалем».

Катарство было крайней формой христианской ереси. Оно зародилось на земле, отмеченной сильной духовностью и утонченной культурой, каких было мало в средневековой Европе, и вышло из целого потока противоречивых религиозных учений, от присциллианской мистики до визиготского арианства, попав под косвенное влияние богумильских миссионеров первых веков второго тысячелетия. Исходя из стремления вернуть христианству его изначальную чистоту, не загрязненную земной властью, которую присвоила себе римская церковь, катары – а «катарос» значит «чистый» – дошли до самой крайности в своей трактовке Добра и Зла, объявив, что Творение было делом рук не Бога, а Демиурга, который замыслил его несовершенным и полным ошибок, и тем самым намеренно вверг человечество в грех и оставил его жить в нем. Этот неправильный мир должен был, по их мнению, исчезнуть. И настоящий, чистый, совершенный мессия должен способствовать этому исчезновению, делая так, чтобы его собственная жизнь закончилась сознательным уходом и объединением с Богом, который его и создал.

Отто Ран

Эта последняя практика называлась «Терпение», и хотя вовсе не все верующие были обязаны ей следовать, тот, кто выбрал смерть, рассматривался как святой, достойный величайшего почитания. Поэтому многие катары, вместо того чтобы спастись от огня инквизиции, принимали его с радостью убежденные, что такое мученичество приблизит их к вечной жизни вместе с Богом.

Читая книгу Рана, понемногу замечаешь, как ее автор подбирал документы, из попавших ему в руки отыскивая те, что были способны поддержать идею, давно и прочно утвердившуюся в его голове. Он сортировал всю информацию, извлекая данные, относящиеся к легенде о Граале, которая и так была не чем иным, как прикрытым некоторым флером символизма пангерманизмом, выраженным еще Эшенбахом. И, конечно же, легенда была как нельзя кстати политическому движению, которое зарождалось, пока Отто Ран находился в Аквитании, и к которому он присоединился, едва узнал о его успешном распространении: национал-социализму.

Сохранился документ-поручительство, который Отто Ран выпросил лично у Генриха Гимmlера, едва был опубликован его «Крестовый поход», что в скором времени он будет принят в СС – элитные отряды нацизма. Личные свидетельства и письма к одному из друзей вроде бы защищают Рана от обвинения в добровольности такого политического выбора, указывая на немалое жалованье, которое ему предложили и на его экономические трудности

в то время, но некоторые пассажи его труда, неожиданные намеки на конкретную символику и явный политический уклон в самых ключевых вопросах, могущих помочь разобраться в катарстве, указывают на то, что Ран манипулировал историей, когда факты не вписывались в его идеологическую схему.

Так было с его отстаиванием как катарских доисторических граффити в пещерах Сабарты, с поддержкой гипотез о подземных культурах и эзотерических обрядах катаров, которые так и остались бездоказательными; равно как и явное избегание других важных вопросов, как, например, о еврейской общине Лангедока (аквитанские иудеи и были создателями мистической каббалы), с которой поддерживали контакт еретики. Катарскую историю он поставил на службу своему стремлению перейти в ряды «индогерманцев» – вершины, как считалось, духовного и физического развития людей Земли.

И одним из символов их была чаша Грааля. Но не та, которую держал в руках Иисус, и даже не та, которую искало рыцарство «круглого стола», но Грааль чистого государства как универсальный символ знания и власти: тот самый, в котором, как и в Копье Судьбы, так нуждался нацизм и лично Гитлер.

Остается признать, что Отто Ран, начавший свою исследовательскую деятельность с разгадывания скорее всего фальшивой тайны, закончил тем, что сам превратился в загадку, и манипулировал своим образом точно так же, как он раньше манипулировал реальностью, которую изучал. Его жизнь, начиная с активного участия в нацистском движении, превратилась в ряд поступков столь же подозрительных, как и его выводы из всей этой аквитанской авантюры, с самого предположительно случайного написания его второй и последней опубликованной книги «Двор Люцифера», вплоть до его собственной смерти, случившейся по официальной версии 13 марта 1939 года, в возрасте 35 лет, при особых обстоятельствах, заставляющих вспомнить катарское «Терпение».

После отказа от своих привилегий как члена СС и нескольких месяцев активной службы в концентрационном лагере Дахау Ран отправляется в Альпы, в местечко Куфштайн. Там он оставляет всю свою свиту в отеле, а сам углубляется в горы Вильден-Кайзер. После того как он не появился в течение нескольких дней, его якобы нашли сидящим на склоне, заледенелым и с мирной улыбкой на устах. Официальные бумаги, сохранившиеся с того времени, оповещают о его смерти и погребении в Дармштадте, хотя последующие тщательные изыскания не смогли их подтвердить, что дает повод подозревать очередное мошенничество, проделанное для того, чтобы сменить личину.

Существует устойчивое мнение, что Ран и само нацистское правительство инсценировали его смерть, чтобы освободить его от бремени еврейских предков, находившихся в опасной близости к нему на генеалогическом древе, и затем воспользоваться его услугами уже в качестве совершенно другого, вымышленного лица.

Тайный информатор Гитлера?⁵

Как известно, за четыре с половиной года фактически весь европейский континент оказался под пятой германского фашизма, причем с минимальными потерями. Причины поражения противников известны, и не о них сейчас речь. Нас интересует миф об «удивительной интуиции фюрера», которая якобы позволяла ему предугадывать все ходы противной стороны и тем самым обеспечивать ошеломляюще быстрые победы.

Гитлер был тонким психологом. Он хорошо знал и понимал специфику презираемого им «демократического» строя, ему были прекрасно известны мощные антивоенные настроения, царившие в умах европейцев, совсем недавно переживших кошмары Первой мировой войны с ее чудовищными разрушениями, газовыми атаками и миллионами погибших.

Известно, что для принятия правильного решения государственному деятелю необходимо учитывать множество факторов, в том числе и данные разведки. Гитлеру эту информацию поставляли разные ведомства: МИД, военная разведка (абвер), гестапо и другие. Но вот что удивительно – по свидетельству многих авторов (прежде всего Л. Мосли в книге «Утраченное время»), фюрер демонстративно не обращал внимания на их сообщения. Даже когда глава внешней разведки гестапо Вальтер Шелленберг доложил о том, что его агентам удалось завербовать слугу английского посла в Анкаре и с его помощью узнать точную дату вторжения союзников на континент, Гитлер отмахнулся от него: «Это все уловки союзников». Пренебрежение данными разведки, судя по всему, должно было показать окружению Гитлера, что он как «сверхчеловек» способен видеть то, что не видит никто. «Ясновидящий» фюрер может, мол, легко предугадывать каждый ход противника и опережать его без данных разведки. Это особенно ярко видно на примере отношений с Великобританией.

Гитлер как-то бросил с обидой окружающим его советникам: «Нас отделяет от Англии канава с водой шириной всего лишь 36 километров, но мы ничего не знаем, что там делается». Действительно, немецких шпионов в Великобритании осталось мало – их практически всех переловили, а те, кому удалось избежать ареста, мало что могли сообщить на континент. Ряд выдающихся немецких шпионов были перевербованы.

Поскольку Гитлер не верил в способности разведывательных органов Германии добыть достойную внимания информацию «через канаву», возникает ряд вопросов. В частности, как писал Мосли, несмотря на неспособность немцев дешифровать телеграммы посла Великобритании в Берлине Гендерсона, Гитлер с поразительной точностью предопределял и раскрывал ход мышления Чемберлена во время кризисов; что касается разведывательных сводок, которые регулярно представлялись фюреру абвером, то Гитлер их вообще никогда не читал. Получал ли фюрер информацию из какого-то отлично законспирированного источника, тесно связанного с британским кабинетом или Форин офисом, или он был ясновидцем?

По-видимому, источников было несколько, но один из них, похоже, можно установить с некоторой долей достоверности. В июле 1938 года Гитлер послал в Лондон своего адъютанта капитана Видемана на неофициальную встречу с министром иностранных дел Галифаксом. В его задачу входило выяснить возможность официального визита в Лондон Геринга и одновременно сообщить англичанам, что Берлин не может смириться с дискриминацией судетских немцев. Адъютант успешно выполнил задание и на обратном пути, сидя в самолете, тщательно обдумывал свой предстоящий доклад Гитлеру, не сомневаясь, что тот будет очень доволен своим адъютантом. Из Берлина он поездом поехал в Бергхоф, где в то время находился фюрер. Но там Видеману сообщили, что его шеф занят очень важной беседой с

⁵ По материалам Г. Польского.

одной фройляйн. Наконец они появились, и Гитлер, тепло попрощавшись с молодой, стройной шатенкой, пошел в дом, а она села в свой автомобиль, украшенный флагами со свастикой и «Юнион Джеком», и уехала. Видеман ее знал: это была Юнити Митфорд, дочь английского лорда Ридесдейла.

Наконец Видеману удалось зайти к Гитлеру, но тот перебил его сразу же, как только тот открыл рот: «Хватит, больше не надо». Все говорило о том, что он получил какую-то очень важную информацию и обдумывал ее, не желая отвлекаться. Гитлер и раньше встречался с этой энергичной, жизнерадостной девушкой, яркой нацисткой, и каждый раз их разговор происходил без свидетелей: Юнити блестяще знала немецкий язык и даже говорила с заметным баварским акцентом. И каждый раз она без всяких затруднений попадала к нему на прием вне всякой очереди!

Адольф Гитлер и Юнити Митфорд

Кто же была столь приближенная к Гитлеру девушка? Родители Юнити Митфорд были вхожи в самые привилегированные дома. А сама она, как, впрочем, и другие дети этой знатной семьи, была представлена ко двору, очень близко знакома с такими выдающимися деятелями Англии, как Черчилль, Иден и многими другими. В семье Митфордов росли дети самых разных политических взглядов: сторонница консерваторов Дебора (впоследствии герцогиня), коммунистка Джессика, поклонница фашистов – Диана (вторым браком вышедшая замуж за главаря английских фашистов Освальда Мосли) и безоглядная последовательница немецких нацистов – Юнити.

Она чуть ли не с детских лет была сторонницей крайне правых взглядов. Когда подросла, поспешила переехать в Германию, только время от времени наезжая в Лондон. В первый раз она увидела Гитлера осенью 1933 года, когда в составе английской делегации приехала на съезд нацистской партии. Она буквально упивалась голосом фюрера и пожирала его глазами. Существуют две версии ее знакомства с фюрером. По первой, самой распространенной, она, по совету герцогини Гогенлоэ, специально ходила обедать в маленький

итальянский ресторанчик «Остерия Бавария», где в определенное время любил бывать и Адольф Гитлер. Кстати, вспоминая об этом периоде своей жизни, он признал, что, посещая «Остерию», он любил обедать там в обществе представительниц прекрасного пола. И вот однажды Гитлер заметил молодую красивую девушку, которая не отрываясь смотрела на него. В конце концов он пригласил ее за свой столик.

По другой версии они познакомились в доме вдовы композитора Вагнера. Муж дочери Вагнера, англичанин Хьюстон Стюарт Чемберлен, написал книгу «Основоположение XX века», в которой он обосновывал расовые теории и антисемитизм. Введение в этот «труд» написал... отец Юнити лорд Ридесдейл. Гитлер был частым гостем в этом доме и к тому же старательным читателем книги Чемберлена.

Как бы то ни было, Юнити с ее антисемитизмом и восторженной преданностью нацизму быстро завоевала расположение Гитлера. Можно с полным основанием утверждать, что она стала даже близким другом фюрера. Ей, иностранке, Гитлер торжественно вручил фашистский значок со свастикой, который она с гордостью носила на отвороте жакета. У девушки был портрет фюрера в серебряной рамке с теплой дарственной надписью. Она буквально следовала по пятам за Гитлером и его вермахтом. Ее видели на улицах Праги, когда туда входили фашистские войска, на приемах в Берхтесгадене, в пивных Мюнхена, когда там собирались «старые борцы».

За что Юнити заслужила такое внимание фюрера? Видимо, у нее были какие-то особые заслуги перед нацистской Германией. Впрочем, о некоторых из них она говорила во всеуслышание. Так, она открыто хвасталась, что именно при ее непосредственном содействии были заключены: знаменитый Мюнхенский договор, а также очень выгодный для Германии договор о процентном соотношении морских сил Великобритании и Германии. Но тогда разве нельзя предположить, что при ее содействии в руки Гитлера попадала такая информация, о которой она предпочитает не говорить? Вот пример. «24 июля 1939 года, – пишет уже упоминаемый историк Л. Мосли, – кто-то информировал Гитлера о том, что английское и французское правительства согласились послать на переговоры в Москву военную делегацию». И только через 4 дня – 28 июля – посол во Франции граф фон Вельчек передал в МИД Германии как сенсационную новость сообщение о намечаемом визите. Кто же опередил германскую разведку и доложил фюреру эту новость? Не Юнити ли Митфорд?

Но то, что произошло позже, не оставляет сомнения, что эта девушка была очень ценным информатором Гитлера. 3 сентября 1939 года Юнити пыталась покончить жизнь самоубийством, выстрелив в висок из маленького дамского пистолета. Пуля пробила череп и застряла в мозгу. Девушку положили в лучшую частную больницу Мюнхена. Гитлера немедленно информировали об этом. Несмотря на то, что в данный момент шли ожесточенные бои в Польше, фюрер покинул командный пункт и 10 сентября прибыл в Мюнхен и сразу же направился в больницу. Несмотря на просьбы врачей, он зашел в палату, но Юнити была без сознания. По его распоряжению каждый день в палату ставили новый букет цветов. Когда к Юнити вернулось сознание, она попросила передать Гитлеру, чтобы ее отправили в Англию. По его приказу экспресс Мюнхен – Цюрих пересоставили так, что к нему добавили два вагона, причем в одном ехала Юнити в сопровождении врача Райзера и соответствующего медицинского персонала, а во втором – походная операционная на случай, если больной станет хуже и потребуются неотложная операция. Из Цюриха, где ее ждал английский представитель, Юнити отправили на родину.

Специальный санитарный поезд для студентки? Некоторые авторы, правда, пытались приписать фюреру какую-то личную привязанность к Юнити, предполагая даже их интимную связь. Но это полностью исключается. Для тех, кто давно и серьезно изучает личность фюрера, известна его исключительная щепетильность, с которой он подходил к своим увлечениям. И тогда остается предположить одно – Юнити Митфорд являлась важнейшим тай-

ным информатором Гитлера. Конечно, это всего лишь предположение, так как, по словам Л. Мосли, «мы, вероятно, никогда не узнаем истины, поскольку даже при тщательном исследовании всех немецких документов не было обнаружено никакого ключа к этой загадке...».

Загадочный перелет Гесса⁶

Вечером 10 мая 1941 года над северо-восточным побережьем Англии был обнаружен неизвестный самолет. На его перехват вылетели два английских истребителя, но встретиться с нарушителем им не удалось: вторгшийся в воздушное пространство Британии самолет летел слишком быстро. Однако уже через час стало известно, что на территории Шотландии упал немецкий «Мессершмитт-110», а сельскохозяйственному рабочему Дэвиду Маклину удалось задержать его пилота, выпрыгнувшего из самолета с парашютом. Захваченный немецкий пилот, назвавшийся Альфредом Хорном, оказался на самом деле Рудольфом Гессом, заместителем Гитлера.

Почему же Рудольф Гесс совершил такой невероятный перелет? Считается, что «наци № 2» самостоятельно пришел к мысли о необходимости мирных переговоров с Англией, а подходящую дату ему подсказали звезды в лице его личного астролога, доктора Людвиг Шмидта, который предрек на конец мая – начало июня 1941 года критическое расположение созвездий, грозящее опасностью для Гитлера. Якобы пытаясь спасти фюрера и Германию, Гесс и решился на столь необычный поступок. Любопытно, что в Англии за день до явления с небес Рудольфа Гесса британский астролог, выступавший под псевдонимом Цыганский Петуленгро, предсказал, что Гитлер скоро потеряет своего ближайшего соратника. Так в деле Гесса еще раз прозвучала тема астрологии.

В Германии перелет новоявленного «миротворца» объяснили приступом сумасшествия на почве увлечения астрологией. Судя по реакции нацистской верхушки, Рудольф Гесс действительно совершенно самостоятельно принял столь роковое для себя решение. Но так ли это было на самом деле?

В деле Гесса есть некоторые обстоятельства, которые позволяют предположить, что в акции с перелетом в Британию принимали участие и другие действующие лица. «Мессершмитт» Гесса не имел дополнительных топливных баков, поэтому не мог покрыть расстояние от Аугсбурга (Германия) до Шотландии без дополнительной дозаправки горючим, значит, он где-то совершил посадку. Известно также, что друг Гесса, Альбрехт Хаусхофер, который посоветовал ему обратиться в Англии к герцогу Гамильтону, поддерживал тесную связь с руководителем абвера адмиралом Канарисом. О том, что перелет Гесса отнюдь не был сумасбродным поступком, свидетельствует и загадочная смерть «наци № 2» в тюрьме Шпандау в 1987 году. Кто-то явно боялся, что преступника-долгожителя могут помиловать и он на свободе расскажет, что на самом деле им двигало, когда он совершал свой невероятный перелет.

⁶ По материалам А. Сидоренко.

Обломки самолета Гесса в Англии

В тюрьме Шпандау Гесс оказался по приговору Нюрнбергского трибунала. Практически каждый шаг заключенного № 7, как называли Гесса, контролировался многочисленной охраной тюрьмы, поэтому известие о самоубийстве Гесса на 93-м году жизни вызвало определенные сомнения не только у Вольфа Рюдигера Гесса, сына знаменитого заключенного, но и у ряда журналистов и политиков. Правда, никто, кроме сына Гесса, выпустившего книгу «Убийство Рудольфа Гесса?», не стал поднимать шум по поводу странной смерти старого нациста.

Как же Гесс умудрился совершить самоубийство? По официальным данным, во время прогулки 17 августа 1987 года Гесс соорудил из электрического шнура-удлинителя петлю, привязал шнур к оконной щеколде и удавился в садовой беседке, повалившись на пол. Перед смертью он написал письмо, копию текста которого сыну Гесса удалось получить через месяц. Именно это странное письмо и вызвало сомнения относительно добровольного ухода из жизни заключенного № 7. Дело в том, что в своем послании Гесс просил прощения у своей бывшей секретарши за то, что отказался признать ее на Нюрнбергском процессе, но эти извинения он уже давно передал ей на словах, после того как ему разрешили свидания. Короче, письмо по ряду характерных эпизодов больше соответствовало концу 60-х, когда у Гесса были большие проблемы со здоровьем. Похоже, именно тогда оно было написано Гессом, перехвачено охраной и отложено до «лучших» времен. Как вспоминает сын Гесса, во время свиданий его отец абсолютно не был похож на человека, собирающегося свести счеты с жизнью. Против версии о самоубийстве говорит и то обстоятельство, что Гесс в последние годы особенно заботился о своем здоровье: он надеялся на помилование и собирался окончить свою жизнь в кругу семьи. Маловероятным кажется сам факт сооружения Гессом петли из электрошнура для самоубийства, ведь из-за сильного артрита он был просто не в состоянии ее сделать. Кроме того, в день своей смерти Гесс надиктовал своему санитару А. Мелауи большой список покупок.

В своей книге сын Гесса, Вольф Рюдигер, пишет, что один южноафриканский юрист по его просьбе вошел в контакт с представителем израильских спецслужб, который сообщил ему об обстоятельствах убийства Рудольфа Гесса по заданию Министерства внутренних дел Великобритании. Оказалось, что убийство Гесса было вызвано слухами о его возможном

помиловании. Кого-то очень сильно испугала предполагаемая возможность бесконтрольного общения Гесса с представителями прессы.

В день смерти Гесса около беседки, где было обнаружено тело, А. Мелауи заметил двух незнакомцев в американской военной форме. По словам санитара, в беседке на земляном полу явно были видны следы борьбы. Когда А. Мелауи предложил сделать Гессу массаж сердца, один из незнакомцев принялся за это с таким зверским усердием, что, даже если узник и был еще жив, такая «помощь» его сразу убила бы. Как показало вскрытие, при «массаже» Гессу сломали девять ребер!

Убийство Гесса перечеркнуло неправдоподобную версию о том, что в Шпандау сидел только двойник «наци № 2», а сам Рудольф Гесс был убит еще в 1941 году, когда стало известно о его намерении лететь на переговоры с англичанами.

Что же говорит о причине убийства своего отца сын Рудольфа Гесса? Во-первых, он уверен, что Гитлер был в курсе намерений Гесса и перелет осуществлялся с его санкции. Всего за пять дней до перелета Гитлер и Гесс беседовали наедине около четырех часов, а именно за сутки до вылета состоялась секретная встреча с Альфредом Розенбергом, о результатах которой сразу доложено фюреру. Вольф Рюдигер полагает, что на переговорах в Англии речь могла идти даже об общеевропейской мирной конференции. Во-вторых, сын узника Шпандау считает, что власти Великобритании до сих пор скрывают все документы по делу Гесса из-за компрометирующих английские власти обстоятельств. Не исключено, что кто-то в Англии был готов пойти на сговор с фашистами, и Гесс имел все основания надеяться на успешное окончание своего необыкновенного вояжа. Похоже, именно желание сохранить в тайне эти факты и привело к убийству 93-летнего узника. Английские власти не стремятся рассекретить документы по делу Гесса: согласно «Правилу ста лет», оберегающему репутацию ныне живущих людей, они не будут обнародованы до 2041 года.

Линейный корабль «Шарнхорст» – проклятие кригсмарине

История линкора «Шарнхорст» очень напоминает жуткие легенды эпохи викингов. Слишком уж много совпадений, чтобы считать произошедшее простой чередой неудач. Еще будучи достроенным только до половины, корабль по загадочным причинам перевернулся в сухом доке. При этом более сотни рабочих были задавлены и еще около двух сотен получили тяжелые увечья.

«Шарнхорст» был закован в цепи, сдерживающие его крепче тисков. Каждая деталь его проверялась знатоками корабельного дела, однако неприятности продолжались. Шпангоуты гнулись, балки и такелаж срывались и калечили людей. Главнокомандующему пришлось даже повесить плату судостроителям, некоторых мастеров пришлось удерживать почти насильно. Почти каждую неделю проводились расстрелы паникеров и разносчиков слухов.

В 1936 году под пристальным оком самого фюрера проводился спуск линкора на воду. Неожиданно семидюймовый трос порвался, и «Шарнхорст» рухнул на две береговые баржи, одна из которых вместе с экипажем тут же пошла ко дну, а на другой погибла почти вся команда, собравшаяся на палубе и наблюдавшая спуск корабля. В немецком военном флоте не было кораблей, подобных «Шарнхорсту». Именно он должен был стать во главе флотилии, которой полагалось, обрушившись на портовые города Англии, привести гордую страну к покорности. Но все сложилось иначе.

Через три года после трагического спуска при обстреле Данцига корабль сражался с судном соперника. Во время боя взорвалось носовое орудие. Цена катастрофы – 19 человек. Погибли не простые матросы, а опытные артиллеристы, как назло собравшиеся возле злополучной пушки. На следующие сутки система подачи воздуха в башне еще одного носового орудия вышла из строя. Двенадцать человек погибли от удушья.

Крейсер «Шарнхорст»

Линкор, не получивший ни одного повреждения от союзных войск, оборвал жизни нескольких сотен немцев и был изранен, будто после тяжелого и долгого сражения.

Год спустя несчастья продолжились. При обстреле Осло норвежская торпеда попала в двигательный отсек линкора. Двигатель взорвался, и корабль стал марионеткой в руках

врага. В устье Эльбы «Шарнхорст» был доставлен с тяжелейшими повреждениями и полностью выведенным из строя турбинным отсеком. Дорогое первоклассное оборудование беспричинно отказывало, унося также жизни мастеров, пытавшихся устранить неполадки.

На парковке в устье Эльбы линкор столкнулся с пассажирским лайнером «Бремен», который в результате этого намертво застрял на мели. Буксиры не смогли его стащить, а через сутки британские бомбардировщики уничтожили беззащитный лайнер. При этом погибла вся команда, а также и пассажиры, которых не успели эвакуировать.

«Карьера» корабля стала настолько зловещей, что в рейхстаге даже был обнародован вопрос о переводе судна в другую акваторию. Командование грешило почему-то на загрязненные воды Северного моря, из-за которых двигатель корабля засоряется и по цепочке выводит все компоненты механизма.

За очевидными фактами прослеживалась наглядная тенденция: корабль уничтожал своих создателей и обслугу, а враги от него не страдали. Участник десятков боев и стычек с врагом, он не потопил ни одного иноземного судна. «Шарнхорст» стал одним из самых дорогих кораблей флота – сумма, затраченная на него, увеличивалась почти каждую неделю. На корабле все время что-то ломалось или выходило из строя. Что же касается мелких неприятностей, они происходили каждый день.

О проклятом судне перестали шептаться, а заговорили вслух, когда на «Шарнхорсте» вышел из строя радар, и его никакими способами не удалось восстановить, – настолько серьезной и нелепой оказалась поломка. Худшее, однако, ждало корабль впереди. Через несколько месяцев, когда линкор вновь вернулся к боевой службе, его локаторы каким-то образом «проглядели» беспомощный катер британской береговой охраны. Под покровом темноты катер прошел почти под самым боком немецкого тяжеловеса. Через несколько часов целая эскадра, поднятая по тревоге, окружила ничего не подозревающий «Шарнхорст». Увидев английскую флотилию, капитан линкора тут же решил спастись бегством. Хотя огневая мощь нацистского корабля могла припугнуть кого угодно даже одним выстрелом.

Ближе к утру «Шарнхорст» нагнала одиночная торпеда, пущенная почти наугад. Пробойна оказалась ниже ватерлинии, корабль получил течь, потерял скорость. Пробойна тем временем начала загадочным образом увеличиваться, вода хлынула в трюмы, и «Шарнхорст» осел. После этого линкор стал совсем уж беззащитен, и целая группа торпед, пущенных по горячим следам, попала в цель. Прямо в центральную часть трюма.

В цейхгаузе начался пожар – затем прогремел взрыв. Огромное судно почти взлетело к небесам, рассыпавшись на сотни метров дьявольским фейерверком. К утру от одного из лучших кораблей Третьего рейха не осталось ничего. Из 1460 матросов, бывших на борту судна, выжили лишь 36 человек, да и те, кроме двоих, все попали в английский плен и погибли в заточении.

Двое же «счастливчиков» сумели вплавь достичь норвежского берега. Ощувив под ногами твердую почву, люди вознесли молитвы и только тогда почувствовали себя в безопасности от проклятия чудовищного корабля.

Как бы не так! Едва они принялись готовить пищу на спасенной с «Шарнхорста» горелке с аварийным запасом бензина, устройство взорвалось, убив обоих наповал. Мощь взрыва была такова, что для похорон не удалось собрать все фрагменты тел.

И только после этой последней жертвы проклятие «Шарнхорста» потеряло силу.

Страсть, едва не стоившая карьеры Геббельсу⁷

Время от времени по чешскому телевидению крутят старые, еще довоенные фильмы, и на экране можно увидеть темноволосую, смуглолицую женщину с раскосым разрезом красивых, совсем не славянских глаз и томным выражением мелодраматической героини.

Сегодня чешка Лида Баарова, урожденная Людмила Бабкова, – одинокая бездетная вдова, забытая миром актриса, которая скоро отметит свое 90-летие. Соотечественники, впрочем, вспомнили о ней, показав в канун юбилея Победы над фашизмом в документальном цикле «Галерея элиты нации» фильм о Лиде Бааровой. Эта передача, впрочем, понравилась не всем: для многих чехов Баарова осталась коллаборационисткой, предательницей, отогревавшейся в постели Геббельса в то время, когда ее соотечественников гноили в концентрационных лагерях.

Сама же Лида Баарова предательство не признает. Она была верна своей родине, она отказалась принять германское гражданство, она никогда не делила постель с нацистскими главарями. В автобиографической исповеди она утверждает, что невиновна.

...Гитлер вошел в студию берлинской «УФА», когда там заканчивались съемки «Баркаролы», одного из мировых довоенных хитов, где Баарова играла красавицу венецианку, дочь гондольера. Это была ее первая заграничная роль: чешскую актрису привез в Германию немецкий менеджер Вильям Кэрролл, собиравший по Европе молодые таланты.

Обратил внимание на Баарову и министр пропаганды: «маленькая чешка», как прозвали Лиду в Германии, зацепила и его сердце. С Геббельсом они оказались соседями: вилла ее приятеля, кинозвезды и кумира немецкой публики Густава Фрелиха, находилась рядом с домом Геббельса. Последовали соседские приглашения на вечеринки, на прогулки по озеру, катания на министерской яхте.

К очередному дню рождения министр пропаганды получил в подарок от Берлина домик у озера, в этом домике Баарова стала частой гостьей. Для нее Йозеф Геббельс вдохновенно музицировал на рояле, зажигался, преображался, становился другим, совсем не тем, каким она видела его на партийной трибуне. С Лидой он был откровенен. Иногда Геббельс впадал в депрессию, начинал сомневаться в предназначении нацизма, боялся, что все кончится катастрофой.

⁷ По материалам О. Дмитриевой.

Лида Баарова и Густав Фролих беседуют с Геббельсом. 1936 г.

На «УФА» снимали «Летучую мышь» по оперетте Штрауса. Баарова, прочно воцарившаяся в немецком кино после оглушительного успеха «Баркаролы», играла Розалинду. На середине съемок иссякли постановочные деньги. Продюсер бросился к Лиде в ноги: вся надежда на тебя – проси у Геббельса! Она попросила, Геббельс скривился, но дал. Позже, в домике у озера, упрекнул ее: вот видишь, люди убеждены в нашей связи, а ты мне отказываешь...

Скоро в бульварной прессе появилось сенсационное сообщение: Баарова – любовница министра Геббельса. Между тем Геббельс, как уверяет она в своих воспоминаниях, так и не был возведен в ранг любовника, оставаясь всего лишь безответным воздыхателем. Баарова получила потрясающее предложение от Голливуда: контракт на 7 лет и сказочные гонорары. Она отказалась: что будет в Голливуде – вопрос, в Берлине была проторенная дорожка.

Между тем министр пропаганды обрывал Лидин телефон и беззастенчиво требовал явки на свидания. Подзывая ее к телефону, он представлялся господином Мюллером...

Наступила осень 38-го, а с ним – катастрофическая для Чехословакии встреча в Мюнхене Гитлера, Чемберлена, Даладье и Муссолини: Германия отсекла от Чехословакии Судеты, и это было началом конца. В жизни актрисы Бааровой началом конца стал телефонный звонок обезумевшего от любви Йозефа Геббельса, весело сообщившего ей, что он «все сказал своей жене».

Она чувствовала ужас, предвкушая реакцию этой женщины – красавицы Магды, бывшей жены миллионера Кванда, властной, себялюбивой, «истинной арийки»... По бредовой идее Геббельса, им – возлюбленной и жене – надлежало встретиться и поговорить по душам. Они встретились. Магда Геббельс предложила Лиде чай, ликер и – перейти на «ты». К вящему изумлению провинциальной чешки, блистательная первая дама рейха предложила ей заключить взаимовыгодный контракт: Лида становится любовницей Геббельса,

Магда остается его женой. Фрау Геббельс боялась, что в случае, если Лида отвергнет «разумный компромисс», Йозеф может пойти на все. И тогда она потеряет мужа, отца четверых детей. Лида «разумный компромисс» отвергла. Тогда «на все» пошла Магда Геббельс: спустя несколько дней Лиде позвонил министр. Голос его дрожал. Он сказал, что его жена – дьявол и что она обратилась с жалобой к вождю. Министра ждал вызов на ковер.

Из воспоминаний Л. Бааровой: «Утром он позвонил снова. Я схватила трубку и услышала прерывистые всхлипывания. Он плакал:

– Была страшная сцена, – скорее догадалась, нежели услышала я. – Вождь кричал.

Настала долгая пауза. Я ждала, затаив дыхание.

– Он вынудил меня дать ему честное слово.

Некоторое время спустя от полицей-президента Берлина графа фон Хелльдорфа, присутствовавшего вместе с четой Геббельсов на историческом примирении супругов у вождя, она узнала, что Геббельс пытался отстоять свою возлюбленную и даже заготовил прошение о разводе. Он предложил Гитлеру выйти из щекотливого положения, отправив его, Геббельса, послом в Японию. Гитлер хватил кулаком по столу: «Народ этого не захочет!» На робкое замечание министра пропаганды о праве на личную жизнь фюрер величественно ответил: «Тот, кто делает историю, не имеет права на личную жизнь».

Собственно, граф фон Хелльдорф вызвал Лиду Баарову также для объявления ей высокого вердикта: отныне ей запрещались публичные выступления, включая сцену театра и кино, а также участие в общественной жизни. Покидать территорию Германии запрещалось также.

На премьере ее последнего берлинского фильма по «Игроку» Достоевского Бааровой устроили обструкцию: с галерки кричали «министрова шлюха»! Все фильмы с ее участием были изъяты из проката, имя Бааровой запрещено было упоминать в печати. Позднее она узнала, что была занесена в списки подозрительных особ. За ней стало следить гестапо.

Из Германии она бежала ночью, ускользнув из дома через заднее окно: перед входом неотлучно дежурили гестаповцы. В Праге ее ждали старые друзья и предложения от киностудии. Но счастье было недолгим: Чехия стала германским протекторатом. Запрет снимать Баарову в кино таким образом распространялся и на Прагу. Не смог помочь даже ее ближайший и самый верный друг Милош Гавел, дядя будущего чешского президента, в то время возглавлявший чехословацкий «Люцерна-фильм» и студию «Баррандов».

На короткое время она выскользнула в Италию, где ей предложили роль в фильме. Познакомилась с Роберто Росселини, сыграла у Витторио де Сика. Но немцы настигли ее и в Риме: выдворение в 24 часа. Нескончаемый бег.

В самом конце войны бежала из Праги, боясь прихода русских: как она объяснит им свое немецкое прошлое? Попала к американцам. Полгода спустя они вернули ее в Прагу, предварительно продержав в двух тюрьмах и психиатрической лечебнице. В Праге ее снова ждала тюрьма. Унизительные допросы: шпионила на немцев? Грозил народным судом и повешением. После одного из допросов в камере следователя скончалась от инфаркта ее мать.

Через полтора года Лиду отпустили – следствие по делу Бааровой за отсутствием улик зашло в тупик. Еще через год она нелегально, ползком, пересекла государственную границу: к власти в Чехословакии пришли коммунисты. Друзья передали ей, что заготовлен ордер на ее арест.

Несколько безрадостных лет в Аргентине. Снова Италия – и еще один, на сей раз последний всплеск актерского счастья – съемки у Феллини. Она получила роль продавщицы антиквариата. Феллини сказал ей, что она слишком красива для его фильмов.

Последние четверть века Лида Баарова жила в австрийском Зальцбурге, получая пенсию за своего покойного мужа, австрийского врача. Зальцбург она ненавидит. В Праге она

побывала единственный раз со дня своего бегства – в 1990-м. После событий 89-го все ждала, что хоть словом отзовется президент Гавел, с чьим дядей она столько лет дружила... С надеждой слушала его выступления, где он говорил о понимании и прощении, о будущем без обид на прошлое. Верила: это относится и к ней... Вацлав Гавел не отозвался.

«Шпионка, которая овладела Гитлером?»⁸

Пока никто не смог разобраться в хитросплетениях судьбы Ольги Константиновны Чеховой. Афишировать свою шпионскую деятельность она не желала. Сейчас остается только сопоставлять факты, догадываться.

Природа наградила Ольгу Чехову классически правильными чертами лица. Это плюс красота, ум и выдержка помогли ей стать звездой экрана. Свой первый брак Ольга в мемуарах называет авантюрой и с ужасом вспоминает годы жизни со злобной свекровью. Михаил Чехов не отличался ни красотой, ни порядочностью. Жизнь эта не задалась. Ольга оставила себе знаменитую фамилию и дочь Аду.

Второе замужество – с бельгийским миллионером Марселем Робинсом – хоть и состоялось в зрелом возрасте, также было неудачным. Муж надеялся, что жена всегда будет рядом, станет обычной женщиной, «покинет эту ужасную страну» (имеется в виду Германия). Но об Ольгиной одержимости профессией ходили легенды, и такие условия для нее были неприемлемы. Брак был расторгнут.

Единственная действительно эмоциональная часть мемуаров – рассказ о романе с летчиком Йепом. История произошла во время войны, капитан погиб. Останься он в живых – неизвестно, как дальше сложилась бы судьба Ольги Чеховой. Выходит, любовь не стала в жизни этой женщины главным. Стала профессия.

В семнадцать лет уехать в чужую страну, оставив в России маленькую дочь, – это поступок. Для такого шага нужна недюжинная решительность. Актриса пишет о том, что благодаря связям своей тети Оли (Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой) она в январе 1921-го получает разрешение на полуторамесячную поездку в Германию и остается там навсегда. Случай сводит ее с Эрихом Поммером – выдающимся немецким кинопродюсером. И она, театральная актриса, говорящая на немецком с сильным акцентом, получает главную роль в фильме «Замок Фогельод». Так началось ее восхождение на кинематографический олимп.

Ольга много снимается, играет в театре, ей удается вывезти из России маму, сестру, дочку. Всех их кормит профессия актрисы. Родные избавили ее от бытовых проблем и позволили делать то, что она хотела. До войны Чехова успела сняться в Голливуде и еще в трех картинах в Париже. С легкой руки режиссера Шюнцеля за Чеховой закрепляется прозвище Секс-Ольга. Хотя сама она в отношении своей внешности и актерского таланта была достаточно самокритична. Шумиха вокруг Ольги Чеховой впервые была поднята в октябре 1945 года в английском журнале «Пипл», поместившем статью под громким заголовком «Шпионка, которая овладела Гитлером». В статье, в частности, утверждалось, что Ольга снискала особую благосклонность фюрера и, пользуясь своим влиянием на фашистского лидера, оказывала содействие в решении разных вопросов представителям германского генералитета и крупным промышленникам. С другой стороны, она работала на СССР, передавая добытую информацию через своего личного шофера в Москву. Существует даже версия организации покушения на Гитлера с участием актрисы в 1941 году. Исполнителем должен был стать советский агент Игорь Миклашевский.

⁸ По материалам А. Писаревой.

Ольга Чехова

Подобные публикации появлялись до конца 1945 года в немецких, французских и американских газетах. Не обошлось и без курьезов. Газета «Курьер» опубликовала статью под названием «Орден для Ольги Чеховой», в которой писали о ее награждении орденом Ленина, хотя в действительности получила его Ольга Леонардовна Книппер-Чехова за заслуги в области искусства и в честь 75-летия. Ольга Чехова обратилась к советской военной администрации в Германии с просьбой защитить ее от измышлений и добилась опровержения скандальной статьи.

Гитлер действительно любил Ольгу Чехову. Существует знаменитая фотография, облетевшая чуть ли не все издания мира. Они сидят рядом в креслах первого ряда в большом зале. По собственному признанию Чеховой, их знакомство состоялось на приеме у министра народного просвещения и пропаганды доктора Йозефа Геббельса. Приглашения на подобные приемы не очень радуют актрису. Более того, она не хочет принимать навязанные ей правила игры и вместе со своими коллегами уходит с одного из торжеств, где партийные функционеры «разражаются непотребными нападками на иностранных и еврейских кол-

лег». Реакция не заставила себя долго ждать – Ольге Чеховой не дают ролей. Она пытается реанимировать свои заграничные связи. После съемок в Париже у Альфреда Хичкока Чехова все-таки возвращается в Германию. И тут происходит удивительное: она снова обласкана властью, ей присваивают звание «государственная актриса». Она снимается без перерыва, играет в театре. Ее не любят Геббельс и Геринг, но поклонение Гитлера делает Чехову неуязвимой для недоброжелателей.

В конце войны Ольга Чехова с дочерью Адой и внучкой Верой жила в собственном доме в Кладове (район Берлина). Когда русские входили в город, она, как и большинство немцев, готовилась к худшему, зарыла драгоценности в саду, но выставила в доме русские иконы. К слову сказать, по воспоминаниям ее близких, в доме всегда соблюдались православные обычаи. После нескольких довольно опасных инцидентов Ольга оказывается в советской комендатуре, ее допрашивают, подозревают в шпионаже и приговаривают к смертной казни через расстрел. Но дальше начинаются удивительные вещи: актрису сопровождают домой с охраной, переправляют в ставку Красной Армии – предместье Берлина Карлсхорст, откуда везут в Москву.

Историк Владимир Гуржий пишет, что Ольгу Чехову задержала контрразведка СМЕРШ 1-го Белорусского фронта 29 апреля 1945 года. Он также приводит выдержки из допроса Чеховой начальником отдела контрразведки 47-й армии полковником Шкуриным, который, видимо, состоялся еще в Ставке. В Москве Ольга Чехова живет под домашним арестом, видется ей ни с кем не дают, но и вреда не причиняют. Верить ей не захотели. За актрисой даже после войны продолжали охотиться (американская разведка) и провоцировать (советские органы). «Однако, – пишет Гуржий, – правопреемники СМЕРШ – ГРУ ГШ МО России, ФСБ и СВР не подтверждают причастности Чеховой к деятельности советской разведки».

Тем не менее о благополучии актрисы в разрушенной войной Германии лично заботился начальник Главного управления СМЕРШ – Виктор Абакумов. По его распоряжению ей помогали с продовольствием, бензином для автомобиля, строительными материалами для ремонта дома. Известный театровед Виталий Вульф свидетельствует, что сохранились письма Ольги Чеховой на имя Абакумова, в которых она называет его «дорогой Виктор Семенович» и спрашивает: «Когда встретимся?» Дело в том, что Ольга жила вместе с семьей в местечке Гросс-Глинке, которое находилось в американской оккупационной зоне. Сохранилась и «Докладная записка о Чеховой О.К.», подписанная начальником контрразведки СМЕРШ Группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенантом Вадисом и адресованная Абакумову. В этом документе подтверждается тот факт, что советские оккупационные власти заботились о семье Ольги Чеховой и содействовали ей в переезде в советскую оккупационную зону – город Фридрихсхаген. Здесь она была «поселена на жительство по улице Шпрее, дом 2».

В ее воспоминаниях описываются события 1955 года, когда она основала свою фирму «Косметика Ольги Чеховой» в Мюнхене. Этот город находился на территории ФРГ. В эпоху железного занавеса и его символа – Берлинской стены, разделявшей Германию на две части, на социалистический и капиталистический лагерь, – такая свобода передвижения была очень большой привилегией. За какие, спрашивается, заслуги советские власти так полюбили Чехову? Когда Ольга в 1921 году уезжала в Германию, она была всего лишь молодой, начинающей актрисой, для советского искусства ничего не сделавшей. Говорят, что во время войны именно Ольга Чехова способствовала тому, чтобы не был разграблен дом-музей ее дяди – великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

В книге Серго Берии «Мой отец Лаврентий Берия» имя Ольги Чеховой упоминается в одном ряду с именами таких выдающихся советских разведчиков, как Рихард Зорге, Лев Маневич, Ким Филби, Джордж Блейк... По предположению Серго Берии, «тогда в Москве

талантливая актриса просто играла и с военной контрразведкой СМЕРШ, и с органами безопасности». Сын Берии утверждает, что Ольга работала в некоей «системе советской стратегической разведки». Отсюда и отсутствие документов, которые подтверждали бы причастность Чеховой к разведывательной деятельности. Серго Берия пишет в этой связи: «Мой отец ни тогда, в 45-м, ни позднее решил ее не раскрывать». Когда Лаврентий Берия узнал, что СМЕРШ не располагает какими-либо основаниями для ареста Ольги Чеховой, он распорядился отпустить ее в Германию. Отсюда Серго Берия делает вывод, что СМЕРШ просто влез не в свое дело. Внешне все факты сходятся.

Волну интереса к секретной стороне жизни Ольги Чеховой вызвали мемуары генерала Павла Судоплатова, в которых он утверждает, что актриса была завербована в 1933 году. Она сообщила о дате и планах нападения Германии на Советский Союз, передала информацию о подготовке наступления гитлеровских войск на Кавказ и Сталинград. Эти сообщения были расценены Сталиным как дезинформация. Поверили ей лишь в третий раз, когда она сообщила о дате гитлеровского танкового удара под Курском.

«Актриса», такую кличку ей дали в Центре, была патриоткой России и работала отнюдь не за денежное вознаграждение. В мемуарной литературе утверждается, что во время своего приезда в Москву Ольга встречалась на конспиративной квартире с Берией, который вел ее в Германию. Берия, чтобы не поднимать шум, позволил Абакумову допросить Чехову.

Ольгу Чехову не расстреляли, не отправили в лагерь, а лишь продержали на конспиративной квартире три месяца и в июле 1945-го отправили в Германию. «Она не была агентом, – утверждает сегодня двоюродный брат Чеховой Владимир Книппер. – Сталин и Берия ее пощадили, потому что уважали ее как личность».

Что произошло в Глейвице?

15 июня 1939 года генерал фон Браухич представил фюреру свой секретный план, касающийся военных операций против Польши. Каждая строка этого плана отражала личное мнение Адольфа Гитлера. Мир неумолимо катился к войне. Как ни странно, единственным среди немецких руководителей, кто предпринимал последние попытки предотвратить катастрофу, был Герман Геринг.

17 августа генерал Франц Гальдер вписал в свой журнал такую фразу: «Канарис подписал Секцию VI (Операция). Гиммлер, Гейдрих, Оберзальцберг: 150 польских униформ с аксессуарами для Верхней Силезии». Речь шла о подготовке к предстоящей операции, которая, в случае нападения Германии на Польшу, позволила бы переложить ответственность за развязывание войны на поляков.

Новый проект имел кодовое название «Операция Гиммлер». Для его осуществления адмирал Канарис, шеф абвера, получил от Гитлера персональный приказ снабдить Гиммлера и Гейдриха 150 комплектами униформы и легким оружием польского производства. 17 августа Канарис попросил разъяснений у генерала Кейтеля. Шеф ОКВ ответил, что приказ дан Гитлером и, следовательно, обсуждению не подлежит. Канарис исполнил то, что от него требовалось.

Для руководства операцией шеф СД Рейнхард Гейдрих выбрал Альфреда-Гельмута Науйокса. Он родился в Килле, в семье лавочника, в 1931 году вступил в СС и входил в СД со дня ее основания. На Нюрнбергском процессе, 20 ноября 1945 года, Науйокс расскажет о беседе с Гейдрихом: «Около 10 августа, – заявил он, – глава СД, Гейдрих, приказал лично мне имитировать атаку польских формирований на радиостанцию Глейвиц, вблизи польской границы. «Нам необходимо материальное доказательство того, что атака была делом поляков не только перед лицом иностранной прессы, но и для внутренней пропаганды», – сказал мне Гейдрих. Я получил инструкции захватить радиостанцию и удержаться там достаточно долго, чтобы позволить «немце-полякам», которые поступят в мое распоряжение, передать по радио воззвание. Гейдрих сказал мне также, что Германия атакует Польшу в ближайшие дни».

Аккуратно развешанные по шкафам, перед Альфредом Науйоксом были выставлены униформы, присланные Канарисом. В них можно было вырядить, по меньшей мере, роту. Рядом стояли коробки, набитые пачками польских сигарет и спичек, письмами и документами, составленными по-польски, которые должны были быть распределены по карманам форм. Люди, которые должны были одеть эти формы, были немцами, бегло говорящими на польском, или же имели двойное гражданство. Чтобы операция оставалась в секрете, необходимо, чтобы о ней знало как можно меньше людей. По мнению Науйокса, не больше семи. Эту цифру он предложил Гейдриху, и тот согласился.

Вторжение гитлеровцев в Польшу было «оправдано» провокацией в Глейвице

Первых четырех Науйока выбрал сам. Это были надежные люди. Из СС. Двое других были рекомендованы Гейдрихом; им будет поручена радиопередача ложного сообщения. Один из них – радиоспециалист, другой – диктор, бегло говорящий по-польски. Перед отъездом на место Науйока еще раз побывал у Гейдриха. Торжественно он произнес клятву хранить молчание об «Операции Гиммлер». Около тридцати человек были посвящены в курс дела.

Из двух черных фордов «V8» вышло семеро человек, семеро штатских. У каждого при себе был чемодан. Перед ними красивое, новое, белое здание – «Обершлейзишер Хоф», лучший отель Глейвица. На бланках, которые заполнили эти семь путешественников, они зарегистрировались как инженеры из Майнца. Их номера были забронированы за два дня до этого. Хозяину гостиницы, который вышел их встретить, они объяснили, что в Глейвице хотят произвести геологические изыскания. И действительно, в течение всего своего пребывания в Глейвице «инженеры» собирали горные породы и образцы почвы. «В Глейвице, – скажет Науйока в Нюрнберге, – я оставался четырнадцать дней... Между 25 и 31 августа я поехал на встречу с Генрихом Мюллером, который находился в окрестностях Оппельна». Там он встретил не только Мюллера, здесь находился также некто Мельхорн. При Науйоке эти два человека изучали план еще одного инцидента на границе, имитирующего нападение польских солдат на немецкие части. Из рассказа Науйока в Нюрнберге: «Мюллер заявил, что у него есть двенадцать-тринадцать осужденных уголовников, которых можно вырядить в польских солдат и их трупы оставить на земле так, как будто они были убиты во время боя. Врач, купленный Гейдрихом, предварительно введет им смертельную инъекцию, и в то

же время на трупах оставят следы пулевого ранения. После инцидента на место будут привезены журналисты и другие заинтересованные лица. Мюллер предупредил, что по приказу Гейдриха одного из этих осужденных, с подходящим прозвищем «консервы», он предоставит мне».

На следующее утро Мельхорн отказался от задания, которое ему хотели доверить. Жестокий приступ желудочной болезни делал невозможным его прямое участие. Что касается Науйока, то он и не думал уклоняться. Он обдумывал слова Мюллера. Вопрос теперь не стоял о двенадцати или тринадцати трупах. Мюллер уточнил, что его сотрудничество ограничивается доставкой одного трупа.

– Я расскажу вам, что сделаю для вас, – продолжал Мюллер. – Через две минуты после начала действий, в 19 часов 30 минут, вечером 31 августа, я проследую мимо радиостанции Глейвица в черном «Опеле» и оставлю перед входом труп, одетый, как и договаривались, в униформу польской армии; я не буду вмешиваться в вашу работу и тотчас исчезну. По поводу жертвы не волнуйтесь. Мы уже выбрали заключенного в еврейском концлагере.

31 августа 1939 года. 4 часа после полудня. В седьмом номере отеля «Обершлейзишер Хоф» Альфред Науйокс собрал шестерых человек своей диверсионной группы. Они разместились, как смогли: двое на кровати, трое на стульях, последний встал напротив камина. Несколько лет спустя Науйокс будет помнить, слово в слово, то, что он сказал тогда:

– Ну вот, мы все здесь. В моей машине находятся два ящика. В первом семь униформ польской армии. Сегодня вечером мы будем в лесу Ратибор, в нескольких километрах от нашей цели, и там переоденемся.

Он повернулся к радиоспециалисту, привлеченному Гейдрихом:

– Карл, вы настроите радио, которое находится в другом ящике, и дождетесь сигнала, который прозвучит чуть ранее 19 часов 30 минут и позволит нам приступить к операции. Позже я вам сообщу длину радиоволн. В 19 часов 30 минут ровно мы приедем на станцию и захватим ее персонал – там будет не более пяти-шести человек служащих. Вы не произнесете ни слова – пусть думают, что мы – поляки. После этого со мной останутся только Карл и Генрих.

Генрихом звали диктора, говорящего по-польски, также рекомендованного Гейдрихом. Науйокс продолжал:

– Карл, вы должны будете подключиться к линии Бреслау, вы это знаете. Генрих, для вас у меня есть текст небольшой речи, которую вы прочитаете в микрофон. Предупреждаю, что во время передачи сообщения я сделаю несколько выстрелов в воздух. Постарайтесь не обращать на них внимания... Как только все будет сделано, мы должны бежать. Если кто-либо из вас будет пойман, он должен утверждать, что является поляком. В Берлине предвидят такую возможность и попросят отдать пленного. Комиссар спецотдела немедленно вышлет за пленным самолет. Запомните: сегодня вечером, в 19 часов 30 минут, вы станете солдатами польской армии и будете стрелять в любого, кто попытается преградить вам дорогу. Даже если вы убьете кого-нибудь, ни расследования, ни преследования не будет. Таков приказ!

Две большие черные машины остановились на опушке леса Ратибор. В молчании люди вынесли два ящика. В первом лежало семь револьверов системы «Люгер-9», на них – сложенные польские униформы. Также молча все семеро переоделись. «Ни одна униформа не пришлась по размеру, – расскажет потом Науйокс Гюнтеру Пейсу, – но никто не казался смешным в своем наряде». В другом ящике была радиостанция. Карл настроил ее и, надев наушники, стал ждать. Внезапно раздался сигнал. Было ровно 19 часов 27 минут.

В темноте наступившей ночи показалась радиостанция Глейвица. Две машины, проскрипев колесами, резко затормозили. Большая застекленная дверь, к которой ведут шесть ступенек. Справа – светящееся окно: здесь должен находиться персонал станции. Науйокс взлетел по ступенькам и толкнул входную дверь, за ним – Карл и Генрих. В холле служащий

в темно-синей форме подался вперед, но, увидев польских солдат, тут же остановился с приткрытым от изумления ртом. Генрих бросился на него, схватил за плечи и два раза ударил головой об стену. Без единого звука тот соскользнул на пол, как сломанная кукла.

Науйокс уже устремился по коридору направо и ворвался во вторую комнату, окно которой было освещено.

Прежде чем служащий успел отреагировать, Науйокс оглушил его ударом приклада. В этот момент раздался крик Карла:

– Сюда, скорей!

Науйокс, устремившись на зов, ворвался в студию, где у микрофона уже стоял Генрих, приготовившись читать сообщение.

Карл был в соседней комнате, где находился передатчик, с помощью которого можно было выйти в эфир радио Бреслау и оттуда по всей Германии. Через стекло Науйокс и Генрих увидели, как Карл суетился, опуская и поднимая один за другим все рычаги. Казалось, он не в себе. Науйокс вышел из студии и присоединился к абсолютно растерянному Карлу:

– Что случилось? – спросил он.

– Я не могу найти рычаг подключения...

Это была катастрофа. «Передача должна была состояться, так или иначе, – рассказывал Гюнтер Пейс. – По другую сторону стекла Генрих жестикулировал, повторяя свой текст. Он также потерял обычное самообладание и казался напуганным».

– Вы можете, по крайней мере, сделать локальную передачу? – спросил Науйокс у Карла.

– Да, но только на местных длинах волн. Этого недостаточно. Ее не услышат нигде, кроме Глейвица.

– Хорошо, сделайте это! Читайте громко, потому что я буду шуметь и стрелять.

Историк СС Луи Сорель рассказывает, что по сигналу Карла Генрих начал читать свой текст очень быстро, почти крича. Несмотря на предупреждение, при первом выстреле из револьвера он вздрогнул и, уронив микрофон, прервал чтение. По властному жесту Науйокса Генрих, заметно нервничавший, справился с собой и закончил передачу. Как только дело было сделано, командир операции, Карл и Генрих покинули студию, тотчас наполнившуюся дымом.

В сопровождении сообщников Науйокс выбежал из здания радиостанции Глейвица. Спускаясь по ступенькам, «он заметил своего... седьмого невольного помощника: тело грузного, высокого мужчины, одетого в форму польского солдата».

1 сентября 1939 года в семь часов утра Науйокс вошел в кабинет Гейдриха. Он был небрит. Он не спал двое суток. В течение всего обратного путешествия он твердил себе, что «Операция Гиммлер», проведенная под его руководством, в конечном счете, потерпела провал. Все было рассчитано на то, чтобы о пресловутой атаке поляков через несколько минут узнала вся Германия. На деле получилось, что только владельцы радиоприемников города Глейвица смогли услышать о предприятии, которое потребовало столько внимания и забот. Гейдрих молча наблюдал за своим сотрудником. Потом произнес:

– Сожалею о помехах, но допускаю, что ничего нельзя было сделать. Должен сознаться, что я забеспокоился, когда прошлой ночью в 19 часов 30 минут ничего не услышал. Но не волнуйтесь. Важно, что передача состоялась, и никто не был пойман. Вы читали утренние газеты? Вот, взгляните: «Фелькишер беобахтер». На первой странице вы найдете очень интересную статью.

Науйокс взял газету, которую протянул ему шеф, и развернул ее. Под крупным заголовком: «Агрессоры атакуют радио Глейвица» было напечатано:

«Группа польских солдат прошлой ночью, чуть ранее 20 часов, захватила здание радиокомитета Глейвица. В этот час на службе находилось всего несколько человек. Как оказа-

лось, напавшие поляки хорошо знали место. Они атаковали персонал станции и ворвались в студию, оглушив тех, кто попался им на дороге.

Агрессоры прервали ретрансляцию на линии Бреслау и прочитали в микрофон пропагандистскую речь, подготовленную заранее на польском и немецком языках.

Они объявили, что город и радиостанция находятся в руках поляков, упоминая в своей речи «польский Бреслау» и «польский Данциг»... они тем самым нанесли оскорбление Германии».

Несколькими часами позже Адольф Гитлер объявил в Рейхстаге, что вооруженные силы вторглись в Польшу. Он сослался на происшествие в Глейвице. «Операция Гиммлер» достигла цели.

Катынь: Сталин или Гитлер?

Громадный грузовой немецкий самолет летел в направлении Белостока. Пассажиры, все гражданские, дремали. За иллюминаторами – ночь. Ночь с 30 апреля на 1 мая 1943 года. Странный это был груз. Врачи, тринадцать врачей. И еще одна его особенность: все они были разных национальностей. Профессор офтальмологии университета в Ганде, бельгиец доктор Шпелер; болгарин доктор Марков, преподаватель кафедры криминологии и судебной медицины Софийского университета; датчанин доктор Трамсен, ассистент Института судебной медицины в Копенгагене; финн доктор Саксен, профессор-патологоанатом Хельсинкского университета; голландец доктор Бурле, профессор анатомии Кронингенского университета; венгр доктор Орсос, профессор кафедры судебной медицины и криминологии Будапештского университета; итальянец доктор Пальмиери, профессор кафедры судебной медицины и криминологии Неапольского университета; румын доктор Биркле, судебно-медицинский эксперт румынского министерства юстиции; швейцарец доктор Навиль, профессор кафедры судебной медицины Женевского университета; француз доктор Костедо, военный врач; два чеха – доктор Гаек, профессор кафедры судебной медицины Пражского университета, и доктор Зюбик, профессор-патологоанатом Братиславского университета; югослав Милошевич, профессор кафедры судебной медицины и криминологии Загребского университета. Если кто-то и заснул, не выдержав изнурительного физического напряжения последних трех дней, то и во сне его преследовали картины недавно увиденного: тысячи трупов в огромных ямах. Трупы поляков, офицеров. Почти все, – с небольшим круглым отверстием в затылочной части. Трупы расстрелянных. Эти врачи возвращались из Катыни.

Официально все началось семнадцать дней назад. 13 апреля 1943 года обычная трансляция передач немецкого радио была прервана сообщением, которое потрясло весь мир: «Нами получено срочное сообщение из Смоленска (в апреле 1943 немцы еще занимали Смоленск. – *Прим. сост.*). Жители области указали немецким властям место, где большевики проводили акции массового уничтожения, и где ГПУ ликвидировало 10 000 польских офицеров».

Катынь – русская деревня недалеко от Смоленска. Это также и название леса, в котором произошла страшная трагедия.

Гитлер быстро «разобрался» с Польшей. Москва приняла участие в четвертом разделе польских территорий: запад отошел к нацистской Германии, восток – к СССР. Сложно представить более страшный для Польши вариант. Несчастные поляки были вынуждены биться на два фронта и гибли тысячами. Пленных отправляли в немецкие лагеря, в советские лагеря.

Но началась Великая Отечественная война. 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано польско-советское соглашение, по которому, в случае победы союзников, Россия обязалась вернуть Польше занятые в 1939 году территории. Генерал Сикорский, глава польского правительства в изгнании, и М. Майский, посол СССР в Великобритании, договорились о создании в России польской армии. Она должна была быть сформирована из пленных, военных и гражданских, депортированных в Россию из Польши после сентября 1939 года. Сформировать эту армию и принять над ней командование должен был генерал Андерс. Своего рода дьявольская ирония заключается в том, что в этот момент он натуральным образом находился на Лубянке.

После того как Андерсу с большим трудом удалось покинуть эти страшные стены, возник резонный вопрос – где? Где именно на необъятных российских просторах следует искать польских заключенных, чтобы воссоздать армию? Началось расследование, и оно продолжалось очень долго. Майор Кжепский посвятил себя этому целиком. О своем расследовании в СССР Юзеф Кжепский написал книгу, к сожалению, сейчас совершенно недоступную.

Иностранные наблюдатели в Катыни

Когда советские войска оккупировали Польшу в 1939 году, около 180 000 поляков, в том числе 12 000 офицеров, были отправлены в Россию. Весь командный состав польской армии без суда и следствия оказался на Лубянке. Остальных расформировали по трем лагерям – лагерь Козельска № 1, 4500 офицеров, лагерь в Старобельске № 1, 3920 офицеров и лагерь в Осташкове, 6500 офицеров, солдат и охраны. Остальные солдаты разделили судьбу русских политических заключенных. Их рассылали в лагеря по всей стране, использовали на самых тяжелых работах, и они тысячами гибли в невыносимых для них климатических условиях, без медицинской помощи, часто просто от голода. И вот они должны были вернуться в строй по призыву генерала Андерса. Заключенные прибывали отовсюду – из республики Коми, Архангельска, Воркуты, Сибири, Караганды. Армия Андерса собиралась в городке Тотске, это между Самарой и Оренбургом, в бывшем летнем лагере. Туда ежедневно прибывали новые и новые заключенные, по 50, 200, 500 человек. Однажды привезли 1500. Все в одинаковом состоянии: «В лохмотьях, на ногах – подобие обуви из тряпок, изнуренные трудовыми лагерями, голодом, многодневным переездом».

Судьба офицеров стала навязчивой идеей Юзефа Кжепского. Тем более что он сам вначале был в Старобельске, и многие его друзья там и остались. А его и еще шестьдесят офицеров в начале 1940 года внезапно перевели в Грязовец. Там он пробыл вплоть до создания армии Андерса. В этом лагере Кжепский встретил около четырехсот польских офицеров, которые, как и он, были переведены в Грязовец из Старобельска, Козельска и Осташкова.

Но из всех переведенных никто и никогда больше не видел тех, кого оставили в Старобельске, Козельске и Осташкове.

«Шла запланированная ликвидация польских офицеров», – итак, слова были произнесены, злодеяние названо. Комиссия получила свидетельства от двух женщин (независимо одно от другого): они уверяли, что в 1940 году в Белом море были затоплены две огромные баржи с 7000 польскими офицерами и лейтенантами на борту. Это было невообразимо по

своей чудовищности. Очень долго в Тотске в это отказывались верить. Тем более что появилась обнадеживающая новость: в районе Земли Франца-Иосифа, а также на Колыме обнаружилось присутствие польских заключенных, работающих на золотодобыче и строительстве аэродромов. Лейтенант С. и капитан З. приводили точные подробности.

Слова З. приобретают большой вес в сочетании со свидетельством другого военного. Он говорит, что «суровую зиму 1940–1941 годов пережили только 70 из каждой сотни заключенных в трудовом лагере». И уверял, что «начиная с апреля 1940 года из бухты Находка было отправлено от 6000 до 10 000 поляков». Это именно тот момент, начиная с которого от польских офицеров из трех лагерей перестали поступать какие бы то ни было известия. «Эта дата, – отмечает Юзеф Кжепский, является датой ликвидации лагерей Старобельска, Козельска и Осташкова».

* * *

Реакция советского правительства на сообщение о Катыни последовала через несколько дней. 15 апреля в 7 ч. 15 мин. утра по московскому радио прозвучало: «Уже два или три дня ведомство Геббельса распространяет подлую клевету о том, что массовое уничтожение польских офицеров в районе Смоленска весной 1940 года, – дело рук Советской власти. Выдвигая это чудовищное обвинение, немецко-фашистские подонки грязно лгут и не остановятся ни перед чем в своем стремлении замаскировать истинного виновника преступления, так как стало известно, что это их рук дело».

Из дальнейшего можно было узнать, что найденные трупы на самом деле принадлежат к «историческим кладбищам села Гнездово», где до войны уже были подобные «археологические находки».

Расчет Геббельса оправдался. Температура в польских кругах Лондона была близка к точке закипания. После формирования польской армии в СССР Андерс провел ее через Персию в Египет; там они присоединились к англичанам, сражающимся против Роммеля. В апреле 1943 года Андерс воевал в Италии. Помня об «ужасном просчете», о котором ему говорили советские функционеры, он связался с Лондоном: «Мы располагали информацией, что некоторых из наших офицеров утопили в океане. Вполне возможно, что тех, кого увезли в Козельск, убили под Смоленском... Фактом является то, что в нашей армии нет ни одного из 8300 офицеров Козельска и Старобельска, как нет ни одного лейтенанта из Осташкова и ни одного гражданского или военного полицейского. Несмотря на предпринятые усилия, мы ничего не знаем о них. Мы давно подозреваем, что их уже нет в живых, а их гибель была запланирована. Тем не менее немецкое сообщение произвело на нас неизгладимое впечатление, и мы испытываем глубокое возмущение. Я считаю необходимым для правительства вмешаться в это дело и потребовать от Советов официальных объяснений. Тем более что наши солдаты убеждены, что тех из наших, кто остался в России, постигнет та же участь».

Печальное совпадение: накануне польское правительство в Лондоне тоже отправило в международный Комитет Красного Креста просьбу принять участие в расследовании по Катыни. Они не хотели, чтобы об этом кто-либо знал. Но после телеграммы от 16 апреля обходить молчанием эту тему стало невозможным. 17 апреля польские информационные агентства опубликовали официальное заявление: «Мы глубоко скорбим в связи с недавним открытием, сделанным немецкими властями. Польские офицеры, исчезнувшие на территории СССР, стали жертвой чудовищного преступления, и их трупы обнаружены в общей могиле возле Смоленска. 15 апреля представителю польского правительства в Женеве были даны последние инструкции. Он должен обратиться в международный Комитет с просьбой отправить комиссию на место преступления с целью полного расследования фактов. Мы заинтересованы в том, чтобы результаты расследования, проведенного этой гуманитарной

организацией, с целью прояснить все обстоятельства и установить виновных, немедленно стали достоянием мировой общественности».

* * *

В сентябре 1943 года советские войска заняли Смоленск. Западных журналистов, работавших в то время в Москве, больше всего удивляло то, что советские власти на протяжении трех месяцев обходили молчанием все вопросы, связанные с Катынью. В первой половине января 1944 года все изменилось. Западным журналистам объявили, что желающие могут принять участие в расследовании и 15 января отправиться в Смоленск вместе с советской комиссией.

Путешествие оказалось показательным. Западных журналистов было человек 20. В их числе – молодая женщина, Кэти Гарриман, дочь американского посла в Москве Аверела Гарримана. Им показали несколько сотен недавно эксгумированных трупов.

Потом журналистов собрал третий секретарь американского посольства в Москве мистер Милби, и им представили членов советской комиссии по расследованию. Среди них были ключевые фигуры советской медицины: профессор Прозоровский, начальник комиссариата здравоохранения СССР и директор Института судебной медицины; доктор Смолянинов, декан факультета судебной медицины в Московском медицинском институте; профессор патологоанатомии Воропаев; зав. отделением санатологии Государственного научно-исследовательского института по судебной медицине от наркомата здравоохранения СССР; зав. отделением судебной химической медицины профессор Ставайкова; ассистент профессора Швайкова.

По своему уровню и авторитету этот состав комиссии не уступал предыдущему, собранному немцами год с четвертью назад. В комиссию вошли еще восемь человек: академик Бурденко, писатель Алексей Толстой, митрополит Московский Николай, министр образования Потемкин. Их присутствие должно было придать происходящему «респектабельность».

Советская позиция по этому вопросу выяснилась сразу. Возможность участия СССР в этом преступлении абсолютно исключена. Комиссия опубликовала свои выводы, и для Москвы и стран народной демократии вопрос был закрыт. Многочисленные представители недавно освобожденных стран были счастливы повесить на бывших оккупантов еще одно преступление. Поэтому степень достоверности советского расследования даже не обсуждалась. Тем более что даже американские дипломаты, побывавшие в Катыни, официально признали вину немцев. Но все попытки советской стороны вставить пункт о Катыни в обвинение на Нюрнбергском процессе потерпели крах.

И лишь после распада СССР и падения коммунистического режима российское правительство открыло материалы секретных архивов и официально признало то, от чего открещивалось почти 60 лет, – польские офицеры в Катыни были расстреляны органами НКВД по прямому указанию Москвы.

Поход рейдера «Атлантис»

Стоял май 1940 года, шла война, армии нацистской Германии победоносно продвигались на запад, и когда впередсмотрящий британского лайнера «Сити оф Эксетер», бороздившего воды Южной Атлантики, доложил о замаячившей на горизонте мачте, капитан насторожился. Но полчасика спустя он с облегчением идентифицировал приближающегося незнакомца как 8400-тонный корабль «Касии Мару» – японский, следовательно, нейтральный.

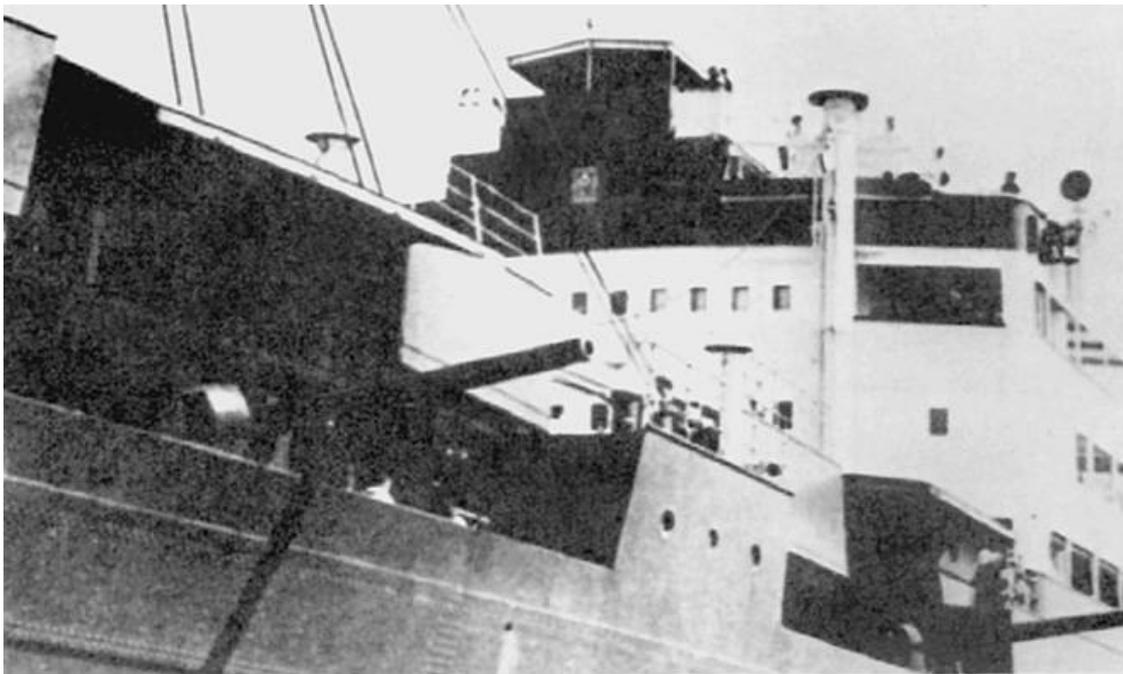
На его палубе женщина качала коляску, рядом с ней, лениво облокотившись о поручни, стояло несколько членов команды, полы их не заправленных, как у всех японских матросов, рубашек развевались на ветру. Два судна разошлись, не останавливаясь и не подавая никаких сигналов. На самом деле коляска была пустой, а «женщина» вовсе не являлась таковой. Облокотившихся же о поручни «японских» моряков звали Фриц, Клаус и Карл. Остальные члены команды – матросы, комендоры, торпедисты, всего 350 человек – скрылись внутри корабля. Под фанерными вентиляторами, брезентовыми трубами и краской скрывался немецкий рейдер «Атлантис», один из самых опасных хищников, когда-либо выходивших поохотиться на океанские просторы.

За всю войну немцы снарядили девять таких рейдеров, которые утопили в общей сложности 136 судов. Но «Атлантис» имел наибольшее число побед и трофеев на своем счету, наибольшее количество пройденных миль за кормой и одного из самых выдающихся капитанов. Он сошел со стапелей как «Гольденфельс», 7800-тонное быстроходное торговое судно. Когда началась война, на него скрытым образом поставили шесть 5,9-дюймовых орудий, большое количество пушек меньшего калибра, торпедные аппараты, гидросамолет и груз мин. Для большего сходства с безобидным торговцем на нем во множестве были установлены всякие опоры, поддержки, растяжки.

В марте 1940 года «Атлантис», находившийся под командой Бернарда Рогге, сорокалетнего импозантного капитана германского военно-морского флота, прокрался мимо норвежских берегов, прикинувшись советским пароходом, и выскользнул в Северную Атлантику. Данный ему приказ гласил: поражать с максимальной неожиданностью все корабли, проплывающие мимо африканского мыса Доброй Надежды. После пересечения экватора 25 апреля «Атлантис» спустил советский флаг и убрал фальшивую трубу, превратившись в «японский» теплоход, встреченный «Сити оф Эксетер», который капитан Рогге не стал атаковать из-за большого числа пассажиров на его борту.

Первой жертвой «Атлантика» стало британское судно «Сайентист». Приказ лечь в дрейф и не передавать радиogramм оказался для британских моряков полной неожиданностью. Радист сохранил присутствие духа и послал сигнал «QQQ», означающий «меня пытаются остановить вражеское вооруженное торговое судно». С «Атлантика» открыли огонь, поразив «Сайентист» в среднюю часть и уничтожив радиорубку. 77 членов команды поврежденного корабля, двое из которых были ранены, один смертельно, погрузились в лодки. Все они были взяты на борт рейдера как военнопленные, а сам «Сайентист» потоплен. Немцы двинулись дальше мимо мыса Доброй Надежды.

Две недели спустя капитан Рогге перехватил переданное британцами предупреждение, что в Индийском океане мог появиться немецкий вспомогательный крейсер, замаскированный под японское судно. Немедленно «Атлантис» сбросил свое «кимоно» и превратился в нидерландский теплоход «Аббекерк».

Рейдер «Атлантис». 1941 г.

Второй его жертвой стал норвежский теплоход «Тирранна», груженный припасами для австралийских войск в Палестине. Капитан Рогге послал на него призовую команду и несколько недель возил за собой, используя как плавучую тюрьму. Через месяц после «Тирранны» жертвами рейдера один за другим стали еще три судна, а в следующем месяце целых пять.

Сообщения, найденные в мусорной корзине одного корабля, открыли немцам морские торговые коды британцев. После этого Адмиралтейство отдало приказ всем своим кораблям сообщать по радио о подозрительных судах, невзирая на последствия. Как следствие этого, «Атлантис» получил приказ сначала открывать огонь, потом вести переговоры. Радиogramмы успевали послать примерно с каждого второго атакованного рейдером корабля, большая часть которых обстреливалась из орудий и иногда со значительными повреждениями. Впрочем, следует отметить, что капитан Рогге вел свою морскую войну настолько «цивилизованно», насколько было возможно в тех условиях. Он содержал пленников в каютах и брал на борт все, что можно было спасти. За 20 месяцев, проведенных Рогге в плавании, был момент, когда он держал более тысячи пленников всех возрастов, обоих полов и 20 национальностей. Им всем выдавался тот же рацион, который получала команда. Днем им позволялось выходить на палубу, если только «Атлантис» не вел бой, и купаться в брезентовом бассейне. Капитаны потопленных судов имели отдельные каюты. Когда пленников предстояло переводить на другие корабли, капитан Рогге устраивал в честь капитанов прощальные обеды.

Первая половина осени 1940 года оказалась для «Атлантиса» крайне скудной на добычу: всего один корабль за сорок дней. Зато в ноябре в течение двух суток ему попались сразу три судна. Норвежский танкер «Оле Якоб», до краев заполненный высокооктановым бензином, был без сопротивления захвачен двумя подплывшими на моторной лодке офицерами «Атлантиса», переодевшимися британскими офицерами. Норвежский же танкер «Тедди» горел несколько часов, превратившись в огромный факел, видимый за несколько миль. А британский корабль «Аутомедон», перевозивший важные документы, включая совершенно секретный отчет военного кабинета и почту для британского дальневосточного

главного командования, сдался после того, как выпущенный с рейдера снаряд убил всех, кто находился на мостике.

1941 год начался для «Атлантика» неважно – всего четыре судна за несколько месяцев. Одним из них был египетский лайнер «Зам зам», перевозивший 140 американских миссионеров. И пассажиры и команда «Зам зама» – всего 309 человек – были благополучно переведены на «Атлантик». На следующий день другой немецкий корабль – «Дрезден» – освободил рейдер от всех пленников и через некоторое время доставил их в Бордо. От ужаса, который внушал рейдер, союзники страдали, пожалуй, не меньше, чем от потери своих судов. Британцам пришлось послать свои боевые корабли, крайне необходимые в других районах, на юг на его розыски; капитаны транспортных судов были вынуждены вести их обходными маршрутами, тратя попусту время и горючее; стало труднее набирать команды, и приходилось выплачивать надбавку за «опасную зону».

Большую часть лета «Атлантик» бороздил южные просторы Индийского океана, не встречая никого, кроме чаек. Наконец, 10 сентября 1941 года он захватил свою 22-ю – и последнюю – добычу, норвежское судно «Силваплана». 21 ноября, совершая посадку после утреннего полета, разведывательный самолет «Атлантика», получив повреждения, вышел из строя, и произошло это как раз в то время, когда он был больше всего нужен. На следующий день рейдеру предстояло встретиться с подводной лодкой «U-126», чтобы взять на борт горючее. Это была довольно сложная операция, во время которой «Атлантик» становился очень уязвимым. Рандеву состоялось на полпути между Бразилией и Африкой, и ко времени завтрака перекачка горючего началась. В моторном катере рядом с подводной лодкой сидело несколько членов команды рейдера, а капитан «U-126» поднялся на борт «Атлантика», у которого машины левого борта были разобраны для ремонта.

Неожиданно впередсмотрящий, глядявавшийся в залитый солнечным светом горизонт, заметил верхушку мачты. Несколько минут спустя немцы установили, что к ним приближается тяжелый британский крейсер «Девоншир», которым командовал капитан Р.Д. Оливер. Мгновенно связывающие два судна тросы были сняты, и «U-126» ушла под воду, оставив своего капитана на борту «Атлантика». Успели ли британцы увидеть подводную лодку? Из поспешно отсоединенного рукава по воде вокруг рейдера радужным пятном разлилось горючее. «Атлантику» оставалось одно: начать переговоры и, затягивая время, постараться ввести противника в заблуждение и заманить его в зону, где его смогут достать торпеды «U-126».

Но капитан Оливер был очень осторожен. За исключением вентиляторов и еще кое-каких частей этот разливший вокруг себя горючее корабль соответствовал данному Адмиралтейством описанию неуловимого рейдера. Поэтому, попеременно меняя курс и держась за пределами досягаемости торпед, он приблизился к «Атлантику» и двумя выстрелами захватил в артиллерийскую вилку.

С рейдера радировали, что судно называется «Полифем». Капитан крейсера послал запрос главнокомандующему в Южной Атлантике: мог ли встретившийся им корабль оказаться настоящим «Полифемом»? Почти целый час «Атлантик», лежа в дрейфе и мягко покачиваясь на волнах, тянул переговоры. Капитана Рогге не оставляла надежда, что «U-126» подкрадется к крейсеру и выпустит торпеду. Но старший офицер на подводной лодке вместо этого приказал оставаться около рейдера. В 9.34 был получен ответ главнокомандующего в Южной Атлантике: «Нет – повторяю – нет!» Минуту спустя «Девоншир» открыл огонь. После третьего залпа восьмидюймовок, накрывшего «Атлантик», капитан Рогге отдал приказ установить взрывные часовые механизмы и покинуть судно.

За минуту до 10 часов взорвался носовой артиллерийский погребок, и через несколько минут «Атлантик» под аплодисменты и прощальные крики моряков, для которых он был

домом на протяжении 20 месяцев, ушел под воду. Капитан Рогге, находившийся в одной из шлюпок вместе со своим шотландским терьером Ферри, стоя отдал честь.

Капитан Оливер, как он объяснил в своем рапорте Адмиралтейству, не мог подойти и подобрать уцелевших «из-за риска быть торпедированным», поэтому вскоре «Девоншир» скрылся за горизонтом. В результате обстрела на «Атлантисе» погибло только семь человек, не меньше ста плавали в воде и цеплялись за обломки. Всплывшая подводная лодка подобрала раненых и незаменимых специалистов, 200 человек поместились в спасательных шлюпках, а 52, снабженные спасательными поясами и одеялами, примостились на палубе «U-126», а в случае ее погружения должны были подплыть к шлюпкам. До ближайшей земли, Бразилии, было 950 миль.

Странная флотилия – шесть шлюпок, которые тащила за собой подводная лодка – отправилась в свое плавание в полдень, сразу после затопления рейдера. Два раза в день при помощи вытаскиваемой из субмарины резиновой лодки производилась раздача горячей пищи.

На третий день им повстречалось немецкое транспортное судно снабжения подводных лодок «Питон». Моряки «Атлантиса» были подняты на его борт – чтобы вскоре опять очутиться в воде, так как «Питон» был встречен и потоплен другим британским крейсером «Дорсетширом», известным тем, что он нанес «Бисмарку» последний удар в морском бою полгода назад.

В конце концов, на немецких и итальянских подводных лодках члены команды «Атлантиса» добрались до Сен-Назера и оттуда отправились в Берлин, куда и прибыли сразу после наступления нового 1942 года. Капитан Рогге получил чин контр-адмирала и назначен возглавлять подготовку морских курсантов. Но позднее, когда обнаружилось его антинацистское настроение, его перевели на какую-то маловажную должность.

Тайный груз крейсера «Эмеральд»

Эта удивительная история принадлежит к числу наиболее долго сохранявшихся секретов Второй мировой войны – возможно, благодаря тому, что из многих принимавших в ней участие людей лишь некоторые знали ее всю от начала до конца. Трех взявшимся рассказать об этом деле исследователям предстояло собрать разрозненные фрагменты и сложить их в единое целое. Сидни Перкинз, прежде служивший в Канадском банке, впервые раскрыл информацию об этом деле, касающуюся его участия в нем. Писатель А. Стамп привел в соответствие данные им сведения с рассказами других людей, а Лиленд Стоу, зарубежный корреспондент и лауреат Пулитцеровской премии, проведя несколько недель в Канаде и Англии, разузнал там кое-какие некогда секретные подробности.

2 июля 1940, через 17 дней после того, как немецкие войска вошли в Париж, в 5 часов вечера на станцию Бонавентура в Монреале пришел поезд специального назначения. На перроне его встречали Дэвид Мансур, исполняющий обязанности управляющего Канадским банком, и Сидни Перкинз из отдела валютного контроля. Оба эти человека были осведомлены, что поезд привез секретный груз, имеющий кодовое название «рыба». Но лишь один Мансур знал, что им предстоит принять участие в крупнейшей финансовой операции, когда-либо осуществляемой государствами в мирное или военное время.

Как только состав остановился, из вагонов вышла вооруженная охрана и оцепила его. Мансура и Перкинза провели в один из вагонов, где их ожидал худощавый невысокий человек в очках – Александер Крейг из Английского банка, сопровождаемый тремя помощниками.

– Мы привезли с собой большой груз «рыбы». «Рыба» – это огромное количество ликвидных активов Великобритании. Мы опорожнили наши хранилища на случай вторжения, вы понимаете. Скоро прибудет и остальное.

Сидни Перкинз начал усиленно соображать, что такое «ликвидные активы» и «остальное». Видимо, все это должно было означать, что Канадский банк собирался принять все принадлежавшие Великобритании средства, которые могли быть обращены в доллары.

Две недели назад, когда пала Франция и над Великобританией нависла угроза гитлеровского вторжения, Уинстон Черчилль собрал свой кабинет на секретное совещание, на котором было принято рискованное решение о переправке государственного золота и ценных бумаг граждан на сумму семь миллиардов долларов в Канаду. Осуществление этой операции стало возможным благодаря предусмотрительному шагу, сделанному в начале войны: всем гражданам Соединенного Королевства было предписано зарегистрировать в государственном казначействе все принадлежавшие им иностранные ценные бумаги. Эту часть вложений Черчилль и его кабинет и решили теперь реквизировать. Никогда прежде государство не изымало вклады частных лиц на нужды обороны, не получив прежде согласия на то их владельцев. Но в июне 1940 года правительство Черчилля сочло возможным пойти на этот шаг.

«В течение десяти дней, – вспоминал один из участников этой операции, – все отобранное для перемещения вклады в банках Соединенного Королевства были собраны, сложены в тысячи коробок размером с ящики от апельсинов и свезены в региональные центры сбора». Все это были богатства, принесенные Великобритании поколениями ее торговцев и мореплавателей. Теперь вместе с накопленными тоннами золота Британской империи им предстояло переправиться через океан.

Для перевозки первой партии секретного груза был назначен крейсер «Эмеральд», которым командовал капитан Френсис Сирилл Флинн, 24 июня он должен был выйти из гавани Гринока в Шотландии. 23 июня поездом до Глазго из Лондона выехали четыре луч-

ших специалиста по финансовым вопросам из Английского банка с Александром Крейгом во главе. Тем временем усиленно охраняемый специальный поезд привез в Гринок последнюю партию золота и ценных бумаг для погрузки на стоявший в заливе Клайд крейсер. Ночью на скорости 30 узлов, рискуя в густом тумане наскочить на камни, пришел эсминец «Коссак», чтобы присоединиться к эскорту «Эмеральда».

Опасаясь вторжения противника, Черчилль решил отправить богатства Англии за океан

К шести часам вечера 24-го крейсер был загружен ценностями так, как еще ни один корабль до него. Его артиллерийские погреба были наполнены 2229 тяжелыми ящиками, в каждом из которых лежало четыре золотых бруска. (Груз золота оказался таким тяжелым, что по окончании плавания были обнаружены погнутыми угольниками полов этих погребов.) Тут же лежали коробки с ценными бумагами, всего их было 488 на общую сумму более 400 миллионов долларов. Таким образом, в первой перевозке превратностям войны в Северной Атлантике оказались предоставленными ценности на сумму более полумиллиарда долларов.

С ухудшением погоды ухудшались шансы на успех. С усилением шторма стала падать скорость эсминцев сопровождения, и капитан Вайан, командовавший эскортом, просигналил капитану Флинну идти между эсминцами зигзагами, чтобы «Эмеральд» сохранял свою более высокую и, значит, более безопасную скорость. Но океан бушевал все сильнее и сильнее, и в конце концов эсминцы отстали так, что капитан Флинн решил дальше плыть в одиночку. На четвертый день погода улучшилась, а вскоре, 1 июля, где-то после 5 часов утра, на горизонте появились берега Новой Шотландии. Теперь по спокойной воде «Эмеральд» шел к Галифаксу, делая 28 узлов, и в 7.35 благополучно встал в док.

На подходящей к доку железнодорожной ветке ожидал специальный поезд. Тут же находились представители Канадского банка и железнодорожной компании «Кэнэдиэн Нэшнл Экспресс». Перед началом разгрузки были приняты чрезвычайные меры предосторожности, причал тщательно перекрыт. Каждый ящик при выносе с крейсера регистрировался как сданный, после чего заносился в список при погрузке в вагон, причем все это происходило в ускоренном темпе. В семь часов вечера состав с золотом отправился. В Монреале вагоны с ценными бумагами были отцеплены, а золото поехало дальше, в Оттаву.

Именно этот поезд и встречали Дэвид Мансур и Сидни Перкинз. Теперь бумаги переходили под их опеку, и им предстояло куда-то поместить эти тысячи упаковок. Дэвид Мансур уже сообразил куда.

24-этажное гранитное здание страховой компании «Сан Лайф», занимавшее целый квартал в Монреале, было самым большим коммерческим зданием на территории британских доминионов. Оно имело три подземных этажа, и самый нижний из них в военное время предполагалось как раз отводить под хранилище ценностей типа этого «Вклада ценными бумагами Соединенного Королевства», как его называли.

Вскоре после часа ночи, когда движение на улицах Монреаля стихло, полиция оцепила несколько кварталов между сортировочной станцией и небоскребом «Сан Лайфа». После этого между вагонами и задним въездом в здание начали курсировать грузовики, сопровождаемые вооруженными охранниками «Кэнэдиэн Нэшнл Экспресс». Когда последняя коробка упокоилась на своем месте – что было соответствующим образом зарегистрировано, – ответственный за депозит Крейг от лица Английского банка взял у Дэвида Мансура расписку в получении от лица Канадского банка.

Теперь предстояло быстро оборудовать надежное хранилище. Но изготовление камеры 60-футовой длины и ширины и 11-футовой высоты требовало огромного количества стали. Где ее взять в военное время? Кто-то вспомнил о неиспользуемой, заброшенной железнодорожной ветке, две мили путей которой имели 870 рельсов. Из них-то и были изготовлены стены и потолок толщиной в три фута. В потолке установили сверхчувствительные микрофоны звукоулавливающих приборов, фиксирующих даже слабейшие щелчки выдвигаемых из железного шкафа ящиков. Для того чтобы открыть двери хранилища, требовалось набрать две различные цифровые комбинации на запирающем устройстве. Двум банковским служащим сообщили одну комбинацию, двум другим – вторую. «Другая комбинация мне была

неизвестна, – вспоминал один из них, – и каждый раз, когда требовалось войти в камеру, мы должны были собираться парами».

В течение трех летних месяцев по железной дороге в Монреаль прибыло три дюжины грузов ценных бумаг. Для размещения всех сертификатов потребовалось почти 900 четырехстворчатых шкафов. Спрятанные под землей ценности круглосуточно охраняли 24 полицейских, которые там же ели и спали.

Поход «Эмеральда» был только первым в череде «золотых» трансатлантических переходов британских кораблей. 8 июля из портов Великобритании вышли пять судов, которые везли самый большой комбинированный груз ценностей, когда-либо транспортировавшийся по воде или по земле. В полночь из залива Клайд вышли линкор «Рэвендж» и крейсер «Бонавентура». На рассвете в Северном проливе к ним присоединились три бывших лайнера «Монарх Бермудов», «Собеский» и «Баторий» (два последних были судами «Свободной Польши»). Эскорт составляли четыре эскадренных миноносца. Этот конвой, которым командовал адмирал сэра Эрнест Расселл Арчер, вез золотые слитки примерно на 773 миллиона долларов и 229 коробок ценных бумаг общей стоимостью приблизительно в 1 750 000 долларов.

На всем протяжении перехода через Атлантику восемь 15-дюймовых и двенадцать 6-дюймовых орудий и батареи 4-дюймовых зениток находились в постоянной боевой готовности. 13 июля первые три судна вошли в гавань Галифакса. Вскоре после этого появился «Бонавентура», а потом и «Баторий». Для перевозки золотых слитков в Оттаву потребовалось пять специальных поездов. Груз был таким тяжелым, что в каждый вагон складывали не больше 200 ящиков, чтобы выдержал пол. Каждый состав вез от 10 до 14 таких грузовых вагонов. В каждом вагоне было заперто двое охранников, которые сменяли друг друга через каждые четыре часа.

Все это золото перевозилось без страховки. Кто мог бы или хотя бы захотел страховать слитки на сотни миллионов долларов, особенно в военное время? Доставленный конвоем «Рэвенджа» золотой груз привел к еще одному «ценному» рекорду: расходы «Кэнэдиэн Нэшнл Экспресс» по его перевозке оказались самыми высокими в его истории – что-то около миллиона долларов.

В Оттаве «Кэнэдиэн Нэшнл Рэйлруд» организовывала прибытие специальных поездов так, чтобы их разгрузка и перевозка золота в Канадский банк на Веллингтон-стрит проходили ночью. Кто бы мог подумать еще совсем недавно, что это пятиэтажное здание, в котором располагался банк, высотой всего 140 футов бросит вызов самому Форту Нокс, самому крупному хранилищу ценностей в мире? Три дня груз конвоя «Рэвенджа» золотым потоком лился в хранилище банка, имевшее размеры 60 на 100 футов. Грузовики споро разгружались, 27-фунтовые чушки, точно большие куски желтого мыла в проволочных упаковках, аккуратно складывались в хранилище ряд за рядом, слой за слоем в огромный, до самого потолка, штабель из десятков тысяч слитков тяжелого золота.

Тем временем в Монреале под небоскребом «Сан Лайфа» просторное высокое помещение рядом с набитым ценными бумагами хранилищем оборудовалось под офис для работы с депозитами. В штат Мансур пригласил 120 человек – бывших банковских служащих, специалистов из брокерских фирм и стенографисток из инвестиционных банков, – которые дали присягу на соблюдение секретности.

Офис, конечно, был исключительным. На третий этаж спускал только один лифт, и каждый сотрудник должен был предъявлять специальный пропуск (которые менялись каждый месяц) – сначала перед заходом в него, а потом внизу – охранникам из Конной полиции и ежедневно расписываться в своем приходе и уходе. У столов охранников имелись кнопки, которые включали сигнал тревоги прямо в управлениях Монреальской и Королевской канадской конной полицией, а также в службе Электрической защиты доминиона. Все

лето, за которое общее количество коробок с ценными бумагами достигло почти двух тысяч, сотрудники Крейга работали по десять часов ежедневно с одним выходным в неделю. Всю эту гигантскую мешанину принадлежавших тысячам разных владельцев бумаг надо было распаковывать, разбирать и рассортировывать. В итоге было установлено наличие примерно двух тысяч разных типов акций и облигаций, включая все внесенные в отдельный список акции компаний, выплачивающих высокие дивиденды. К сентябрю ответственный за депозит Крейг, который знал все, что у него должно было иметься, знал, что все это у него действительно имелось. Каждый сертификат был учтен и внесен в картотеку.

Золото, как и ценные бумаги, прибывало непрерывно. Как показывают имеющиеся в Адмиралтействе документы, за период с июня по август британские корабли (вместе с несколькими канадскими и польскими) перевезли в Канаду и Соединенные Штаты золота более чем на 2 556 000 000 долларов. Совершенно невероятным представляется тот факт, что за эти три месяца в Северной Атлантике было потоплено 134 союзных и нейтральных судна – и среди них ни одного, перевозившего золотой груз.

Как дурачили пилотов противника

К концу 1941 года в участвовавших во Второй мировой войне государствах возник целый ряд военных изобретений – большей частью связанных с авиацией.

Когда немцы начали использовать радиолучи для наведения своих самолетов на цели в Англии, там быстро разработали эффективные методы противодействия. Суть немецкого способа заключалась в том, что два луча из двух сильно удаленных источников на континенте наводились на цель так, что ночные бомбардировщики люфтваффе, следуя по одному лучу, сбрасывали бомбы в месте пересечения с другим. Британские радиоспециалисты стали пересекать немецкий луч своим собственным, так что самолеты противника бомбили сельские поля. Со временем британцы, используя ту же длину волны, что и немцы, научились отклонять их лучи так, что пилоты вражеских бомбардировщиков, отбомбившись не по цели и возвращаясь домой по ложному лучу, заканчивали свой полет в море.

Излюбленной хитростью летчиков в тяжелых ситуациях было изобразить свою машину подбитой и потерявшей управление. Немцы иногда устанавливали на своих машинах дымовые шашки, чтобы в случае необходимости, выпустив клубы дыма, можно было создать видимость, будто машина загорелась. К подобной же уловке прибегали и подводники – на поверхность выпускалось масляное пятно и фальшивые обломки, так что можно было подумать, будто лодка уничтожена.

Летом 1941 года, еще до Перл-Харбора, один американец, прогуливавшийся по дороге вблизи Берлина, случайно наткнулся на одну из самых хитроумных уловок нацистов той войны. Его внимание привлекло широкое поле, огороженное провололочной сеткой. Всмотревшись, он увидел, что ограждение начиналось у вырытого в земле блиндажа и шло дугообразно к небольшим строениям в четверти мили от него. У этих строений не было ни крыш, ни оконных рам, а полы были усыпаны ветками и древесными стружками. После включения из блиндажа электрического воспламенителя опилки загорались, и ночью эти дома без крыш и окон казались охваченными большим пожаром, что вводило в заблуждение пилотов британских ночных бомбардировщиков, которые думали, что их зажгли корректировщики.

Американец видел перед собой часть фальшивого города Берлина. В ходе последующих осторожных прогулок он обнаружил ложные фабрики, железные дороги и целые мили фальшивых улиц. Вдоль этих улиц одна на другой стояли огромные упаковочные клетки с горящим внутри каждой из них электрическим светом, так что ночью с воздуха они казались плохо затемненными кварталами Берлина. Для большей правдоподобности фальшивого города осуществлялась его зенитная оборона. По словам очевидцев, экипажам бомбардировщиков было очень трудно не обмануться даже после того, как они уже узнали о существовании этого «Берлина».

Немцы создавали и другие города-подделки и симитировали Плоешти, румынский нефтеперерабатывающий центр, возводя большие «нефтеочистительные заводы» и брезентовые «нефтяные танки», из которых во время бомбардировок валил густой черный дым.

В Англии, где объектом немецкого авианалета могла стать любая одиноко стоящая фабрика, в удалении от таких фабрик возводились дешевые строения, в которых создавалась видимость нарушенной светомаскировки, в то время как настоящие фабрики были тщательно затемнены. В результате нацисты впустую расходовали большое количество дорогих бомб.

Приемы маскировки постоянно развивались. Английским промышленным комплексам придавался вид жилых кварталов, а военным сооружениям – безобидных бензоколонок. Фальшивые взлетно-посадочные полосы наносили известью или белым песком на поддельных аэродромах, а фальшивыми шоссе пересекали настоящие взлетные поля. По оценке

одного американского обозревателя, вернувшегося из Великобритании, в некоторых округах порядка трети всех аэродромов были ложными, а иные взлетные поля, окруженные ангарами, видоизмененными и разрисованными под строящиеся жилые дома с дверями, окнами и цветочными ящиками, выглядели натуральнее настоящей стройки.

Немцы совершенно изменили облик Берлина, который виделся с воздуха. Крыши домов скрылись в листве, очертания больших водоемов были изменены с помощью покрытых дерном плотов, а маленькие пруды исчезли под натянутыми над ними от берега до берега маскировочными сетками. Широкая Унтер-ден-Линден, хорошо известный и сразу узнаваемый ориентир, посредством лесов и сеток была сужена наполовину.

В Гамбурге серьезную проблему для немцев представляло устье Эльбы, лежавшее в центре города словно яблоко мишени. Используя плоты и леса, они скрыли устье, создав видимость находившихся на нем зданий и улиц, построили фальшивый мост и изобразили новое устье дальше в бухте, а также замаскировали железнодорожные пути и «проложили» через вокзал улицы. Проведя ряд фотосъемок, британцы все же сумели раскрыть обман.

Все хитрости в конце концов раскрывались, и их успешность определялась тем, как долго они вводили в заблуждение противника и провоцировали его на бесполезные бомбардировки. Немцы в течение нескольких ночей сбивали с толку британцев, зажигая «посадочные огни» на фальшивом аэродроме и освещая настоящий словно рождественскую елку. Британцы взяли реванш в Египте, когда 18 немецких и итальянских бомбардировщиков, сопровождаемых 30 истребителями, сбросили свои бомбы на муляжи танков, «замаскированных» достаточно плохо, чтобы быть обнаруженными противником.

Во многих случаях от маскировки требовалось только скрыть цели, видимые с самолета под углом. Пролетая по пять миль за минуту на высоте 20 000 футов, экипаж должен был за десять миль обнаружить цель, за пять миль от нее изготовиться к бомбометанию и за три – сбросить бомбы. Поэтому, если замаскированную цель замечали с бомбардировщика, пролетая прямо над ней, поразить ее было практически невозможно.

С высоты летчику часто трудно было отличить настоящую цель от ложной

Нередко сама природа разоблачала маскировщиков. Один нацистский аэродром примыкал к ферме, четко прочерченной ирригационными канавами, и немцы нарисовали краской на взлетном поле их продолжения, что выглядело на фотографиях англичан вполне натурально – до тех пор, пока вода в канавах не подернулась льдом, а яркая нарисованная вода не осталась сиять, как на рекламном щите. Со сменой сезонов маскировочные сети в виде листья следовало менять, так как их отличие от настоящих листьев становилось быстро заметным на фотоснимках.

Фотокамеры были главным средством воздушных наблюдателей для обнаружения шедевров службы маскировки. Рисунки красками на одном снимке могли казаться вполне естественными, но если фотографии одного и того же места делались утром и днем, их одинаковость часто свидетельствовала о подделке: солнце меняло свое положение, а тени на снимках нет, следовательно, они были нарисованными. Британцы разгадали множество подобных военных хитростей немцев при помощи стереоскопической съемки, делая одновременные снимки с двух разнесенных точек. Просматривая потом отснятое на стереоскопе, они получали объемное изображение и видели все нарисованные объекты плоскими.

Мнение, что немцы и японцы опережали своих противников по части военных изобретений, является совершенно неверным. Воздушная разведка союзников применяла инфракрасные фотокамеры, позволявшие определять краску и отличать искусственные листья от

настоящих. Они также были пионерами ночного фотографирования и использования цветных фотопленок.

Янки проявляли свою изобретательность еще до Перл-Харбора. Они строили свои военные базы так, чтобы те походили на фермерские постройки, а расположенные вблизи побережья промышленные районы снабжались средствами для установки дымовой завесы. Важную роль американская изобретательская мысль сыграла и в последующих событиях.

Фашистский меч ковался в СССР?⁹

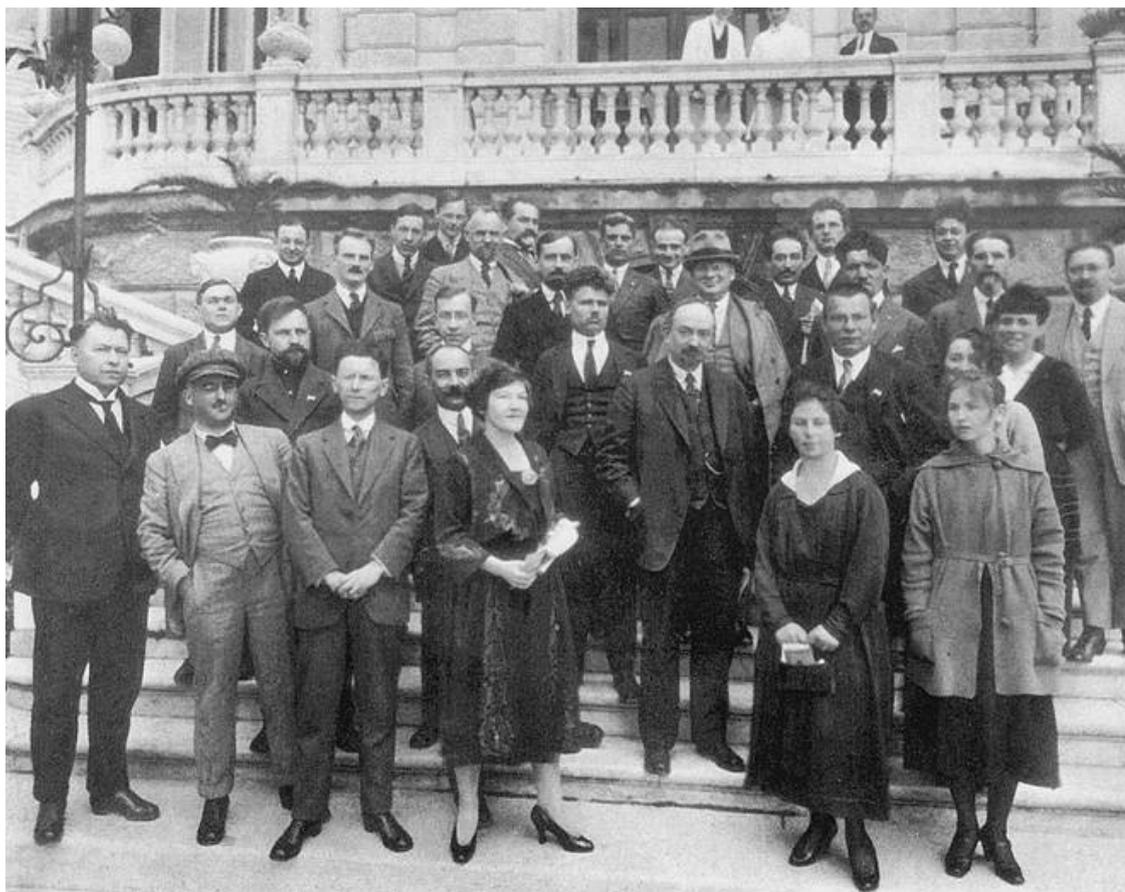
Относительно недавно широкая общественность узнала, что в 1920—1930-х годах между Советским Союзом и Германией поддерживалось тесное военно-экономическое сотрудничество. В 1993 году вышел сборник документов – «Фашистский меч ковался в СССР». Однако вопрос о том, насколько это сотрудничество было продуктивным и взаимовыгодным, в значительной степени продолжает оставаться открытым.

После Первой мировой войны две страны оказались в положении проигравших. Бывшая Российская империя несколько уменьшилась в территории, а лидеры западных держав упорно не желали на равных разговаривать с большевиками. Германия же не только утратила колонии, но и была ограничена в наращивании военной мощи – ей запрещалось иметь собственную авиацию и танковые войска, а на смену многомиллионной армии пришел 100-тысячный рейхсвер. Это заставило немцев и русских стремиться друг к другу. 16 апреля 1922 года СССР и Германия заключили Рапальский мирный договор. Но сотрудничество между военными двух стран началось еще раньше. В начале 1921 года для взаимодействия в военно-промышленной сфере командование рейхсвера сформировало «Зондергруппу Р» во главе с майором Фишером. Входящие в нее специалисты подготовили временное соглашение о сотрудничестве между рейхсвером и РККА. В 1923 году Военное министерство Германии открыло в Москве свои конторы – «Центр Москва» во главе с полковником фон дер Лит-Томзенем и «Общество содействия промышленным предприятиям» (ГЕФУ) во главе с майором Чунке.

Вслед за декларацией о сотрудничестве пришло время конкретных действий. Немцы соглашались предоставить свои деньги и опыт, советская сторона – сырье, рабочую силу и недвижимость. Пробным камнем стал авиационный завод в Филях под Москвой. Профессор Гуго Юнкерс пообещал наладить на нем серийное производство самолетов из дюралюминия. Это его желание немецкое правительство поощрило безвозмездной суммой в 140 миллионов марок. В ходе Гражданской войны российская авиапромышленность была почти полностью разрушена, так что советским летчикам машины из дюралюминия казались последним достижением техники. Даже гибель во время испытаний нового «Юнкерса» одного из лучших наших летчиков – Панкратьева, не поколебала веры в достоинства немецкой техники.

По договору с Юнкерсом германская сторона обещала делиться своим опытом с советскими рабочими и инженерами, которые зачислялись в штат предприятия. Уже в первый год немцы обещали выпустить 75 самолетов, причем половина машин продавалась советской стороне по средневропейской цене. Еще 275 машин делалось по заказу СССР на германских предприятиях Юнкерса.

⁹ По материалам А. Писаревой.

Основы советско-германского военного сотрудничества закладывались на конференциях в Генуе и Рапалло в 1922 г.

На самом деле в Филях было произведено всего 20 самолетов, качество которых оставляло желать много лучшего. Своим опытом германские специалисты делились неохотно и к тому же, ссылаясь на реально существующие экономические трудности, резко сократили число рабочих – с 1100 до 200. Деньги, полученные от германского Военного министерства, Юнкерс расходовал не на Филях, а на другой свой завод в баварском городке Дессау. Завод в Филях прикрыли, благо в нашей стране появились собственные машины из дюралюминия конструкции Туполева. Впрочем, по старой памяти в Дессау все-таки закупили 15 бомбардировщиков, которые тайно перегнали из Швеции под видом пассажирских самолетов.

Находившееся тогда у власти социал-демократическое правительство Германии решило свернуть сотрудничество с Советами, но натолкнулось на противодействие военных. В марте 1926 года в Берлине состоялась тайная встреча фон Секта с кремлевскими представителями, на которой было решено продолжать уже начатые совместные проекты. Наиболее известными из них стали авиашкола в Липецке, танковая школа под Казанью (объект «Кама») и «школа химической войны» (объект «Томка») у станции Причерная. Все они находились в ведении Лит-Томзена и его заместителя – майора Нидермайера. В советских секретных документах германские военные обычно проходили под наименованием «друзья».

Авиашкола в Липецке действовала с 1925 года и в целях конспирации именовалась «4-м авиаотрядом тов. Томсона». Курсантский состав подбирался из немцев и из русских, преподавательский – только из немцев. Перед тем как прибыть в СССР, германские летчики

отчислялись из рейхсвера и становились служащими частных предприятий. В случае гибели кого-либо из них тела отправлялись на родину в ящиках с надписью: «Детали машин».

За восемь лет немецкие специалисты подготовили для советских ВВС 16 летчиков, 45 механиков и 40 квалифицированных рабочих. Рейхсвер получил за это же время 120 летчиков и около 100 наблюдателей, многие из которых впоследствии заняли видное место в люфтваффе. В 1931 году во время маневров советская и немецкая эскадрильи совместно отрабатывали тактику атак на дневные бомбардировщики.

Несмотря на это нарком обороны Ворошилов жаловался начальнику немецкого Генерального штаба К. фон Хаммерштейну: «Авиасредства школы устарели и не интересны для нас. Эта техника нам ничего не дает. Германские фирмы имеют более современные самолеты». Впрочем, советская сторона также не спешила делиться своими секретами и во время парада в Тушине демонстрировала «друзьям» лишь устаревшие модели машин.

Сходная ситуация складывалась и в Казани. Танковая школа разместилась в бывших Каргопольских казармах и функционировала на тех же принципах, что и Липецкая авиашкола. Правда, курсантов здесь было намного меньше. За 6 лет Красная Армия получила около 100 подготовленных танкистов, немцы – чуть больше 30. В числе тех, кто стажировался в Казани, был и будущий отец немецких бронетанковых войск Гудериан. Что же касается технических наработок, то из немецких учебных машин наши конструкторы кое-что позаимствовали для танков Т-24, Т-26, Т-28, Т-35, БТ.

Наименее значительным был объект «Томка», на котором отрабатывались методы современной химической войны. Тут все сотрудничество свелось к нескольким полетам, в ходе которых производилось распыление ядовитой жидкости с различных высот.

В целом сотрудничество между СССР и Германией в 1923–1933 годах носило взаимовыгодный характер. Советская сторона, хотя и в ограниченной степени, получала доступ к немецким техническим и тактическим разработкам. Рейхсвер, в свою очередь, имел возможность готовить кадры для запрещенных по условиям Версальского договора авиационных и танковых войск. Кое-что немцы позаимствовали и у советских военных теоретиков: не случайно в 1931 году дополнительную подготовку в Москве проходили будущие гитлеровские фельдмаршалы Браухич, Кейтель, Манштейн, Модель.

Однако после прихода нацистов к власти Германия отказалась от соблюдения Версальского договора, вследствие чего отпала и необходимость в объектах, подобных Липецкой авиашколе, «Каме» или «Томке». В 1935 году в Германии ввели всеобщую воинскую повинность и на смену рейхсверу пришел вермахт. Все немецкие объекты в СССР были ликвидированы. Но связи между советскими и германскими военными в 1933 году не оборвались окончательно. В мае того же года СССР посетила миссия во главе с начальником вооружений рейхсвера генералом фон Боккельбергом. Во время официального приема нарком Ворошилов много говорил о стремлении сохранить связи между «дружественными» армиями. Немцы после этого посетили заводы в Туле, Харькове и Севастополе.

В 1935 году правительство Германии предоставило СССР 5-летний кредит на 200 миллионов марок. Впоследствии немцы попросили погасить этот кредит досрочно и получили обратно четвертую часть всей суммы. Затем началась Отечественная война, и про оставшиеся деньги им пришлось забыть.

Ренессанс в советско-германских отношениях наступил в 1939 году после подписания пакта Молотова – Риббентропа. Разделив сферы влияния в Восточной Европе, Сталин и Гитлер совместно провели военную кампанию против Польши. Обрушившись на Польшу с двух сторон, части вермахта и РККА встретились в районе Львова. Здесь не обошлось без накладок. Каждая из сторон пыталась первой овладеть городом, и 19 сентября между русскими и немцами даже произошел небольшой бой. Каждая из сторон потеряла по три человека убитыми, после чего немцы галантно уступили Львов Красной Армии.

Вскоре нарком иностранных дел Молотов выразил удовлетворение в связи с уничтожением независимой Польши – «этого уродливого детища Версальского договора». «Сталин – интендант Гитлера» – так называлась статья, опубликованная Троцким в 1940 году. И название это в значительной степени соответствовало действительности. Готовясь к покорению Европы, Германия проявила огромную заинтересованность в продуктах и промышленном сырье из России. Советская сторона изъявляла готовность пойти навстречу в обмен на новейшую технику и технологии.

Одновременно с пактом Молотова – Риббентропа было подписано соглашение, по которому Кремль получал возможность заказать в Германии оружия и оборудования на сумму 200 миллионов марок. Все это предоставлялось в кредит, причем расплата за него должна была начаться лишь с 1945 года. К началу войны СССР получил в счет кредита товаров лишь на 45 миллионов марок. Удовлетворительно немцы выполнили заказы на оптические и контрольно-измерительные приборы (заказывали на 6,3 млн марок, получили на 4,3) и турбины (получили 6 из 7 заказанных). Хуже обстояло дело с металлорезающими станками (280 вместо 1182), прессами (27 вместо 113), экскаваторами (27 вместо 80), локомотивами (24 вместо 42). Были сорваны заказы на плавучие судоремонтные мастерские, рыболовные траулеры, буксиры, прокатные станы, мостовые краны. В рамках того же соглашения и опять-таки в обмен на технику СССР обещал в ближайшие два года поставить в Германию зерна и промышленного сырья на 180 миллионов марок. Советская сторона выполняла свои обязательства более пунктуально, предоставив по бартеру на 20,1 миллиона марок больше товаров, нежели получила из Германии.

Осенью 1939 года германские военные предприятия посетила специальная госкомиссия во главе с наркомом черной металлургии СССР Тевосяном. Познакомившись с вооружением вермахта, наши представители тут же объявили о желании приобрести множество самых различных образцов. Гитлер и его соратники в то время уже рассматривали СССР как потенциального противника, но отказывать Кремлю в тот момент было неразумно, да и опасно. По соглашению от 11 февраля 1940 года в СССР пошло оружие. Но либо устаревшее, либо наоборот – новейших образцов, но в считанных экземплярах. Для того чтобы наладить в СССР промышленное производство этих образцов, требовались время и значительные капитальные вложения. Увеличить количество поставок современной техники немцы отказывались, ссылаясь на то, что сами не имеют ее в достаточном количестве.

Советские ВВС получили из Германии 30 новейших самолетов с запасными моторами и запчастями. Но при всех достоинствах этих машин их количество никак не могло существенно повлиять на мощь нашей авиации. А для того чтобы запустить германские самолеты в серийное производство, требовалось все то же – время и деньги. В конечном счете отечественные конструкторы, хотя и позаимствовали кое-что из немецкого опыта, пошли своим собственным путем. 10 января 1941 года стороны заключили еще одно соглашение на сходных условиях. Правда, командование вермахта к этому времени уже приступило к подготовке нападения на СССР. Теперь задача немецкой стороны сводилась к тому, чтобы выкачать из советских «друзей» как можно больше сырья для войны с ними же и одновременно максимально оттягивать выполнение собственных обязательств. Если раньше сотрудничество действительно было взаимовыгодным, то теперь ситуация изменилась радикально. За пять предвоенных месяцев Германия поставила в СССР товаров лишь на 29,9 миллиона марок (главным образом, краски и химические продукты, которые никоим образом не могли увеличить нашу военную мощь), выполнив свои обязательства менее чем на 5 %. Советская сторона, напротив, с удивительной и даже чрезмерной пунктуальностью отправила на Запад сырья и зерна на 185,3 миллиона марок.

Суммируя взаимные поставки и обязательства, историк Шевяков пришел к выводу, что с августа 1939 по июнь 1941 года в порядке бартера Германия получила от СССР сырья,

продуктов и транспортных услуг на 741,5 миллиона марок. Советская сторона получила от немцев товаров и кредитов на 507,3 миллиона марок. Великая Отечественная война подвела черту под этими расчетами: германские партнеры нагрели советских «друзей» на 234,2 миллиона марок.

Правда о «Священной войне»

64 года назад началась Отечественная война, названная Великой и потому, что принесла советскому народу великие муки, и потому, что выявила его великое мужество. Великий символ отмечает ее начало. В первые же дни войны прозвучала песня «Священная война». Она выразила дух народа, поднявшегося на защиту своей родины.

Официальная история песни такова, – рассказывает журналист Михаил Сторожев. – 24 июня «Известия» и «Красная звезда» опубликовали стихи В.И. Лебедева-Кумача «Священная война». На следующий день их прочитал Александр Васильевич Александров, руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски РККА. Они так потрясли композитора, что он тут же написал к ним музыку.

Удивительно, как быстро была сочинена эта великая песня! Видно, такова сила вдохновения, концентрирующая человеческие возможности. Так Руже де Лиль, «гений одной ночи», за несколько часов сочинил слова и музыку «Марсельезы». Но вот писатель Виктор Суворов, убежденный, что Сталин планировал сам в июле начать войну против Гитлера, в одной из своих книг пишет, что некоторые представители творческой интеллигенции еще зимой получили задание сочинить нечто такое, что воодушевляло бы советский народ на подвиги в скорой войне. В апреле Главное политическое управление рассмотрело некоторые плоды их творчества, и была среди них якобы и «Священная война». Так что вроде бы «гениев одного дня» не получается, песня была готова двумя месяцами раньше. Но как бы то ни было, 27 июня на Белорусском вокзале перед уходящими на фронт солдатами ансамбль в первый раз спел «Священную войну». Могучая мелодия, исполненные силы слова потрясли сразу, после первого куплета все, как по команде, встали. Песню пришлось исполнить целых пять раз подряд!

Однако нужно с горечью признать, что происхождение одной из самых дорогих реликвий нашей истории небезупречно. И только в 1991 году стало возможным открыто сообщить то, о чем поговаривали уже давно, – имя настоящего автора слов песни. В журнале «Столица» № 6 появилась статья журналиста А. Мальгина, в которой рассказывалось об учителе А. А. Боде, который написал «Священную войну» еще в 1916 году.

Род де Боде прославился своими военными подвигами. В конце XVIII века барон Карл де Боде приехал в Россию. С этого времени российская ветвь протестантских баронов, отказавшись от военной карьеры, посвятила себя труду исключительно мирному. Александр де Боде, будущий автор песни, родился 22 марта 1865 года в Клинцах Черниговской губернии. После окончания в 1891 году филологического факультета Московского университета Александр стал преподавать древние языки в Лифляндии, в гимназии Аренсбурга. Женился на дочери коллежского советника Надежде Ивановне Жихаревой, приняв перед этим, по настоянию родителей невесты, православную веру.

А.В. Александров, В.И. Лебедев-Кумач и Г.А. Эль-Регистан

О том, что молодой преподаватель древних языков довольно успешно справлялся со своими обязанностями, свидетельствует тот факт, что уже в мае 1895 года Александр Боде (частичку «де» он, должно быть, потерял при крещении в православие) получил чин титулярного советника, а через 20 лет стал коллежским советником, что согласно петровскому установлению о рангах соответствует воинскому званию полковника. Не обделен был преподаватель и наградами: орден Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й степени.

В 1906 году А. Боде был переведен учителем русской словесности в Рыбинск, где и встретил начало мировой войны. Сначала под звуки «Боже, царя храни» и «Прощания славянки» эшелоны уходили на фронт, затем, уже без оркестров, стали прибывать эшелоны с ранеными. Душа Александра Боде, «русского гугенота», радовалась победам русского оружия и тяжело переживала поражения. Именно тогда и родились удивительные строки, которые спустя 25 лет стали словами знаменитой песни. Вот ее первоначальный текст:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С германской силой темною,
С тевтонскою ордой.*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.*

*Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За русский край родной.*

*Не смеют крылья черные
Над родиной летать,*

*Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!*

*Гнилой тевтонской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.*

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С германской силой темною,
С тевтонскою ордой.*

Но тогда песня так и не была востребована. Возможно, свою роль сыграло то, что жил автор в захолустье, а может, к тому времени в стране уже возобладали антивоенные настроения.

Вот как его дочь Зинаида вспоминает о последних годах жизни Александра Адольфовича, которые он провел в поселке Кратово под Москвой: «Отец стал говорить о неизбежности войны с Германией: «Чувствую я себя уже слабым, а вот моя песня «Священная война» может еще пригодиться». Считая поэта-песенника В.И. Лебедева-Кумача большим патриотом, отец решил послать ему свою «Священную войну». Письмо со словами и мотивом песни было отправлено в конце 1937 году, но ответа не было. В январе 1939 года отец умер...» Выходит, поэт-песенник послание от Боду получил. И когда пришел час, выбросил из песни куплет «Пойдем ломить всей силою...», написав о том, что, мол, «дадим отпор душителям всех пламенных идей» (как же без идей-то!), исправил «тевтонской» на «фашистской», «германскою» на «проклятою». И подписал: «Вас. Лебедев-Кумач». Надо сказать, что грешок этот за ним не единственный. Его еще обвиняли в том, что присвоил у жительницы Ялты Ф.М. Квятковской слова популярного довоенного фокстрота «Маша», говорили, что стихи, удивительно похожие на «Москву майскую» («Утро красит нежным светом...»), были опубликованы в журнале «Огонек» еще до революции.

Миф о «внезапности»¹⁰

«На рассвете 22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны неожиданно и вероломно напала на Советский Союз...» Эти слова – из выступления Сталина по радио 3 июля 1941 года. Гитлеровское вторжение было действительно вероломным, но вот «неожиданным» его никак нельзя назвать. В том же выступлении сам Сталин признавал, что 170 дивизий, брошенных Германией против СССР, были придвинуты к границам СССР и находились в полной готовности, ожидая лишь сигнала для вторжения.

Архивные материалы советской внешней разведки – разведслужбы НКВД и Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба – свидетельствуют о том, что руководству СССР систематически докладывалось о нарастании военной опасности. Сталин обладал достаточно широкой и надежной информацией о замыслах Гитлера.

В 1930-е годы советская разведка имела в ведущих странах Запада, а также в приграничных государствах, разветвленную агентурную сеть. Опытными кадрами был укомплектован аппарат военных атташе при полпредствах за рубежом. Сталинские репрессии не обошли разведорганы, они были подвергнуты жесткой «чистке». Тем не менее в 1940–1941 гг. была воссоздана зарубежная агентурная сеть. Особое значение приобретали источники информации непосредственно в Германии. Ценными информаторами были иностранные граждане, работавшие на советскую разведку. Такова была группа венгра Шандора Радо, основавшаяся в Швейцарии. Самоотверженно действовал в интересах Советского Союза Рихард Зорге, находившийся в Японии. Насколько важны были добытые им данные, свидетельствуют его шифровки в центр ГРУ:

- 18.11.1940: первое сообщение о возможном нападении Германии на Советский Союз;
- 1.3.1941: из Франции передислоцируется 20 немецких дивизий к советской границе, где уже находятся 80 дивизий;
- 5.3.1941: получил микрофильм с телеграммы Риббентропа немецкому послу в Японии Отту с сообщением о том, что Германия начнет войну с Россией в середине июня 1941-го. Позже Зорге назовет точную дату нападения – 22 июня.

Уже за полтора года до начала войны из разных источников в Москву поступала тревожная информация о готовящемся нападении Гитлера. В донесении из Берлина от 20.01.1940 говорилось: «Нужно использовать теперешний момент, чтобы завоевать сто-процентное доверие СССР, а что Гитлер решит русский вопрос – это несомненно. Гитлер не будет делить господство в Европе со Сталиным». В другом сообщении из Берлина от 26.6.1940 указывалось, что Министерство путей сообщения Германии получило указание подготовить к концу 1940 года план перевозок с Запада на Восток. Информация из Парижа от 27.9.1940 гласила: «Немцы отказались от наступления на Англию, и ведущаяся подготовка к нему является лишь демонстрацией, чтобы скрыть переброску основных сил на Восток. Там уже имеется 106 дивизий». Работающий на советскую разведку сотрудник МИД Германии барон фон Шелиа сообщил 29.12.1940: из высокоинформированных кругов стало известно, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР, и война будет объявлена в марте следующего года. Это сообщение было перепроверено и после получения подтверждения должно по «большому списку», начиная со Сталина.

¹⁰ По материалам Ю. Басистова.

Советской разведке было известно достаточно много о плане «Барбаросса»

Трудно переоценить значение добытой информации о начатой в июле 1940 года по приказу Гитлера разработке плана войны против СССР и о подписанной им 18 декабря 1940 года директивы № 21 – плана «Барбаросса». Руководство СССР, благодаря усилиям разведки, было поставлено в известность и об издании директивы главного командования сухопутных войск Германии от 31 января 1941 года о стратегическом сосредоточении и развертывании на востоке трех групп армий – «Север», «Центр» и «Юг».

Наиболее крупной советской разведывательной сетью в Европе была организация Харнака – Шульце-Бойзена, известная под именем «Красная капелла». Ее члены, имевшие связи в правительственных инстанциях Германии, систематически поставляли службе внешней

разведки НКВД ценную информацию военного и политического характера. 18–19 июня 1941 года на основе этих данных был подготовлен обзорный документ, переданный наркому госбезопасности Меркулову для доклада Сталину. Зная отношение Сталина к донесениям иностранной агентуры и опасаясь отрицательной реакции, Меркулов не решился подписать документ и передать его Сталину. Содержание документа было рассекречено и опубликовано лишь в 1991 году. Он сообщал о нарастании гитлеровских приготовлений к нападению на СССР, о конкретных мерах, проводимых немецкими государственными и военными органами в этих целях.

Одно за другим следуют сообщения «Красной капеллы» о концентрации немецких войск на Востоке. Начиная с марта 1941 года, указываются сроки нападения на СССР – весной – летом 1941 года. Далее сообщалось, что все подготовительные военные мероприятия должны быть закончены в середине июня. Сформировано будущее административное управление оккупированной территории СССР во главе с Розенбергом. Назначены начальники военно-хозяйственных управлений будущих округов.

В архиве Министерства иностранных дел РФ обнаружена шифрограмма из Берлина от 4 апреля 1941 года с грифом «Особая. Строго секретно». Полпред Деканозов докладывал советскому руководству обобщенные данные о подготовке Германии к нападению на СССР. Документ содержал сведения о проведении мобилизации запасных и призыве лиц 1922 года рождения, о переброске войск вермахта на Восток, о выпуске для солдат немецко-русских разговорников. В полпредство поступало много анонимных сообщений и телефонных звонков немецких граждан с предупреждениями о грозящей СССР опасности.

В предвоенные месяцы поток информации о подготовке Германии к войне нарастал. Из Берлина поступило сообщение о том, что с 12 января в немецкой армии запрещены отпуска. Источник из Бухареста сообщил 19 января, что в беседе с Антонеску Гитлер заявил, что первоочередной задачей Германии является завершение боевых действий с Югославией и Грецией, затем будет поставлен вопрос об СССР.

В марте 1941 г. на основе поступивших в ГРУ новых донесений было подготовлено руководству спецсообщение. В нем указывалось, что в министерствах Берлина убеждены в предстоящей войне против СССР. Сроком нападения считают 1 мая 1941 года. Из Бухареста поступило сообщение, что нападение на СССР следует ожидать через три месяца, то есть в июне.

Военный атташе в Берлине генерал Тупиков доложил 9 мая 1941 г. план возможных действий немецкой армии против СССР. ГРУ информировало Сталина, Молотова и военных руководителей о боевом составе германской армии, о распределении ее войск против Англии и СССР, о группировке немецких войск против западных военных округов. На 1 июня здесь было сосредоточено 120–122 дивизии.

10 апреля 1941 года получены агентурные сведения о содержании беседы Гитлера с югославским принцем, в которой Гитлер заявил, что он решил открыть военные действия против СССР в конце июня 1941 года. В начале мая поступила информация о том, что военные приготовления на территории Польши проводятся открыто, немецкие офицеры прямо говорят о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом. 6 июня из Софии поступили сообщения о переброске немецких войск из Болгарии и Греции в Румынию к советской границе. В тот же день была доложена информация о том, что на германо-советской границе сосредоточено около 4 миллионов немецких и румынских солдат. Все начальники аэродромов в Польше и Восточной Пруссии получили указание подготовиться к приятию самолетов.

Наиболее важные сведения были получены центром от двух разведгрупп из Берлина вечером 16 июня. В них говорилось: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать

в любое время». Срочным спецсообщением эта информация была направлена Сталину и Молотову.

Советская разведка располагала уникальным информатором в лице немецкого антифашиста Герхарда Кегеля, бывшего в 1940–1941 годах сотрудником посольства Германии в Москве. Кегель пользовался в посольстве доверием руководства, включая посла Шуленбурга, который стремился не обострять отношения с Советским Союзом, пытался предостеречь Гитлера от недооценки советской оборонной мощи. В середине апреля 1941 года Шуленбург, изложив свою точку зрения по вопросу германо-советских отношений в обстоятельном меморандуме, отправился в Берлин для его вручения лично фюреру. 30 апреля, вернувшись в Москву, он сказал своим ближайшим сотрудникам: «Жребий брошен, война неизбежна».

До слуха Кегеля доходили разговоры сотрудников посольства, имевших родственников в различных берлинских ведомствах. Он был свидетелем начала скрытой эвакуации части семей дипломатов и служащих посольства. Вывозились также секретные документы. В середине мая большинство работников посольства знали, что война вот-вот начнется. Когда Кегель утром 21 июня приехал в посольство, во дворе жгли документы. Из Берлина пришло указание уничтожить последние шифры, а также сообщалось, что «германские интересы» в Москве будет представлять болгарский посланник. В этой обстановке Кегель, пренебрегая всеми правилами конспирации, вышел на незапланированный контакт с сотрудником ГРУ и сообщил, что война начнется через считанные часы. Много лет спустя Кегель, живший тогда в ГДР, с горечью вспоминал, что советский полковник ответил ему совершенно в духе того времени: «А вы не думаете, что это провокация?»

Посол Шуленбург и советник немецкого посольства Хильгер считали войну против СССР опасной для Германии. Когда стало ясно, что война неминуема, они пошли на беспрецедентный шаг, чтобы предупредить советское руководство о предстоящем нападении. Когда Сталину было доложено предупреждение Шуленбурга, он в присутствии членов Политбюро сказал: Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов.

Развитие событий в марте – апреле и вплоть до июня 1941 года отчетливо свидетельствовало: война стучалась в дверь. Маршал Жуков вспоминал, что в связи с сосредоточением крупных немецких войск в Польше Сталин послал Гитлеру в начале 1941 года письмо. В личном и «доверительном» ответе Гитлера утверждалось, что сосредоточение немецких войск в Польше связано с необходимостью обезопасить их от налетов английской авиации на Западе. Гитлер заверял в своей верности германо-советскому пакту «честью главы государства». По мнению Жукова, Сталин поверил фальшивым заверениям фюрера.

Известны два перехода немецких солдат на нашу сторону с предупреждениями о предстоящем нападении вермахта. В час ночи 22 июня в районе Волчина переплыл Буг перебежчик Ганс Шлютер. Он сказал, что в 4 часа утра германские войска начнут вторжение в Россию. Другой солдат, Альфред Лисков, покинув тайно свое подразделение, перешел границу близ города Сокаль. На допросе в погранотряде он сообщил, что днем раньше командир взвода объяснил солдатам, что в ночь с 21 на 22 июня после артиллерийской подготовки будет форсироваться река Буг на плотках, лодках и понтонах. Полученная от перебежчиков информация была срочно доложена в Москву. Реакция была обычной – «это провокаторы, нас пытаются дезинформировать».

Трудно себе представить, как могло остаться без внимания руководства страны во главе со Сталиным совершенно секретное сообщение НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 июня 1941 года. В документе докладывалось о широких военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР, в том числе о ночных перебросках частей всех родов войск, сосредоточении двух армейских групп, рекогносцировках немецкими генералами пригра-

ничных районов, о сосредоточении вблизи пограничных рек понтонов, брезентовых и надувных лодок, наконец, о запрещении отпусков в германской армии.

Сталин обладал в июне 1941 года достаточно достоверной информацией для принятия действенных мер по подготовке и отражению гитлеровской агрессии. О нарастании военной опасности убедительно свидетельствовала тревожная обстановка на советско-германской границе. С 1 января по 10 июня 1941 г. на границе с Германией было задержано 2080 нарушителей, разоблачено 183 германских агента, заброшенных на советскую территорию с разведывательными целями.

Предупреждения о готовящемся нападении Гитлера поступали от правительства США и Англии. Американский дипломат в Берлине Эдисон Вудс, имевший широкие связи в немецких высших кругах, получил в августе 1940 г. информацию о приготовлениях в ставках Гитлера к войне против СССР. Позже Вудс узнал о директиве № 21 – плане «Барбаросса», утвержденной Гитлером. Президент США Рузвельт принял решение сообщить в Москву о полученных сведениях.

На основании анализа военной обстановки в Европе весной 1941 года Черчилль решает проинформировать Сталина о немецких планах и высылает ему личное послание. Английский посол в Москве Криппс тщетно пытается вручить его Сталину или Молотову. Лишь через две недели предупреждение Черчилля было передано в Народный комиссариат иностранных дел. Спустя три дня посла уведомили, что послание премьер-министра вручено Сталину.

Предупреждения, поступившие из Вашингтона и Лондона, были расценены Сталиным как очередная «дезинформация», как попытка посеять подозрительность в отношениях СССР с Германией.

Советские разведывательные органы свой долг выполнили – руководство имело убедительные данные о надвигающейся опасности. Но пробить стену убежденности Сталина в непогрешимости его собственных суждений оказалось невозможным.

Миф о «внезапности» гитлеровского нападения был политическим маневром Сталина, с помощью которого он хотел снять с себя вину за неподготовленность страны и армии к войне.

Был ли удар Гитлера по СССР упреждающим?

В свое время газета «Московские новости» опубликовала статью Георгия Владимова «Была ли война Отечественной?» Как напоминает Владимов, лет пятнадцать назад «с новой версией нападения Германии на СССР» выступил Виктор Суворов. Она сводится к тому, что «Сталин готовился начать войну с Германией, а Гитлер... упредил его». Сторонники «новой версии», указывает писатель, оперируют ею как вполне доказанной. Говорят даже об «исторической школе» Суворова – Бунича.

Однако верят в нее в основном те люди, которые видят у Сталина одно лицо – великого преступника и игнорируют другое – выдающегося государственного деятеля. «Прочитав последнюю фразу, некоторые могут подумать, что написал ее сталинист. Нет, автор этих строк – сын незаконно раскулаченного крестьянина, к тому же поплатившийся военной карьерой за критику сталинщины. 16 февраля 1966 года во время обсуждения в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС книги Александра Некрича «1941. 22 июня», выступив после сотрудника института, пытавшегося «обелить» Сталина, я призвал присутствовавших не делать этого и тем задал, по существу, тон дискуссии», – пишет Виктор Анфилов, академик Академии военных наук, профессор МГИМО МИД РФ.

Георгий Владимов привел аргументы, которыми создатели «новой версии» подтверждают ее, считает В. Анфилов: «Называется довольно точная дата – июль 1941-го, но, значит, был мобилизационный план? Где же он? Бумага нашлась – «Соображения по плану стратегического развертывания», составленные А.М. Василевским, Игорь Бунич... и называется планом...» Никаких других документов, заключает автор, у Суворова и Бунича нет.

Но дело-то в том, что Сталин никогда не помышлял о нападении на Германию. Следуя тезису Ленина, что «столкновения между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежны», он настойчиво, пусть с грубыми ошибками, добивался повышения военного могущества страны. Замыслы Гитлера вскоре дошли до Сталина. В конце марта 1935 года по указанию Сталина первый заместитель наркома обороны Тухачевский написал статью «Военные планы Гитлера», которая после правки заказчика была опубликована в «Правде» 31 марта под названием «Военные планы нынешней Германии». В ней автор проявил удивительную прозорливость, изложив не только сценарий будущего вторжения вермахта в СССР, но и планы Гитлера на ведение Второй мировой войны в целом.

Факты опровергают миф о сговоре Сталина с Гитлером. Они стремились перехитрить друг друга, а не сговориться. Потому что цели у них были диаметрально противоположные. В отличие от Гитлера с его захватническими планами советское правительство в тогдашних условиях было вынуждено решать проблемы повышения обороноспособности страны. При этом допускались и противоправные методы (война с Финляндией, советизация Прибалтики и др.). От военного руководства требовали готовить вооруженные силы к будущей войне так, чтобы воевать, если ее навяжут, в соответствии с «советской военной доктриной: бить врага на его территории, добиваясь победы малой кровью».

Все планы стратегического развертывания, кроме майского 1941 года, о котором речь пойдет ниже, исходили из требования нанесения ответного удара. «Сложившаяся политическая обстановка в Европе, – подчеркивалось в датированных 11.3.1941 «Соображениях по плану стратегического развертывания...», – заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ... Вооруженное нападение Германии на СССР может вовлечь в военный конфликт с нами Финляндию, Румынию, Венгрию и других союзников Германии». Общий замысел боевого использования основных сил западных приграничных округов состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть границу в период сосредоточения и развертывания войск и не

допустить глубокого вторжения врага. На втором этапе планировалось мощными ударами главных группировок Западного и Юго-Западного фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти к реке Одер.

Сталин был категорически против упреждающего удара по немцам

Важное место в подготовке к войне занимала организация прикрытия государственной границы. Она осуществлялась в соответствии с разработанным Генеральным штабом «Планом обороны государственной границы 1941 года». В соответствии с общим планом были составлены планы прикрытия округов и армий. Основу обороны должны были составить укрепленные районы (УР). На их строительство 12 февраля 1941 года по настоянию нового начальника Генштаба Жукова (вступил на этот пост 1 февраля) Совнарком СССР отпустил 930 миллионов рублей, а 18 марта Киевскому особому военному округу дополнительно было выделено 252 миллиона рублей. Чтобы представить себе объем оборонительных работ, достаточно знать, что на строительство сооружений в УРах Прибалтийского

округа ежедневно выходило 57 778 солдат и вольнонаемных рабочих, Западного округа – 34 930 человек, Киевского – 43 006 человек. Вся эта масса невооруженных людей под оружейно-пулеметным огнем противника 22 июня в панике бежала на восток. Сказался грубейший просчет Сталина в оценке времени нападения Германии на СССР.

Вот что рассказывал маршал Жуков: «Решительно отвергая нашу с Тимошенко просьбу о приведении войск западных округов в полную боевую готовность, Сталин говорил, что, во-первых, для ведения большой войны с нами немцам нужна нефть и они должны сначала завоевать ее, а во-вторых, необходимо ликвидировать западный фронт, высадиться в Англию или заключить с ней мир». Наличие двух фронтов, рассуждал Сталин, Гитлер еще в «Майн кампф» считал главной причиной поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне.

В основе «новой версии» войны наряду с «миллионами сапог» и тысячами танков лежат майские «Соображения...». На «Соображениях по плану стратегического развертывания...» (рукописным текстом, схемами и картами) ориентировочно (точно день не указан) от 15 мая 1941 года никаких автографов вождя, а также подписей наркома обороны и начальника Генштаба. Маршал Жуков рассказывал, почему они с наркомом решили предложить Сталину нанести упреждающий удар. К середине мая они пришли к выводу, что Германия полностью отмобилизовала свою армию, сосредоточила ее в основном у границ СССР и развернула тылы. Данные разведки свидетельствовали о скором вторжении врага. Это главный фактор, который предопределил их инициативу. К ней наркома и начальника Генштаба подтолкнуло и выступление Сталина на приеме выпускников военных академий 5 мая. Заявив о перевооружении и перестройке Красной Армии, Сталин сделал вывод, что она готова вести войну наступательно. Воодушевленные «воинственным» настроением вождя и учитывая складывающуюся на границах обстановку, Тимошенко и Жуков решили внести коррективы в мартовский план и предварить новый документ предложением об упреждающем ударе. Эту задачу начальник Генштаба поставил разработчику предшествующих планов генерал-майору Василевскому. В середине мая документ был готов. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, – указывалось в нем, – она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск». «С этим документом, – продолжал Жуков, – мы через день или два прибыли к Сталину, рассчитывая на его одобрение. Услышав об упреждающем ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. «Вы что, с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать?» – прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками. «Так я сказал это, – услышали мы в ответ, – чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят радио и газеты всего мира». Предложенный план Сталин утверждать не стал, но мероприятия по выдвиганию войск из глубины страны и созданию второго стратегического эшелона, в целях противодействия готовящемуся вторжению немцев, разрешил продолжать. Однако строго предупредил при этом, чтобы мы не давали повода для провокации».

В соответствии с решением Главного военного совета в период с 13 по 25 мая Жуков отдал распоряжение выдвинуть на рубеж Западной Двины и Днепра 22-ю, 21-ю, 19-ю и 16-ю армии. Переброска войск была спланирована с таким расчетом, чтобы завершить сосредоточение в назначенных районах в период с 1-го по 10 июля.

Подтверждением крайне негативного отношения Сталина к идее упреждающего удара является директива наркома обороны, отданная военным советам округов 16 мая 1941 года.

В связи с невыполнением плана оборонительного строительства за первые четыре месяца 1941 года Тимошенко, строго предупредив ответственных работников, потребовал увеличить размах работ.

Поскольку Сталин жестко приказал не допускать никаких поводов для провокации, приграничным округам было запрещено даже занимать предполье. Командующий Киевским военным округом генерал-полковник Кирпонос рискнул нарушить запрет. Заместитель наркома внутренних дел Украины Строкач доложил об этом своему начальнику Берии, а тот немедленно уведомил Сталина, который вызвал Тимошенко с Жуковым, сделал им разнос и потребовал отменить самочинное распоряжение. 11 июня все командующие округами получили очередное строгое указание: «Полосу предполья без особого на то приказа полявыми и УРОВскими частями не занимать».

В то время как противник завершал занятие исходного положения для вторжения, войска прикрытия не были приведены в полную боевую готовность, а резервное соединение находилось в движении. «С 13 июня изо дня в день мы с Тимошенко просили Сталина дать разрешение на это, – говорил мне Жуков, – но он до вечера 21 июня так и не откликнулся». С опозданием полученное разрешение, как потом выяснилось, не успели довести до войск. Вот ведь какой парадокс: после войны с Финляндией, как свидетельствуют архивные документы и современники, Сталин, веря в неизбежность войны с Германией, все усилия направлял на подготовку к отражению агрессии – и тем не менее, имея исчерпывающие данные разведки, игнорировал их и допустил ошибку.

Наконец, о какой подготовке нападения Советского Союза на Германию может идти речь, если 25 февраля 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление за подписями Молотова и Сталина «О реорганизации авиационных сил Красной Армии». Приведем некоторые выдержки из него: «Для установления в ВВС Красной Армии системы подготовки летного и технического состава, повышения качества боевой подготовки, ускорения переучивания на новые типы самолетов и реорганизации системы авиационного тыла Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

...Предусмотреть к концу 1941 года выделение для каждой школьной истребительской эскадрильи 5 самолетов «УТИ-26» с тем, чтобы в 1942 году расширить обучение в школах на новых типах истребительных самолетов... Для подготовки командного состава авиации наркомату обороны к 1 июня 1941 года сформировать шесть военных авиационных училищ... В подготовке летного состава строевых частей установить два этапа обучения: первый этап – с задачей подготовить экипаж, звено, эскадрилью к боевым действиям днем в простых условиях... Второй этап – с задачей подготовить звено, эскадрилью и полк к боевым действиям в сложных метеорологических условиях днем... В целях обеспечения работы авиации, в первую очередь в основных приграничных округах: построить в 1941 году 240 взлетно-посадочных полос...»

Данное постановление является одним из свидетельств того, что Сталин, как он сказал впоследствии Черчиллю, ожидал нападения Германии в 1942 году, и позволяет представить, в каком тяжелом состоянии находилась наша авиация к началу войны. Не лучше было положение в бронетанковых и воздушно-десантных войсках. Могла ли в таких условиях Красная Армия наносить упреждающий удар?

То, что в статье Георгия Владимова названо «новой версией» войны, преследует неблагоприятную цель – оправдание гитлеровской агрессии против Советского Союза. Факты и документы убедительно свидетельствуют, что версия эта фальшива.

Правда и выдумки о заградотрядах¹¹

Эта тема до сих пор практически не изучена. Что же на самом деле представляли собой заградительные отряды? Прежде всего заградотряды отнюдь не изобретение сталинского руководства. В той или иной форме такие структуры существовали с глубокой древности. Так, например, персидский царь Дарий в битве при Гавгамелах (331 год до н. э.) поставил свою гвардию позади греческих наемников, поскольку сомневался в поведении греков, вынужденных сражаться против своих же соотечественников. Заградотряды использовал Александр Македонский. Петр I, особенно в первые годы Северной войны, ставил калмыков с пиками позади плохо обученных новобранцев. Наполеон во время русского похода располагал пушки в тылу наступающих испанских частей. В 1916 году генерал Брусилов размещал позади идущей в атаку пехоты пулеметные команды. Неизвестно, правда, пускали ли пулеметы в ход, но уже сам факт их присутствия убавлял желания отступить... Немцы, кстати, частенько поступали точно так же. А во французской армии солдат, самовольно оставивших передовую, особые отряды отлавливали и ставили к стенке без всяких формальностей. В Гражданскую войну заградительные отряды применяли как белые, так и красные. Особенно когда в погоне за увеличением численности войск обе стороны стали прибегать к насильственной мобилизации. Известны случаи, когда колчаковцы подгоняли наступавшие цепи артиллерийским огнем, особенно этим отличался атаман Анненков, чьи методы породили термин «белый большевизм». А латышские части и личная охрана Троцкого открывали пулеметную стрельбу по дрогнувшим красным войскам. Так что ничего нового в заградительных отрядах нет.

Но во время Второй мировой войны смысл существования заградотрядов несколько исказился. Говоря о заградотрядах Великой Отечественной войны, часто, случайно или сознательно, допускают смешение двух совершенно разных вещей. Потому-то в свидетельствах очевидцев царит путаница. Под термином «заградительные отряды» понимаются порой совершенно разные структуры.

С самого начала войны в Красной Армии действовали так называемые заградительные отряды войск НКВД по охране тыла. Подчинялись они Управлению особых отделов НКВД, которым руководил Лаврентий Берия. Войска НКВД – это аналог современных внутренних войск, куда призывались на срочную службу обычные люди. Что же касается частей по охране тыла, то они, по сути, выполняли те же функции, что полевая жандармерия вермахта или англо-американская военная полиция. Они обеспечивали безопасность тыловых коммуникаций, отлавливали вражеских агентов, дезертиров, мародеров и т. д. И доставляли их в особые отделы для выяснения.

¹¹ По материалам А. Щербакова.

Какую роль в действительности сыграли заградотряды в годы Великой Отечественной войны?

Правда, в случае с войсками НКВД дело обстояло сложнее. Как известно, первые месяцы войны представляли собой череду отступлений и эвакуации. В этой обстановке некоторые командиры и политработники срывали знаки различия и уничтожали документы, солдаты бросали оружие... Всю эту публику задерживали заградотряды НКВД и в случае нужды – направляли в особые отделы, которые искали в их рядах шпионов. Но это отнюдь не значит, что всех задержанных ставили к стенке. Далеко не всех. Вот что говорит нам официальный документ.

*«Совершенно секретно
Народному комиссару внутренних дел СССР
Генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу БЕРИЯ*

СПРАВКА

С начала войны по 10-е октября с. г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, оставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами Войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

– Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов – 1505

диверсантов – 308

изменников – 2621

трусов и паникеров – 2643

дезертиров – 8772

распространителей провокационных слухов – 3987

самострельщиков – 1671

других – 4371

Всего – 25 878

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем – 3321 человек.

Зам. Нач. Управления ОО НКВД СССР комиссар гос. безопасности 3 ранга С. Мильштейн (октябрь 1941 года)».

Появление же других, овеянных жуткой легендой заградотрядов относится к лету 1942 года. Они были созданы после знаменитого Приказа Народного комиссариата обороны № 227 от 28 июля 1942 года. Вот лишь некоторые выдержки:

«1. Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

2. Военным советам и прежде всего командующим армиями...

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира

корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН»

Приказ этот отдали не от хорошей жизни. Летом 1942 года положение Красной Армии было хуже некуда. На юге фронт фактически перестал существовать. По бескрайней степи брели части, лишённые связи, не представляющие, где свои, где чужие. Тут выбор один – либо полная катастрофа, либо крутые меры. И были созданы заградотряды. Кстати, само их существование ни для кого не являлось секретом.

Посылали в них обычных военнослужащих – из частей, не имеющих к ведомству Берии никакого отношения. Какого-то особого центрального командования у заградотрядов не было. Собственно, приказ о непосредственном создании таких отрядов издавал командующий конкретной армией, который сам решал, кого туда послать и как вооружить. Командующему армией они и подчинялись. Интересно, что у фронтовых командиров особое недовольство вызвал не сам факт их создания, а то, что заградотряды часто были вооружены автоматами, которых тогда еще не доставало.

Конечно, предпочитали брать коммунистов. Но и это получалось не всегда. «Я был кандидатом в партию. Как попал в заградотряд? Моего согласия никто не спрашивал. После госпиталя дали предписание: прибыть туда-то. А на месте разъяснили задачу: задерживать дезертиров и паникеров. И все. Куда послали, там и служил», – рассказывал один ветеран. Никаких сведений о том, что в такие отряды набирали уголовников, которых днем и ночью накачивали водкой, обнаружить не удалось.

Согласно приказу, заградотряды выставлялись в тылу у неустойчивых дивизий. Кто они, эти неустойчивые? Прежде всего – части, наскоро сформированные из новобранцев, укомплектованные необстрелянными командирами. Хотя руководство Красной Армии и старалось разбавлять новичками побывавшие в бою части. Но в те критические дни дыры в обороне затыкали кем придется. Между прочим, за другим детищем Приказа № 227 – штрафными батальонами – заградительных отрядов не было! Их боевой дух был очень высок.

Чем же непосредственно занимались заградотряды? Вот тут-то и начинаются загадки. При самом тщательном поиске никому из историков не удалось обнаружить в архивах свидетельств о том, что эти части гнали войска в наступление под дулами пулеметов и расстреливали отступающих. Вот, к примеру, что пишет в своих воспоминаниях Герой Советского Союза генерал армии Лащенко: «Я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере на нашем участке фронта. Уже после войны я запрашивал архивные документы на этот счет. Таких документов не нашлось... Заградительные отряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеских десантов, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были, наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты».

Конечно, не все было так хорошо и благобно. Вот рассказ одного из ветеранов, служивших в этих соединениях. «Дело было на Северном Кавказе. Нам встретилась часть, отступающая в полном беспорядке... Слова на них уже не действовали. Мы стали стрелять в воздух, потом – в землю перед отступающими... Затем наш командир принял решение: расстрелять на месте капитана, командовавшего частью... Этот расстрел хоть и привел остальных в чувство». Скорее всего этот случай не был единичным явлением.

На особо важных переправах нарушителю порядка могли без всяких разговоров пустить пулю в лоб. Но так же действовал и Наполеон при знаменитой переправе через Березину. Дабы избежать паники, старая гвардия открыла огонь по своим. На войне как войне.

А что касается массовых расстрелов отступавших... Ветеран Кононов: «На передовой у нас ходили слухи, особенно среди новобранцев, что за спиной стоят пулеметы, которые откроют по нам огонь, если мы уйдем с позиции. Но чтобы его действительно открывали – такого я не видел и не слышал». Что ж, можно предположить, что особые отделы применили здесь способ психологической обработки. Но одно дело – расстреливать и совсем другое – пугать.

Вот еще одно мнение человека, прошедшего всю войну: «Заградотряды солдаты, конечно, недолюбливали. Но, по-моему, вокруг них много клеветы. Да, я слышал песню про то, что «эту роту расстрелял из пулемета свой же заградительный отряд...» Такое может сочинить только тот, кто никогда не был на войне. Ну, допустим, расстреляли эту роту. А кто воевать-то дальше будет?..»

Кстати, в войсках вермахта специальные заградительные отряды, дополняющие полевую жандармерию, появились еще раньше, чем у нас, – во время наступления Красной Армии зимой 1941–1942 годов. Задачи у них были абсолютно такие же – расстреливать на месте паникеров и дезертиров. Вот что писал в своих послевоенных записках обер-лейтенант Курт Штайгер: «В зимний период наши военнослужащие страдали от страшных русских морозов. Боевой дух упал. Некоторые солдаты пытались под разными предложениями оставить находящиеся на передовой части. К примеру, симулировали тяжелые обморожения. Поддержанию дисциплины во многом способствовали специальные части, которые по приказу командования задерживали таких солдат. Они имели очень широкие полномочия, в том числе и право на применение смертной казни без суда».

А советские заградительные отряды исчезли незадолго до окончания войны. В связи с изменением ситуации на фронтах после 1943 года отпала необходимость в их дальнейшем существовании. К 20 ноября 1944 года в соответствии с Приказом НКО СССР № 0349 они были расформированы.

Откуда же появилась легенда о жестокости заградотрядов? По мнению специалистов, впервые эту тему начал настойчиво раскручивать пропагандистский аппарат власовской Русской освободительной армии. Ведь главное положение идеологии власовцев – они, мол, воюют не за немцев, а за освобождение России от тирании Сталина. Почему же остальные люди сражаются с освободителями до последнего вздоха? Их под пулеметами гонят.

Но есть и еще одна тонкость. «На войне бывает всякое, – говорит полковник в отставке Ширенко. – К примеру, я наблюдал, как командир артиллерийской батареи по ошибке накрыл собственную отступающую часть. Его, кстати, за это отправили под трибунал, а потом – в штрафной батальон. Попадали солдаты и под собственные пулеметы. И собственные самолеты и танки подбивали. Мало кто знает, к примеру, что самое крупное в мировой истории танковое сражение под Прохоровской началось с перестрелки между своими. Две наших танковых колонны не узнали друг друга в тумане». Не из-за таких ли печальных, но, увы, неизбежных на войне ошибок пошли слухи о расстрелах своих?

Приказ № 270, или расстрелянные генералы¹²

В августе 1941 года появился грозный приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270. Его подписали председатель Государственного комитета обороны СССР И. Сталин, заместитель председателя В. Молотов, Маршалы Советского Союза С. Буденный, К. Ворошилов, С. Тимошенко, Б. Шапошников и генерал армии Г. Жуков. И адресован он был всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных крайисполкомов, СНК республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов. Он не подлежал опубликованию, но его предписывалось прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. В приказе завуалированно говорилось об обстоятельствах разгрома 6-й, 12-й и других армий, а также о неудачах на Западном фронте. По стилю и содержанию можно предположить, что в гневе и впопыхах его писал лично Верховный. Почему-то командующего 12-й армией генерал-майора Понеделина Павла Григорьевича назвали генерал-лейтенантом. А все военные чины, подписавшие приказ, несомненно, лично знали Понеделина, и ошибка в его воинском звании была бы исправлена, если бы ее допустил не сам Верховный.

Приказ начинается с тирады о том, что «не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, их громадное большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, а порой прямо героически». После нескольких положительных примеров выхода из окружения противника остатков некоторых частей обрушивается лавина проклятий в адрес командармов 28-й и 12-й армий и командира 13-го стрелкового корпуса: «Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробился из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией (а где же группы армий? Куда делась 6-я армия, которой командовал Понеделин с 27 июля, так как командарм 6-й был тяжело ранен? – *А.Л.*), попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

¹² По материалам полковника юстиции А. Лискина.

Неудачи Красной Армии на первых этапах войны вызвали волну репрессий в среде командующего состава

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу».

И далее: «Некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят поля боя, а при серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля

боя». Позволю себе процитировать тут же воспоминания известного поэта Евгения Долматовского, очевидца сражений 6-й и 12-й армий в окружении возле г. Умани: «К северу и востоку от Новоархангельска наши войска отражали натиск 16-й, 11-й и 9-й танковых дивизий, а также двух механизированных (одна из которых тоже значилась под номером 16, а другая называлась «Адольф Гитлер»). С запада надвигались 297-я, 24-я, 125-я и 97-я пехотные дивизии. На юге и юго-западе (а мы рассчитывали пробиться на юг) против нас были выставлены 1-я и 4-я немецкие горнострелковые, 257-я и 96-я пехотные, 110-я и 101-я легкопехотные дивизии, да еще венгерский и румынский корпуса. Здесь же находилась итальянская дивизия, впоследствии оккупировавшая Первомайск. <...>

По немецким данным, наши 6-я и 12-я армии сковали двадцать две... полнокровные дивизии противника с приданными им всевозможными средствами усиления (отдельные артиллерийские дивизионы, отдельные понтонные батальоны, «пионерские», то есть саперные, части, наконец, батальоны фельджандармерии и зондеркоманды). А в воздухе против нас действовали наиболее отличившиеся на европейском театре эскадрильи бомбардировщиков и истребителей общей численностью более 700 самолетов...

Отчаянные бои, которые вели 6-я и 12-я армии сначала в оперативном, а потом и в тактическом окружении с конца июля почти по середину августа, оказались в историческом плане вкладом в разгром гитлеровского блицкрига... 6-я и 12-я армии грудью прикрыли Днепропетровск – крупнейший район сосредоточения нашей промышленности, которую необходимо было эвакуировать. А пока она работала на оборону! Был также сорван захват Киева. Пока эти армии сражались, было эвакуировано в глубь страны 99 тысяч вагонов с промышленным оборудованием».

В приказе Ставки № 270 обо всем этом ни слова.

Против генералов Качалова Владимира Яковлевича, Понеделина Павла Григорьевича и Кириллова Николая Кузьмича военной прокуратурой были возбуждены уголовные дела по обвинению их в измене Родине, а в основу обвинения в качестве главного доказательства положены выписки из приказа Ставки № 270 и несколько малозначащих бумаг.

Судьи Военной коллегии Верховного Суда СССР, пренебрегая отсутствием доказательств, на основании формулировок того же приказа заочно осудили Качалова В.Я. (29 сентября 1941 года), Понеделина П.Г. и Кириллова Н.К. (13 октября 1941 года), определив каждому в качестве меры наказания расстрел. Тут же сработала машина преследования – пострадали жены и совершеннолетние дети Понеделина и Кириллова. Репрессировали даже тещу Качалова.

По большому счету все три генерала стали жертвами политических и военно-стратегических просчетов лиц, подписавших приказ Ставки № 270, ибо войска, которыми эти генералы командовали, были разбиты превосходящими силами противника. Известно, что, находясь в неволе, генералы Понеделин и Кириллов вели себя достойно, их не сломали ни издевательства, ни посулы фашистов, а ведь оба отлично знали о приказе Ставки № 270 от 16 августа 1941 года. 29 апреля 1945 года в числе других пленных они были освобождены американскими войсками. Понеделину предлагали службу в армии США, но он отклонил это предложение.

3 мая 1945 года всех бывших военнопленных генералов доставили в Париж и передали советским представителям. Затем их отправили самолетом в Москву. Какое-то время они жили свободно, носили положенную генеральскую форму и ничего не знали о своих семьях. Видимо, в отношении их проводились мероприятия спецслужб, но заочный приговор Военной коллегии Верховного Суда от 1941 года в исполнение не приводился. Арестовали Понеделина и Кириллова только 30 декабря 1945-го по постановлению начальника следственного отдела ГУКР «СМЕРШ» генерала Леонова, санкционированному начальником ГУКР

«СМЕРШ» В.С. Абакумовым и главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Н.П. Афанасьевым.

Фактически на основании приказа Ставки № 270 были возбуждены новые уголовные дела, но без ссылок на этот приказ и с умолчанием о наличии уголовного дела с заочным приговором о расстреле. Генералов водворили в Сухановскую тюрьму особого режима. В конце 1946 года власти СССР полностью рассчитались с предателем А.А. Власовым и его ближайшим окружением, а с Понеделиным и Кирилловым не спешили. Для них тянулись страшные годы пребывания в тюремных застенках, заполненные редкими допросами, бесконечными продлениями сроков следствия и содержания под стражей. Похоже, от них ожидали (или требовали) признания вины за окружение и разгром 6-й и 12-й армий.

20 августа 1950 года «по новым обстоятельствам», которых фактически не имелось, по заключению ГВП, Военная коллегия отменила свой заочный приговор от 13 октября 1941 года, Понеделину и Кириллову (по их новым делам) объявили об окончании следствия (без предъявления дела за 1941 год), а 25 августа все той же коллегией обоих, теперь уже очно, вновь приговорили к расстрелу с немедленным приведением приговоров в исполнение. Генералы признали, что в бою попали в плен. Суду этого было достаточно.

Из собранных следствием и судом материалов очевидно, что генералы невиновны, но грозный приказ Ставки № 270 делал их таковыми, и ни у следователей, ни у судей не хватило мужества хоть как-то протестовать.

После смерти Сталина ГВП было проведено настоящее расследование вновь открывшихся обстоятельств, и все та же пресловутая Военная коллегия Верховного Суда СССР в феврале 1956 года приняла определение о реабилитации загубленных политическим произволом верных сынов Отечества. Вскоре были реабилитированы их жены и дочери.

Содержание приказа Ставки № 270 о генерале Качалове было еще более постыдной и трагической нелепостью. Оказалось, что он, командуя в Ельнинской операции 28-й армией Резервного фронта под руководством Г.К. Жукова, попал в сложную обстановку. В боях севернее города Рославля его штаб был отрезан от войск. Его громили наземным огнем вражеские пушки и минометы, а сверху старательно бомбила авиация. Генерал Качалов погиб. Это удалось доказательно установить смоленским чекистам при вскрытии братской могилы в деревне Старинка Смоленской области и при дополнительном расследовании.

Значит, в приказе Ставки № 270 глумились над генералом, уже сложившим голову за свободу и независимость Родины. Он реабилитирован в 1953 году, после смерти Сталина, и, согласно сообщению ГУК МО РФ, «считается погибшим в Великой Отечественной войне в районе д. Старинка Смоленской области» (приказ МО СССР № 0855 от 13 февраля 1954 года). Жену генерала Качалова Елену бдительные «законники» дважды упрятывали в тюремные камеры и лагерные зоны. Пострадала, как вы помните, и мать Елены. Реабилитировали их уже в 1954 году.

Безусловно, изменить историю или переписать ее заново невозможно. Однако очистить ее от наносной грязи назрела необходимость. Подобные попытки очищения истории уже предпринимались. Так, на XX съезде КПСС разоблачили культ личности И.В. Сталина. Потом воскресили из небытия героев Брестской крепости, рассказали о подвиге героя-подводника Александра Маринеску. Настало время официально решить вопрос о несостоятельности и несоответствии действительности приказа Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года в части необоснованных обвинений в трусости и измене Родине генералов Качалова В.Я., Понеделина П.Г. и Кириллова Н.К.

Линкор «Марат»: жизнь после «гибели»¹³

Судьбы кораблей, как и судьбы известных людей, со временем обрастают всевозможными легендами и слухами, зачастую имеющими мало общего с реальными фактами. Так случилось и с линкором «Марат», одним из знаменитых кораблей советского Военно-морского флота. Пресса много писала о нем и в предвоенные годы, и после Великой Отечественной. Однако еще совсем недавно камнем преткновения в истории линейного корабля была роковая дата 23 сентября 1941 года.

27 августа 1911 года корабль, заложенный на Балтийском заводе 3 июля 1909 года под названием «Петропавловск», был спущен на воду и покинул стенку завода в декабре 1914-го. В годы Первой мировой войны линкор находился в Гельсингфорсе. Экипаж корабля принял непосредственное участие в Октябрьском перевороте 1917 года. А в феврале 1921 года линкор стал центром антибольшевистского мятежа в Кронштадте. Лидером мятежников был Петриченко, служивший писарем на «Петропавловске». Восстание подавили, и 31 марта того же года корабль получил новое революционное имя «Марат».

¹³ По материалам А. Мальцева.

Линкор «Марат» во время воздушного налета

Первые мирные годы после Гражданской войны линкор провел в море на боевой службе. Но осенью 1928-го пришло время для его модернизации. Он простоял у стенки родного завода два с половиной года. В ходе работ уменьшили количество котлов энергетической установки, а на освободившемся пространстве разместили погреба зенитной артиллерии, штурманский и артиллерийский посты, пост энергетике и живучести, радиоцентр и пост гидроакустики. Также отремонтировали главные турбины, переклепали наружную обшивку, сменили листы водонепроницаемых отсеков. Новые надстройки и мачты изменили облик корабля. В апреле 1931 года обновленный «Марат» снова вошел в состав бригады линейных кораблей.

В предвоенной биографии корабля произошло три основных события. 7 августа 1933 года во время выполнения учебных артиллерийских стрельб главным калибром матросы, находящиеся на фок-мачте, увидели пламя, выбивающееся из амбразуры второй башни. Немедленно последовавшая команда на затопление погребов башни предотвратила взрыв

боезапаса, однако при этом погибло 68 человек. Причиной пожара стало преждевременное открытие оружейного замка после выстрела. Башня была введена в строй уже в октябре. 10 мая 1937 года линкор ушел в Великобританию для участия в морском параде по случаю коронации Георга V. Возвращаясь, «Марат» побывал в портах Мемеля, Либавы и Таллина. Корабль принял участие и в боевых действиях в ходе советско-финляндской войны. В условиях сложной ледовой обстановки 19 декабря 1939 года «Марат» обстрелял из своего главного калибра финскую батарею Сааремпя на острове Биоркэ.

К 1941 году линкор прошел более 75 000 морских миль и благодаря постоянной модернизации вооружения и оборудования имел весьма высокие тактико-технические характеристики. Его экипаж насчитывал 1286 человек. Капитальный ремонт корабля намечался на лето 1941 года, однако началась война...

Имя «Марат» неразрывно связано с обороной Ленинграда. Начало войны застало корабль на Большом Кронштадтском рейде. Уже в 14 часов 22 июня он впервые открыл огонь по противнику, обстреляв финский самолет-разведчик. На следующий день зенитные расчеты корабля сбили два вражеских самолета и «Марат» первым на Балтике открыл боевой счет. Атаки авиации противника линкор отражал ежедневно в течение следующих двух месяцев, а 22 августа в связи с возникновением прямой угрозы Ленинграду «Марат» перевели на новую огневую позицию в огражденной части Морского канала. 9 сентября загрохотали дальнобойные орудия главного калибра корабля, стрельба по наступающим немецким войскам велась почти беспрерывно.

14 сентября линкор получил первые попадания вражеских снарядов. Уже спустя два дня в ходе артиллерийского обстрела были выведены из строя сразу три зенитных орудия на носовой площадке. Эта потеря имела для «Марата» серьезные последствия, так как в тот же день, 16 сентября, корабль подвергся массовой атаке 27 пикирующих бомбардировщиков. Вражеские самолеты атаковали с носа и кормы. Успеха добилась группа «Юнкерсов», зашедших с носового угла. Жизненно важные отсеки и помещения не пострадали. Были разрушены салон кают-компаний и несколько офицерских кают. Взрыв бомб также вывел из строя кормовые зенитки, различные повреждения получила четвертая башня главного калибра и некоторые орудия. Погибло 25 человек. Но среди экипажа появились и первые герои. При отражении налета отличились командир зенитного дивизиона Сухареv, старшины батарей Беляков, Корбань, Котов. Метким огнем зенитчиков было сбито три «Юнкерса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.